Михаил Бочкарев

Моя война

SHOUT
SHARE
IT

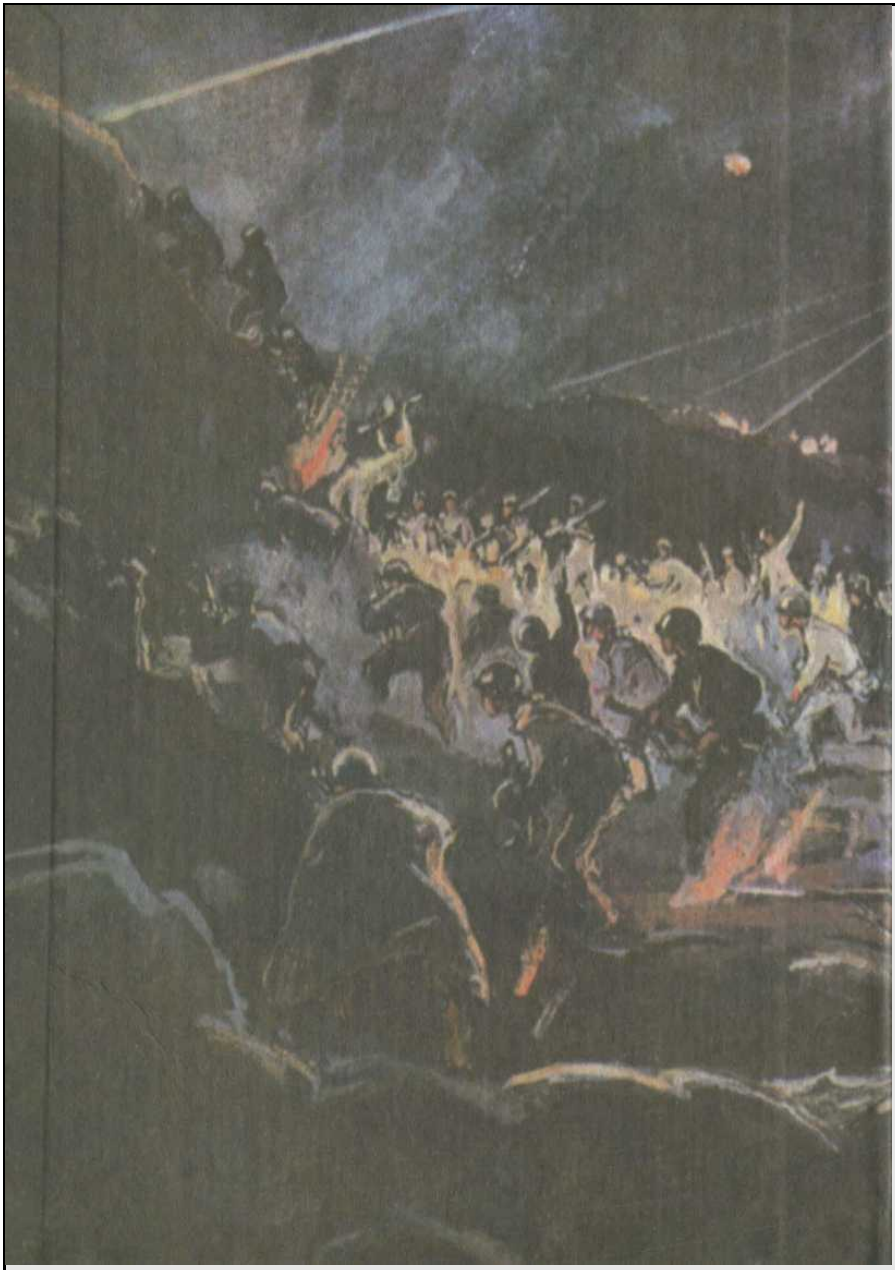
Annotation

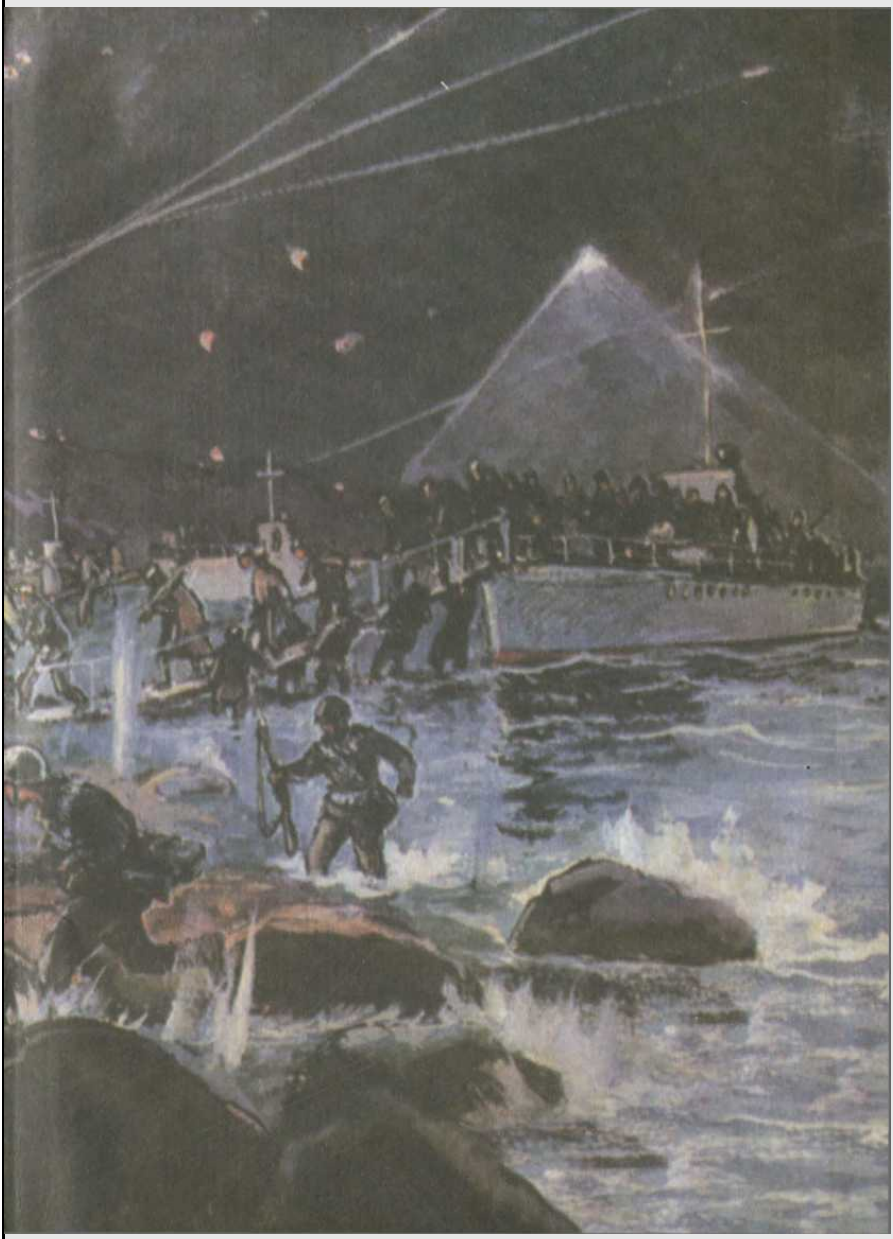
В книге активный участник Великой Отечественной войны, ветеран Военно-Морского Флота контр-адмирал в отставке Михаил Павлович Бочкарев рассказывает о суровых годах войны, огонь которой опалил его в битве под Москвой и боях в Заполярье, на Северном флоте. Рассказывая о послевоенном времени, автор повествует о своей флотской службе, которую он завершил на Черноморском флоте в должности заместителя командующего ЧФ — начальника тыла флота. В настоящее время МЛ. Бочкарев возглавляет совет ветеранов-защитников Москвы (г. Севастополь). Для широкого круга читателей.

- Михаил Бочкарев
  - ○
  - ○ Часть I
    - ■ Пришла война
    - ■ Под Москвой
    - ■ Рейд по тылам врага
    - ■ Стояли насмерть
    - ■ Слава бригады
    - ■ Лечение и учеба
  - ○ Часть II
    - ■ Впервые на Севере
    - ■ Знакомство с дивизионом
    - ■ Десанты в 1942 году
    - ■ Алые паруса
    - ■ Первые шаги
    - ■ Первая потеря
    - ■ Тяжелая утрата
    - ■ Десанты в сентябре 1943 года
    - ■ Минные постановки
    - ■ Ремонтные заботы
    - ■ Десанты в марте 1944 года
    - ■ Плавбаза «Ветер»
    - ■ Арктическое плавание
    - ■ Участие в Петсамо-Киркинесской операции
    - ■ Встречая и провожая союзные конвои
    - ■ Захождение
    - ■ Пришла Победа
    - ■ Приложение 1
    - ■ Приложение 2
    - ■ Здесь открыли путь к Берлину

- Часть III
  - На дивизионе «морских охотников»
  - В штабе Северного флота
  - В Военно-морской академии
  - В Генеральном штабе Войска Польского
  - Командование бригадами кораблей ОВРа
  - На противолодочном полигоне
  - В тылу Черноморского флота
- Иллюстрации

Михаил Бочкарев
МОЯ ВОЙНА
Документальная повесть





Михаил Бочкарев

Моя война

Документальная повесть

Библиотека альманаха «Маринист»
Серия: Патриоты Флота и Севастополя

«Таврида»
г. Симферополь
2006

Об авторе и его книге

Из поколения наших отцов

Пожалуй, всем известна русская пословица: настоящий мужчина в жизни обязан построить дом, посадить дерево и воспитать сына.

В ЭТИХ СЛОВАХ заложена глубокая человеческая мудрость, которую многие воспринимают чуть ли не буквально. Но, на мой взгляд, в наше быстротечное время такой подход уже не имеет смысла. Сегодня, на стыке тысячелетий да еще в век новейших технологий и уникальных открытий, не нужно махать топором, чтобы сладить крепкий сруб. Да и иные жизненные ориентиры и задачи видятся по-другому, чем, скажем, несколько десятилетий назад. Однако при всем этом именно в наше время вновь стало очевидно: истинные ценности должны оставаться незыблемыми. Именно они позволяют нам оставаться русскими людьми — представителями нации, имеющими паспорта различных независимых государств, но продолжающих жить в едином Отечестве.

Отечество, как бы это кому ни хотелось, невозможно разделить границами, введением собственных валют и избранием президентов. Оно — понятие не столько географическое, как духовное. И носителями, хранителями этой духовности являются, прежде всего, люди старшего поколения.

На их долю выпало множество испытаний. Но, несмотря на это, на вопрос: «Как бы вы прожили жизнь, если бы ее довелось вновь начать?», как правило, наши отцы и деды отвечают: «Так же, как и прожили. Это — наша жизнь»… И хотя понимаешь: за этими словами — полная лишений и трудностей довоенная пора, годы военного лихолетья, восстановление разрушенной страны, когда во многом приходилось себе отказывать ради будущих поколений, — но, тем не менее, завидуешь им. Действительно: то, что достигнуто в борьбе; что обретено при огромных потерях с неимоверным напряжением духовных и физических сил; что связано с горечью утрат и вкусом Победы — невозможно заменить на что-то другое и от чего-то отказаться. Наши отцы и деды, устремляя свой взор в будущее, были крепки духом и именно потому в тяжелое время жили насыщенно и счастливо, гордясь собой и своей страной. Хотя… Хотя очень многим из их поколения удалось прожить на земле лишь несколько десятилетий, а их сверстникам так и не довелось ни посадить дерева, ни дома построить, ни завести семью — в эту землю они легли юными, защищая своих родных и будущее, ставшее нашим настоящим. И потому те, кто дошел до Победы, кто, приближая ее, выстояли, продолжали идти вперед по жизни широкими шагами. Чтобы успеть в жизни сделать и то, что не довелось другим. Потому сегодня часто удивляешься: как они сумели

достичь таких жизненных высот? Как они смогли столько всего создать и открыть, что мы, их преемники, увы, не ставшие достойными последователями, уже в течение пятнадцати лет после развала Союза никак не можем проесть? Как бы мы жили сегодня, если бы не нефть, открытая ими и направленная в построенные ими трубопроводы двадцать-тридцать лет назад? На каких кораблях в начале XXI века мы бы служили, если бы не они, сконструировавшие, построившие их, освоившие и выведшие в Мировой океан?

…Время быстротечно. Увы, но с каждым днем тех, кто дал нам жизнь и обеспечил право жить достойно, остается все меньше и меньше. Ветераны уходят от нас. И тех, кто почти 65 лет назад закрыл страну собственной грудью, а затем, оттолкнувшись ногой от Урала, дошел до Берлина и сломал хребет фашистской вражине в ее собственном логове, сегодня вместе с нами осталось немного. И тем важнее ощущение их близости, духовное единство с ними и кровное родство.

НАВЕРНОЕ, в европейской части страны немного найдется дорог, на развилках которых не было бы памятников или обелисков на братских могилах. Дорожные перекрестки, окраины деревень и поселков становились рубежом, полем боя, где сражались и погибали наши деды и отцы. Здесь же их и хоронили. Часто — без всяких почестей. Лишь спустя годы удавалось увековечить их подвиг. Есть такой памятник и на Новгородской земле на шоссе Холм-Локня, на месте кровопролитных боев Великой Отечественной. Это — памятник павшим воинам 75-й гвардейской морской стрелковой бригады. На граните высечены слова: «Они все были героями». Якорь у монумента дает понять, что павшие бойцы были военными моряками — точнее, морскими пехотинцами. Они до конца сохранили верность морскому братству, проявили честь и отвагу.

Здесь, у д. Пронино, недалеко от г. Холм, в феврале-марте 1942-го двадцатилетние парни, вчерашние курсанты, стояли насмерть, делая все, чтобы не пропустить противника на помощь окруженным здесь гитлеровским частям. Эта задача была выполнена ценою многих жизней. Те, кому посчастливилось остаться в живых, потом еще много лет все свои поступки сверяли мерками давних военных дней. Они жили, стараясь во всем быть достойными памяти погибших друзей, однокашников по военно-морскому училищу. Навсегда запомнил бои у Пронино и Михаил Павлович Бочкарев, командовавший в те дни артбатареей.

Не каждая часть в годы войны удостаивалась звания гвардейской. 75-я стрелковая бригада, в которой служил Бочкарев, за массовый героизм, мужество и высокое воинское

мастерство, проявленные в боях, в далеком 1942 г. получила это высокое звание. Всего же, в ходе сражений Великой Отечественной, Михаилу Бочкареву будет суждено стать гвардейцем дважды. Сначала на сухопутном фронте, а через два года, в 1944-м, — на море…

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ БОЧКАРЕВ родился 3 декабря 1918 г. в д. Кожевенное Алатырского уезда (ныне Порецкого района) Чувашской Республики. Здесь он вырос, и к этим местам навсегда прикипел сердцем.

Отца своего, Павла Григорьевича, Михаил не помнил, точнее, не знал: он погиб в 1918 г. на Восточном фронте, защищая революцию. Мать, Прасковья Ивановна, осталась одна с тремя малыми детьми. Она выбивалась из сил, чтобы прокормить двух дочек и сына. И все трое с малых лет помогали ей. Миша рано втянулся в крестьянский труд: ухаживал за скотом, ловил рыбу в речке Киря, научился плести лапки.

С наступлением учебной поры пошел в школу. На уроках занимался с удовольствием, любое задание выполнял на совесть, много читал. Летом уединялся с книгой на берегу речки в тени одинокой ивы и забывал обо всем на свете. Об этом старом дереве с густой кроной сейчас Михаилу Павловичу в его севастопольской квартире напоминает небольшая картина, подаренная земляком, заслуженным художником России Николаем Карачарсковым. «Этот холст, — говорит Михаил Павлович, — как добрый привет из далекого детства».

В 1930 г. в Кожевенном образовался колхоз. Вскоре кожевенская сельхозартель уже была в числе районных передовиков, свое символическое название «Факел» она оправдывала по всем показателям — деревенская жизнь в прямом и переносном смысле становилась светлее.

Окончив четыре класса начальной школы, Миша поступил в школу колхозной молодежи (ШКМ), открывшуюся в деревне. Здесь в числе лучших учащихся его приняли в ВЛКСМ. Комсомольцы тех лет во многом отличались от так называемой «несоюзной молодежи». Было само собой разумеющимся, что они должны учиться как можно лучше. Кроме того, они организовывали концерты художественной самодеятельности, ремонтировали мебель и сельскохозяйственный инвентарь, а в летние каникулы вместе с взрослыми убирали урожай, заготовляли для школы дрова.

Когда учеба в ШКМ подходила к концу, в райцентре открылась средняя школа. Чтобы поступить в нее, требовалось сдать вступительные экзамены. Михаил успешно выдержал их и, единственный из своей деревни, стал восьмиклассником.

В 1937 г. в Порецкой средней школе состоялся первый выпуск. Ее вчерашние ученики, получив аттестаты, разъехались по всей стране. В числе самых первых выпускников был и Михаил Бочкарев. Он поступил на физико-математический факультет Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Избранный членом университетского комитета ВЛКСМ, он вел оборонно-массовую работу среди студентов. И сам приобщился к спорту: метко стрелял, неплохо плавал, имел второй разряд по гимнастике, увлекался шахматами. К учебе относился серьезно, несмотря на все материальные трудности: его студенческой стипендии едва хватало на скромные харчи. По ночам приходилось вместе с сокурсниками ходить на железнодорожную станцию разгружать вагоны. Но не эти тяготы заставили Михаила продолжить учебу в другом вузе.

В те годы в СССР усиленно шло строительство большого военного флота. Государство уделяло много внимания подготовке кадров для новых кораблей. По комсомольскому призыву Михаил в 1939 г. приехал в Ленинград и был принят в Высшее военно-морское училище им. М. В. Фрунзе сразу на второй курс. С того времени судьба на всю жизнь связала М. Бочкарева с морем.

В 1940 г. курсантскую роту, где он учился, перевели во вновь образованное училище в Баку. Непривычная жара, неустроенность быта, слабая материальная база нового учебного заведения, конечно, затрудняли учебу. Однако они не помешали формированию профессиональных качеств будущих командиров, закалке их характеров и воли. Летом сорок первого курсанты проходили практику на канонерских лодках Каспийской военной флотилии. Там их и застало известие о начала войны.

С ФРОНТОВ поступали тревожные сообщения. Курсантов стали в ускоренном порядке готовить к выпуску. Они были отозваны в училище, где занятия продолжались по 12 часов в сутки, без выходных. В конце октября их произвели в лейтенанты корабельной службы и направили в Казахстан на формирование 75-й отдельной морской стрелковой бригады. Ее возглавил начальник училища капитан 1 ранга К. Д. Сухиашвили. Однокашникам предстояло проходить воинскую службу вместе, под командованием своего наставника. Но это уже была не учеба — это была война.

Бочкарева назначили в противотанковую артиллерию командиром огневого взвода 45-миллиметровых пушек. И уже в декабре моряки прибыли под Москву и сразу вступили в бой. В конце января 1942 г. 75-ю бригаду, находившуюся в составе 2-го Гвардейского стрелкового корпуса, перебросили под Старую Руссу. В результате многодневных упорных боев в тылу

противника она освободила более 70 населенных пунктов.

В феврале 1942 г. бригада заняла прочную оборону у д. Пронино. Особенно ожесточенные атаки на позиции бригады немцы предприняли 7–9 марта 1942 г. Но морские пехотинцы выстояли. Их отвага была беспредельной.

В то время гвардии лейтенант Бочкарев уже командовал батареей. Его орудийные расчеты действовали слаженно и уверенно. На их счету значилось 11 подбитых вражеских танков, сотни уничтоженных гитлеровцев. 18 марта 1942 г., после очередного боя, собравшись в окопной землянке, пропахшей пороховой гарью, коммунисты артдивизиона единогласно приняли М. П. Бочкарева кандидатом в члены ВКП(б). А впереди были новые бои. 5 мая Михаил Павлович был ранен. С осколком, прошившим плечо и застрявшим в ребре, его доставили в медсанбат, а затем отправили в Кострому, в госпиталь.

По ночам на госпитальной койке Михаилу снились боевые товарищи, живые и павшие в боях. Он думал вернуться в свою гвардейскую бригаду, но в госпитале стало известно, что по требованию наркома Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецова, раненые моряки после излечения направляются на действующие флоты.

Перед назначением на корабль Бочкарева отправили на специальные курсы комсостава Военно-Морского Флота. Окончил он их с отличием и получил право выбора флота. Попросился туда, где было труднее всего — в Заполярье, несмотря на то, что к тому моменту он уже был не один. Судьбе было угодно, чтобы в Астрахани, куда были переведены курсы, он совершенно случайно встретил замечательную девушку Антонину. С ней он в Ленинграде, еще будучи курсантом, танцевал на одном из вечеров.

Молодые люди были рады встрече. Каждый чувствовал, что встретил близкого, родного человека. Решили больше не терять друг друга. Многие годы они прожили в любви и согласии, деля пополам и беды, и радости. В начале марта 1943 г., Бочкарев прибыл на Северный флот. В Краснознаменном дивизионе истребителей подводных лодок его определили дублером помощника командира катера — малого охотника (МО) с бортовым номером 111. Как ему было сказано во флотском отделе кадров, — для стажировки по должности, приобретения опыта и изучения театра военных действий. Мог ли тогда Михаил Павлович знать, что на быстроходных небольших кораблях с деревянными корпусами («морских охотниках») ему суждено пройти сквозь огонь войны до самой Победы? Отличавшиеся высокой маневренностью, неплохим вооружением и живучестью,

катера-охотники в сложных условиях выполняли разнообразные боевые задачи: вели поиск подводных лодок противника, сопровождали наши и союзные конвои, высаживали десанты, производили минные постановки, отражали налеты вражеских самолетов, несли дозорную службу… Словом, они были настоящими «трудягами войны».

Об участии Михаила Павловича в смертельно опасных походах свидетельствуют архивные документы. В одном из них говорится, что 22 мая 1943 г. группа наших катеров при конвоировании в Мотовском заливе была атакована 28 истребителями Ме-109. В течение четырехчасового боя Бочкарев (уже в звании старшего лейтенанта) умело управлял зенитным огнем, в результате чего все атаки вражеских самолетов были отражены. Комендор Дмитрий Чугунов сбил «мессершмитт», который рухнул в море.

Неимоверно трудным оказался поход 21 июля 1943 г. Экипаж вступил в неравный поединок с вражеской авиацией, продемонстрировал образцы выдержки и самоотверженности. «Морской охотник», весь в пробоинах, с обгоревшей надстройкой, возвратился в родную базу своим ходом.

Боевых походов (на МО-111 и на других катерах-охотниках), в которых участвовал М. П. Бочкарев, было множество. И каждый из них был по-своему труден и опасен.

1 апреля 1944 г. соединение, в котором служил Бочкарев, назначенный к тому времени дивизионным артиллеристом, стало гвардейским. С этого дня оно именовалось 2-м гвардейским Краснознаменным дивизионом малых охотников за подводными лодками.

Яркой, незабываемой страницей военной биографии М. П. Бочкарева стало его участие в Петсамо-Киркенесской наступательной операции, которая была успешно проведена в октябре 1944 г. В наградном листе, подписанном командиром дивизиона гвардии капитаном 3 ранга С. Д. Зюзиным, впоследствии Героем Советского Союза, контр-адмиралом, отмечены четкие действия гвардии старшего лейтенанта М. П. Бочкарева в управлении артиллерийским огнем катеров-охотников при подавлении огневых точек противника, что дало возможность нашим кораблям прорваться в порт Линнахамари и высадить там десант.

В качестве начальника походного штаба Бочкарев участвовал в выполнении других ответственных боевых заданий. Приказом Верховного Главнокомандующего дивизиону, в котором он служил, было присвоено почетное наименование — «Печенгский». Тогда же действия офицера снова получили высокую оценку

командования.

После окончания войны кавалер трех боевых орденов гвардеец Михаил Павлович Бочкарев продолжал служить на прежнем месте. В 1947 г. его назначили командиром дивизиона. С возложенными обязанностями справлялся успешно. «Офицеры, — вспоминал капитан 1 ранга в отставке В. А. Колпанчук, — считали Михаила Павловича не только своим командиром, но и идейно зрелым, принципиальным учителем. Его заботливое отношение к подчиненным вызывало уважение. Много внимания он уделял повышению боеготовности кораблей и укреплению дисциплины. Неудивительно, что раньше срока ему было присвоено звание гвардии капитана 3 ранга».

Как опытного, перспективного офицера в начале 1949 г. М. П. Бочкарева перевели служить в штаб Северного флота. Здесь он занимался вопросами боевой и тактической подготовки соединений надводных кораблей. Умение быстро оценивать обстановку, принимать нужное решение и со знанием дела отстаивать его, создали ему среди штабных офицеров заслуженный авторитет, ценил офицера и командующий флотом адмирал А. Т. Чабаненко.

В 1957 г. капитан 1 ранга Михаил Бочкарев с отличием окончил Военно-морскую академию им. К. Е. Ворошилова и был назначен в Варшаву советником по военно-морским вопросам при Генеральном штабе Войска Польского. По служебным делам ему приходилось ездить в Гдыню, где находился штаб флота. В работе ему помогало отличное знание польского языка, который он освоил в кратчайший срок. Михаил Павлович был особенно дружен с командором Людвиком Янчишиным, в ту пору начальником отдела боевой подготовки штаба флота, а впоследствии — командующим польским флотом.

С 1959 г. Бочкарев служит на Черноморском флоте, командует бригадами надводных кораблей, занимается испытаниями нового оружия.

В марте 1971 г. капитан 1 ранга М. П. Бочкарев назначается заместителем командующего Краснознаменным Черноморским флотом по тылу — начальником тыла флота. Одновременно он вводится в состав коллегиального органа руководства — Военного совета флота, через год становится контр-адмиралом.

В ТЕЧЕНИЕ ВОСЬМИ ЛЕТ Михаил Павлович руководил одним из самых сложных в организационном отношении объединением флота и вложил немало труда в обеспечение боевой готовности кораблей, частей и соединений, в том числе сил флота, которые несли боевую службу в удаленных районах Мирового океана. Он постоянно работал в подчиненных ему частях, службах, складах,

медицинских учреждениях, выходил на кораблях в море, выявлял слабые участки тылового обеспечения и оперативно принимал все необходимые меры к их устранению. Действовать энергично и настойчиво требовала обстановка: шла «холодная война» и наш флот находился на ее острие, в т. ч. решая задачи в восточном Средиземноморье, в самой «горячей точке» планеты.

Немало времени отнимала «рутина» — подготовка к сборам руководящего состава флота, учениям, оперативно-тактическим играм, инспекторским проверкам и другим мероприятиям. Важным участком работы также являлось обеспечение пребывания на флоте «больших» начальников с многочисленными сопровождающими лицами и различных делегаций, как наших, так и иностранных. Но и эти непростые вопросы заместитель командующего флотом по тылу и его подчиненные решали своевременно и качественно. Гостей на флоте перебывало множество. Из одних только рассказов о них могла бы получиться целая книга.

Всю многогранную деятельность контр-адмирала М. П. Бочкарева в тылу Черноморского флота, пожалуй, описать невозможно — 70-е годы были периодом высочайшей активности флотских сил. Упомянем лишь, что его напряженный ратный труд на этом посту в мирное время был отмечен двумя орденами.

Несмотря на огромную занятость, Михаил Павлович принимал активное участие в общественной жизни. Он избирался в состав Керченского и Севастопольского горкомов партии, был членом Севастопольского горисполкома и депутатом Крымского областного Совета депутатов трудящихся.

СОРОКАЛЕТНЯЯ СЛУЖБА Михаила Павловича Бочкарева закончилась в 1979 г. О его славном боевом пути свидетельствуют государственные награды: ордена Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, два ордена Отечественной войны I степени, орден Отечественной войны II степени и множество медалей, в числе которых «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Советского Заполярья». Он награжден также украинским орденом Богдана Хмельницкого III степени.

Но контр-адмирал не расстался с флотом. Он и теперь живет там, где море и корабли — в любимом городе-герое Севастополе. Ветеран ведет разностороннюю военно-патриотическую работу, щедро делясь своим богатым опытом с молодежью, в том числе и флотской, будучи членом Военно-научного общества при Севастопольском Доме офицеров флота. Кроме того, ему доверено руководство советом ветеранов — защитников Москвы. Его статьи о минувшей войне и современном флоте публикуются

в газетах и журналах. Сегодня Михаил Павлович является старейшиной «нештатного» севастопольского «клуба адмиралов».

Наверное, стоит особо отметить человеческие качества Михаила Павловича. Как мне представляется, Бочкарев являет собой пример поистине народного адмирала. Зная о том, как иной раз в период службы выстраиваются удачливые офицерские карьеры, удивляюсь тому факту, что этот простой и искренний, доступный в общении и честный человек сумел достичь адмиральских звезд. Что уж тут скажешь: все-таки умели у нас в советское время ценить толковых людей, воздавать им должное! Обаятельный, крепкий, жизнерадостный, всегда готовый к доброму, хорошему разговору, любящий товарищескую беззлобную шутку — таким остается Михаил Павлович и сегодня.

Михаил Павлович постоянно поддерживает связь со своей малой родиной, с друзьями в Порецком районе и Чебоксарах. До распада СССР он не раз приезжал в родные края. В Порецкой средней школе устраивались встречи ее первых выпускников — и в этом весьма заметна роль М. П. Бочкарева как организатора.

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ появилась возможность практически всем, кто желает и обладает материальными возможностями, создавать свои книги. Свет увидели и воспоминания многих севастопольских ветеранов. Их книги, несмотря на разницу содержания и полиграфии, имеют огромную ценность, ибо они не только являются свидетельствами происходивших в стране и на флоте событий. Они — носители духа времени наших дедов и отцов. Такой же является книга, написанная Михаилом Павловичем Бочкаревым и представляемая читателям.

Пожалуй, нет смысла рассказывать о написанном — книгу нужно читать. Но, уверен, необходимо подчеркнуть: все, что сказано автором, не выдумано, это действительно было, пережито им лично, а, значит, представляет для всех нас, ныне живущих, интерес. Ибо М. П. Бочкарев — яркий представитель Поколения Победителей, у которого нам, столкнувшимся с вызовами начала нового века, есть чему учиться. Конечно, многое из пережитого им остается за рамками повествования. Однако, как представляется, важно отметить: написанное не только представляет интерес, но и пробуждает стремление обратиться и к другим источникам. Не зная того, как и чем жили наши отцы и деды, нам нелегко разобраться в хитросплетениях нынешнего бытия.

Сегодня, вспоминая пословицу о доме, дереве и сыне, хочется ее несколько переиначить: каждый ветеран должен оставить после себя воспоминания. И речь — не в устных рассказах родным и близким о пережитом. Все рассказанное со временем

забывается, потому воспоминания нужно записывать, фотографии — систематизировать. И по возможности — издавать. Пусть даже эти воспоминания будут лишены стройной жанровой формы, четкого стиля и выверенного литературного языка. В данном случае это не важно. Главное — сохранить память о фактах, событиях, людях, запечатлеть события и имена. Ведь о войне многое так и не сказано. И, к сожалению, так и останется неведомым. Потому все, что сегодня еще доступно, забвению нельзя предавать. А рукописи, как известно, не горят…

Капитан 1 ранга
Сергей Горбачев,
член Союза писателей России

Часть I
НА СУШЕ

Пришла война

Когда меня спрашивают, какой период в моей жизни является самым значительным и памятным, я, не задумываясь, отвечаю — война. И хотя все дальше и дальше уходит в прошлое то суровое время, не уменьшается острота всего того, что пришлось пережить и выдержать. В этом чувстве я не одинок. Все мои сверстники в дни, месяцы и годы грандиозной битвы отважно сражались на суше, в воздухе и на море, внося свой вклад в дело Великой Победы над фашистскими захватчиками. Но у всех фронтовая судьба складывалась по-разному, у каждого была своя война. И у каждого, безусловно, была своя дорога в ней. А мне довелось воевать и на суше, и на море.

Война застала меня на канонерской лодке «Ленин» Каспийской военной флотилии, когда мы, курсанты, после третьего курса совершали учебное плавание на кораблях флотилии.

Утром 22 июня наш корабль возвратился в Баку. Курсанты после приборки готовились к увольнению в город. У всех было приподнятое настроение после успешной практики. Мы строили планы своих развлечений в городе. Но неожиданно для всех в 12 часов дня прозвучало по радио выступление В. М. Молотова о вероломном нападении Германии на Советский Союз.

Вместо увольнения в город после обеда нас отправили в училище для ускоренного прохождения программы обучения за четвертый курс.

Многие из моих сверстников, связавших свою жизнь с воинской службой, говорят, что они с детства мечтали об этом. Я не оспариваю такие суждения. Но я раньше никогда не мечтал о море и морских просторах, о профессии военного моряка. Крошечная речка Киря, приток Суры, протекающая через мою родную деревню, не пробуждала воображений о морских плаваниях. Да и просто мальчишескую зависть вызвать было некому: никто из моей деревни не проходил службу на флоте.

С 1937 года я учился на физико-математическом факультете Казанского Государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина и мечтал стать ученым-математиком.

Но жизнь решила по-своему: в конце 30-х годов над Родиной нависла военная угроза со стороны Германии. Появилась насущная необходимость в усилении военной мощи нашей страны, в пополнении армии и флота командными кадрами. Резко усилился набор в военные учебные заведения, открывались

новые военные училища. После окончания двух курсов университета по призыву ЦК ВЛКСМ — шефа Военно-Морского Флота я добровольно поступил на 2-й курс Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе в Ленинграде. Так, не мечта о море, а ответственность за судьбу Родины, стремление быть готовым к ее защите стали главными в выборе моей жизненной дороги.

После окончания второго курса и учебного плавания на Балтике вместе с ротой курсантов я был переведен в Баку в открывшееся Каспийское высшее военно-морское училище… Несмотря на ускоренный темп, пройти полностью программу четвертого курса училища так и не удалось — с фронта поступали нерадостные вести. Враг рвался к столице нашей Родины — Москве. Страна превратилась в единый военный лагерь, ее судьба решалась в кровопролитных битвах на суше, и 18 октября 1941 года Государственный комитет обороны страны принимает постановление о формировании двадцати пяти морских стрелковых бригад.

Во исполнение этого постановления уже 31 октября состоялся досрочный выпуск нашего курса. Нам объявили приказ Народного комиссара ВМФ о присвоении звания лейтенант корабельной службы, и на другой день, наспех экипировав флотской неподогнанной формой, направили через Каспий и Ташкент в казахстанский город Казалинск, где в спешном порядке формировалась 75-я отдельная морская стрелковая бригада под командованием начальника нашего училища капитана 1 ранга К. Д. Сухиашвили. Я получил назначение командиром огневого взвода противотанковой батареи 45-мм пушек.

Более двух лет нас учили военно-морскому делу, сражениям с морским противником, а воевать пришлось на суше в самый трудный период войны. Назначения на должности производились без учета способностей и наклонностей, без каких-либо бесед, а по алфавитному списку. Кто-то попал в стрелковые части, кто-то — в разведку, кто-то — в минометчики, кто-то — в штабы, а я — в противотанковую артиллерию.

К нашему приезду в Казалинск туда уже поступило значительное количество рядового и старшинского состава для комплектования подразделений бригады. Там находилось и командование противотанкового артиллерийского дивизиона: командир дивизиона капитан-лейтенант Жлукто и его заместитель старший лейтенант Таршин. Личный состав дивизиона разместился в казарме какой-то военной части, убывшей на фронт.

Моей батарее повезло: ее командиром был назначен

лейтенант Виктор Бурлуцкий, закончивший артиллерийское училище и год командовавший такой же батареей в Туркестане. Из всего командного состава это был единственный человек, имевший опыт командования и обслуживания батареи на конной тяге.

Познакомился с боевыми расчетами пушек, в их составе были комендоры с кораблей Черноморского флота и моряки, освобожденные из штрафных батальонов. Во время формирования в Казалинске мы не получили ни пушек, ни лошадей. Даже стрелкового оружия, в основном винтовок, подразделения бригады получили менее половины потребности. Мне вручили старенький револьвер системы «Наган».

Под Москвой

Несмотря на недостаточную укомплектованность личным составом и материальной частью, в начале декабря бригада была переброшена в подмосковный городок Люблино и включена в состав войск Московской зоны обороны.

Здесь в короткий срок мы получили пополнение личным составом, пушки и лошадей. Сразу же возникли трудности: большинство командиров, старшин и бойцов были горожанами и не имели дела с лошадьми. Мне, выросшему в деревне, было немного легче освоиться самому и обучить подчиненных обращению и уходу за лошадьми и упряжью.

С раннего утра и до позднего вечера мы проводили тренировки на большом дворе школы, где нас разместили. Через неделю командиры научились держаться на оседланной лошади, а орудийные расчеты освоили движение орудий маршем и развертывание их из походного в боевое положение. Здесь же нам выдали армейское обмундирование, но все командиры оставили при себе морские кителя, а моряки — бескозырки и форменные рубахи. У всех моряков остались и тельняшки.

С 5 января 1942 года наша бригада была включена в состав 2-го Гвардейского стрелкового корпуса 1-й Ударной армии Западного фронта. В корпус, кроме нашей бригады, входили еще три стрелковые бригады и 8-я гвардейская стрелковая дивизия имени И. В. Панфилова. Корпус был выдвинут к линии фронта, проходящей по реке Лама, откуда перешли в наступление.

Противотанковый артиллерийский дивизион 45-мм пушек разместился в небольшой деревушке (всего 17 домов) Казенки, приютившейся на правом возвышенном берегу речушки с красивым названием Белянка. Для моего огневого взвода было отведено несколько домов.

Разместив орудийные расчеты и лошадей, я вошел в один из домов, представился хозяевам, сидевшим за столом, и попросил разрешения поселиться у них на несколько дней. Главу семьи звали Сергеем Ивановичем. А когда его жена назвала себя, я изумленно переспросил: «Прасковья Ивановна?» — и тут же сказал, что и мою маму зовут так же. Прасковья Ивановна заулыбалась и посмотрела на меня добрыми глазами, такими же голубыми, как и у моей матери. Я рассказал о себе.

В это время распахнулась дверь, и вошла девушка с розовыми от мороза щеками. «Вот и я!» — улыбалась шустрая и разговорчивая школьница.

Мы все вместе поужинали. Перед отходом ко сну я обошел

дома и убедился, что все матросы довольны, лошади накормлены, охрана несет службу исправно.

Целыми днями мы проводили учения в заснеженном поле по занятию и перемене позиций, подготовке убежищ для пушек и лошадей, а главное — по выполнению артиллерийских стрельб по танкам.

Возвращался домой поздно, но хозяева не спали, ждали меня и предлагали поужинать. Я чувствовал себя, как в своей семье. Так продолжалось три дня.

Я остался доволен практическими действиями орудийных расчетов, результатами стрельб, которые после получения пушек были проведены впервые. Эта подготовка позволяла в последующих боевых действиях надежно и уверенно бороться с танками противника.

Рано утром на четвертый день нашего пребывания в деревушке дивизион подняли по боевой тревоге, и вместе с частями бригады мы должны были двинуться к линии фронта.

Тепло и сердечно попрощался с хозяевами. Из своей комнатушки выглянула заспанная девушка. «Прощай, Маша, и будь счастлива!» — проговорил я и направился к выходу. «Не надо говорить „прощай“, лучше „до свидания“», — ответила она. Но, к сожалению, больше нам встретиться не пришлось, помешала война. Уже после войны мне удалось узнать дальнейшую судьбу Маши. Она окончила курсы медицинских сестер и всю войну проработала в эвакогоспитале, где выходила тяжело раненного майора, а затем вышла за него замуж.

Наша бригада в непрерывных боях освободила несколько населенных пунктов и к 17 января вышла к станции Шаховская и участвовала в ее освобождении. Мы со своими пушками на конной тяге не успевали за наступающими батальонами бригады из-за снежных заносов.

В этот день в срочном порядке корпус начал грузиться в железнодорожные эшелоны и передислоцироваться в район Старой Руссы в подчинение командующего Северо-Западным фронтом. Противотанковому дивизиону было приказано грузить в эшелон только пушки, а лошадей оставить на месте погрузки. Разгрузка эшелонов с подразделениями бригады производилась на окраине Бологое, где мы вместо лошадей получили грузовые машины, которые потащили наши пушки в район селения Слобода, расположенного в 20 километрах юго-восточнее Старой Руссы. Во время марша наша колонна несколько раз была атакована вражескими самолетами, но обошлось без потерь.

Рейд по тылам врага

3 февраля бригаде была поставлена задача: действуя в авангарде 2-го ГСК, прорвать немецкую оборону и совершить рейд в междуречье рек Редья и Ловать по тылам 16-й немецкой армии и в районе г. Холм завершить окружение демянской группировки войск противника. Выполняя эту задачу, наша бригада за 14 дней упорных боев прошла более 150 километров по тылам немецкой армии, освободила 70 населенных пунктов и 17 февраля вышла на подступы к городу Холм, перерезала шоссейную дорогу, идущую к Локни, и замкнула окружение холмской группировки войск противника.

К этому времени наша бригада вместе со 2-м Гвардейским стрелковым корпусом была передана из состава войск Северо-Западного фронта в Холмскую группировку войск 3-й Ударной армии Калининского фронта.

Тяжелые испытания легли на плечи артиллеристов. Противник имел полное превосходство в воздухе. Бригада вела наступление в основном в ночное время, а днем, во избежание потерь от ударов вражеской авиации, укрывалась в лесу или в населенных пунктах, соблюдая строгие меры маскировки и скрытности.

В ту пору зима была морозная и снежная, а дороги для автомашин оказались малопроходимыми. Зачастую приходилось тащить пушки при помощи мускульной силы орудийных расчетов. Применяли и такой способ передвижения, оказавшийся наиболее эффективным: орудия устанавливали на лыжи и волокли их то по дорогам, то по льду рек и озер. Но и это мало помогало. Мы безнадежно отставали от своих батальонов, что вызывало с их стороны и со стороны командования справедливые нарекания и разносы. Орудийные расчеты выбивались из сил, уставали, а отдыхали урывками, спали в снегу. За эти дни беспрерывного марша горячая пища доставлялась с перебоями, не хватало продуктов питания. Курильщики маялись без махорки. При этом старшина батареи старшина Масленников умудрялся регулярно выдавать положенные наркомовские 100 грамм водки, которые хоть ненадолго, но все же согревали от стужи.

Мы добрались до назначенных нам позиций в боевых порядках стрелковых батальонов, когда их атаки уже захлебнулись, и дальнейшее наступление ослабленной в боях бригады успеха не имело.

Стояли насмерть

24 февраля поступил приказ занять прочную оборону у деревни Пронино, не допустить попытки противника прорваться в Холм и деблокировать его. Начались ожесточенные, изнурительные и кровопролитные бои у стен древнего города, продолжавшиеся два с половиной месяца. Враг стремился любой ценой, не считаясь с потерями, прорвать нашу оборону. Но все его попытки были отбиты.

Наша противотанковая батарея заняла позиции по обе стороны шоссе, идущего от Холма на запад, как единственного пути для танкового прорыва. Мой огневой взвод расположился слева от шоссе, а огневой взвод лейтенанта Петра Берсольцева — справа от него. В землянке Берсольцева находился командир батареи, а в землянке моего взвода — его заместитель.

Позиции стрелковых и расположенных в их боевых порядках противотанковых орудий и минометов подвергались массированным бомбардировкам, непрерывному артиллерийскому и минометному обстрелу. Лавины наступающих гитлеровцев при поддержке танков, артиллерии и минометов, под прикрытием дымовых завес неоднократно яростно атаковали наши позиции, но каждый раз откатывались назад с большими потерями. Особенно донимали нас атаки вражеской авиации. Боевые тревоги, оповещающие об очередном налете, следовали одна за другой, заставляя обороняющихся укрываться в блиндажах, окопах и траншеях.

В одну из пауз между налетами меня вызвал командир батареи с докладом о состоянии моего взвода. Вскоре последовал сигнал боевой тревоги. Комбат предложил мне остаться в его землянке, переждать налет. Но я отказался и возвратился в свою землянку. Этот налет оказался роковым. Одна из сброшенных бомб упала рядом с землянкой комбата, ее взрыв потряс и нашу. Когда налет закончился, мы вышли из укрытия и увидели справа от шоссе большую воронку на том месте, где была землянка комбата. Погибли несколько человек вместе с командиром батареи лейтенантом Виктором Бурлуцким. С наступлением темноты мы похоронили их в роще.

Мы любили своего комбата за его порядочность, внимание и заботу о подчиненных, вежливое обращение с ними, прекрасное знание своего дела. Многое из того, что должны были делать мы, флотские лейтенанты, выполнял он, не высказывая ни упреков, ни поучений. Он тактично передавал нам свой опыт, который мы старались перенять.

В командование батареей вступил лейтенант Владимир Неручев, но вскоре при отражении вражеской атаки он был ранен и отправлен в тыл, а командовать батареей было приказано мне.

Видя безуспешность попыток прорвать нашу оборону имеющимися силами, противник подтянул свежие резервы. Пленные немцы показали, что 16 февраля из глубокого тыла Германии на самолетах сюда была переброшена авиадесантная бригада, имеющая большой опыт ведения боевых действий. Вскоре мы почувствовали нарастание мощи боевых ударов противника, а 6–9 марта он предпринял решительное наступление.

В эти дни немцы решили любой ценой пробиться в Холм и для помощи своим войскам значительно усилили авиационную группировку на этом участке фронта. В течение трех дней, с раннего утра и до позднего вечера немецкие Ю-87 волнами, по 20–25 самолетов в каждом налете бомбили позиции бригады в Пронинской роще и возле дороги на Холм. Чувствуя безнаказанность из-за отсутствия у нас истребительной авиации и зенитных средств, самолеты противника нагло и самоуверенно демонстрировали свое превосходство в воздухе. Прилетев в район наших позиций, они сначала летали по кругу с включенными сиренами, а затем с воем пикировали на избранные цели, сбрасывали бомбы и обстреливали из пулеметов. Вместе с бомбами они сбрасывали листовки, в которых пытались запугать смертью и доказать безнадежность сопротивления. Но ни многодневные яростные бомбардировки, ни листовки не сломили боевой дух, стойкость и упорство военных моряков.

Бригада несла потери. К концу третьего дня беспрерывных атак с воздуха казалось, что вся земля перевернута — снежный покров исчез, кругом было черно-коричневое поле. В Пронинской густой роще, расположенной между шоссейной дорогой и излучиной реки Ловать, не осталось ни одного целого дерева. Рядом с позицией нашей батареи зияла огромная воронка от разрыва крупнокалиберной бомбы…

Видимо, посчитав, что после трехдневной бомбардировки у нас не осталось ничего живого, гитлеровцы утром 9 марта крупными силами ринулись в наступление, которое сопровождалось плотным артиллерийским и минометным огнем. Но враг просчитался и на этот раз. Будто из-под земли выросли военные моряки и с криком «Ура!» встретили врага дружной и смелой контратакой, дело доходило до рукопашных схваток. Морских пехотинцев поддерживал огонь артиллеристов и минометчиков. Пушки нашей батареи поражали не только танки, но и живую силу пехоты прицельным шрапнельным огнем.

Особенно четко действовал орудийный расчет сержанта Левкова, подбивший три танка. К несчастью, в этом бою вражеский снаряд попал в орудие Левкова, при этом погибли замечательный командир огневого взвода лейтенант Петр Берсольцев, сержант Левков и три матроса. Это орудие было выведено из строя.

Во время одной из атак противника от зажигательного снаряда загорелись снарядные ящики, находившиеся вблизи огневой позиции, возникла опасность взрыва снарядов. Увидев это, подносчик снарядов краснофлотец Калашников, не раздумывая, бросился туда, снегом погасил огонь и спас снаряды от взрыва. Этот эпизод был вскоре описан в газете «Советский флот».

Потеряв более десятка танков и оставив много трупов на поле боя, противник отошел на прежние позиции, не достигнув цели. Морские пехотинцы бригады вышли из этой кровавой схватки победителями, проявив исключительную храбрость и героизм, смелость и находчивость, волю к победе.

В разгар боев, 18 марта, пришла радостная весть: наша бригада стала гвардейской. В приказе Наркома обороны СССР № 78 от 17 марта 1942 года отмечалось, что «в многочисленных боях за нашу Советскую Родину против захватчиков 75-я бригада показала образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности… За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава преобразовать 75-ю морскую стрелковую бригаду в 3-ю гвардейскую стрелковую бригаду (командир капитан 1 ранга К. Д. Сухиашвили)».

Вскоре бригаде было вручено гвардейское знамя. Так уж случилось, что, именно в этот праздничный день, 18 марта, в окопной землянке меня приняли кандидатом в члены партии, и с этого дня я стал гвардейцем и коммунистом.

После мартовских боев, потерпев поражение на этом участке, противник предпринял обходной маневр — повел наступление на другом участке, от деревни Хворощино на север, с целью обойти наши позиции у Пронинской рощи и выйти к нам в тыл. Вместе с батальоном старшего лейтенанта Морозова, в котором осталось не более двухсот бойцов, три уцелевших орудия моей батареи были переброшены в этот район.

Командир батальона умело расположил своих бойцов и вместе со мной определил огневые позиции на опушке леса у большой поляны, на противоположной стороне которой просматривались позиции немцев и дорога, ведущая к Хворощино с запада.

Чтобы лучше рассмотреть местность и передний край обороны противника, я выбрал на опушке леса самое высокое дерево, забрался на него и увидел часть дороги, протяженностью около 500 метров, ведущей в Хворощино с запада, по которой довольно часто двигались в обоих направлениях автомашины и небольшие группы солдат. От места расположения батареи до этой дороги было около двух километров. Тогда у меня появилось намерение обстреливать цели на дороге. Одним орудием я точно пристрелял середину отрезка дороги, видимого с моего наблюдательного пункта. После этого, как только на дороге появлялись машины или группы солдат, я по заранее рассчитанным и установленным прицелу и целику давал залп из трех пушек осколочно-фугасными снарядами. При первом обстреле удалось подбить три автомашины и рассеять несколько групп солдат. Так удачно мы действовали несколько дней, и на счету батареи прибавилось десять уничтоженных машин и до пятидесяти вражеских солдат.

Немцы вскоре установили, откуда ведется обстрел дороги, и предприняли ответные действия. По опушке леса, где находились позиции батареи и батальона, немцы открыли артиллерийский и минометный огонь, но мы своевременно убрали орудия и орудийные расчеты в оборудованные своими силами укрытия и потерь не имели. Во время обстрела, когда я сидел на дереве, один из осколков снаряда или мины попал в бинокль, висевший на груди, и разбил его, оставив меня невредимым. Последующее наблюдение за дорогой показало, что немцы прекратили передвижение по ней в светлое время суток. На этом наша «свободная охота» прекратилась.

Хорошо запомнился такой случай. Изучив местность перед нашей обороной, командир батальона определил по карте неприметную танкоопасную лесную просеку. Мы решили провести рекогносцировку для выбора удобной позиции, где можно было бы расположить одно орудие для стрельбы по танкам с близкого расстояния.

Было тихо. Шел небольшой снег. Пройдя около 300 метров по «ничейной земле», мы в глубоком снегу обнаружили несколько тропинок и следов, очевидно, проложенных нашими и вражескими дозорами и разведчиками. И вдруг неожиданно увидели, как по одной из тропинок, справа от нас, в направлении к нашим позициям движется группа немецких разведчиков, которые нас не видели. Мы мгновенно открыли автоматный огонь, заставший немцев врасплох. От неожиданности они бросились бежать в обратную сторону, оставив одного раненого. Ординарец Морозова молниеносным прыжком настиг ползущего

к своим позициям раненого немецкого разведчика и разоружил его.

«Язык» оказался довольно тучным и тяжелым, был ранен в ногу и идти не мог. Мы втроем с трудом притащили его в свои окопы. Пленный был ефрейтором из недавно переброшенной в Хворощино воздушно-десантной бригады. Он сообщил при допросе очень ценные сведения о составе противостоящих нам сил противника, системе обороны и укреплений, а также о готовящемся против нас наступлении в конце марта. И действительно, 29 марта гитлеровцы предприняли яростную атаку превосходящими силами.

Батальон Морозова ждал ее, хорошо подготовился и встретил атакующих массированным огнем из всех видов стрелкового оружия и минометов. Наша батарея вела эпизодический огонь осколочно-фугасными и шрапнельными снарядами, которые приходилось беречь, так как их запасы были на исходе. Все же противнику удалось потеснить нас, но вместе с прибывшим вовремя подкреплением смелой контратакой положение было восстановлено. Оставив на поле боя много трупов, немцы ретировались в Хворощино. Мы потеряли еще одну пушку, разбитую снарядом, и троих комендоров. Теперь в батарее осталось только две пушки и полтора орудийных расчета.

20 апреля, в день рождения Гитлера, немцы предприняли еще одну мощную атаку, на этот раз психическую. Они шли во весь рост, истошно кричали пьяными голосами и непрерывно строчили из автоматов. Их атаку поддерживал массированный артиллерийский и минометный обстрел наших позиций. Это было довольно страшное зрелище, такого мне не довелось видеть и пережить ни раньше, ни позже.

Подпустив атакующих поближе, бойцы батальона Морозова по его команде открыли огонь из всех видов оружия, а наши пушки дали несколько шрапнельных залпов. На наших глазах атакующие ряды немцев заметно поредели, а вскоре, не выдержав губительного огня, гитлеровцы пустились в беспорядочное бегство, неся большие потери.

В ночь на 1 Мая была предпринята попытка освободить Холм от противника. В приказе числилось много атакующих частей с разных направлений, включая партизан. Но, как оказалось, все эти части были малочисленными. В атаке с нашего направления от бригады был выделен батальон Морозова, усиленный личным составом из других подразделений бригады. Всего в батальоне насчитывалось около 200 бойцов. Мне с двумя пушками приказали поддержать огнем эту атаку.

К полуночи батальон занял исходную позицию у обочины

шоссе вблизи моста через Ловать, после захвата которого батальон должен был ворваться в город. Свои пушки (по одной) я расположил с обеих сторон шоссе. Была установлена телефонная связь с Морозовым и командным пунктом бригады, руководство атакой было возложено на заместителя командира бригады полковника Неминущего.

После полуночи батальон Морозова направился к мосту, и вскоре я услышал звук пулеметных и автоматных очередей. Полковник Неминущий до самого рассвета теребил меня с докладом об обстановке, а я ничего не знал, так как связь с Морозовым оборвалась сразу после его атаки моста. Тогда Неминущий приказал мне найти Морозова и выяснить обстановку — полковник почему-то считал, что он уже в городе.

Взяв с собой двух краснофлотцев, я сделал лишь несколько шагов по рву у обочины шоссе, как услышал свист пуль. Мы легли на дно рва, а потом в бинокль я увидел: недалеко от моста расположилась группа немецких солдат, которые и обстреляли нас. Я тут же доложил Неминущему, что мост находится в руках немцев, батальон Морозова, очевидно, погиб, а его остатки, вероятно, через болото ушли в лес. После небольшой паузы полковник приказал мне вместе с пушками возвратиться в расположение бригады. Мы тащили наши пушки своими мускульными силами и изрядно устали.

Как потом стало известно, атака Холма малочисленными силами успеха не имела. Расчет на внезапность не оправдался. Батальон Морозова был встречен массированным огнем противника, как только он дошел до моста. В этом бою погиб сраженный пулей бесстрашный командир батальона старший лейтенант Александр Морозов.

Если наша атака захлебнулась, то последующая атака немцев оказалась для них успешной, им удалось прорвать нашу оборону у Пронинского леса и на какое-то время деблокировать Холм.

5 мая мне было приказано занять другую позицию. На руках мы потащили через лес свои пушки и на одной из полян, освещенной солнцем, остановились для короткого отдыха.

Начиная с 1 мая мы спали урывками и очень устали, а для того, чтобы на себе тащить пушки, требовалась немалая сила. Я присел на пень, спиной привалился к рядом стоящему дереву и задремал… Мне помнится сильный взрыв снаряда или мины в непосредственной близости от нас. Осколок прошел через предплечье левой руки и застрял в ребре. Потом врач мне поведал, что я родился под счастливой звездой. Осколок пронзил руку между веной и костью, не задев ни то, ни другое, а ребро преградило ему путь к сердцу. Я потерял много крови, до

медсанбата, где мне оказали первую помощь, а затем извлекли осколок, меня донесли на плащ-накидке краснофлотцы моей батареи. Так, всего за четыре дня до отвода бригады в тыл на переформирование в 27-ю гвардейскую стрелковую дивизию я был ранен и выведен из строя.

После эвакогоспиталя в Селижарово я оказался в Костромском госпитале, где находился до полного излечения.

Слава бригады

75-я морская — 3-я Гвардейская стрелковая бригада просуществовала всего 7 месяцев и 3 дня (с 18 октября 1941-го по 21 мая 1942 года), из них 4,5 месяца провела в непрерывных боях с немецкими захватчиками и покрыла себя неувядаемой славой.

Командир 2-го Гвардейского стрелкового корпуса, Герой Советского Союза генерал-майор А. И. Лизюков в своей статье, помещенной в газете «Красная звезда», восторженно отозвался о боевых действиях нашей бригады. Привожу выдержку из этой статьи:

«…Совсем недавно гвардейская часть Сухиашвили показала такую выдержку и упорство, перед которыми меркнет слава многих знаменитых подвигов гвардии прошлых времен. Участвуя в 150-километровом марше по тылам противника, гвардейцы Сухиашвили шли авангардом главных сил. Немцы встречались с *железным потоком* (подчеркнуто мной. — *Авт.*), сметавшим на своем пути всякое сопротивление.

Не имея возможности остановить гвардейцев наземными средствами, немцы организовали комбинированный контрудар и в течение нескольких дней тщательно готовились к нему. Гвардейцы Сухиашвили подвергались удару одновременно действующих 150 самолетов. Бомбардировщики и штурмовики фашистов… непрерывно обрабатывали гвардейцев с воздуха.

В то же время противник открыл сильный артиллерийский и минометный огонь. Немцы применили здесь новое оружие — минометы 203-мм калибра. Действие такой мины равно крупной бомбе, сброшенной с самолета. Плотность огня противника была настолько большой, что, казалось, на воздух взлетела вся земля.

Белоснежное поле у деревни Пронино превратилось в черную, зияющую ранами воронок поляну, и белые халаты демаскировали бойцов. Немцы были настолько уверены в эффекте своей подготовки, что после нее по сигналу белых ракет пошли вперед густыми колоннами. Они были убеждены: путь открыт. Медленно ползли танки врага. Офицеры открыли люки и самодовольно наблюдали страшную картину результатов авиационной и артиллерийской подготовки. Вокруг все было мертво.

Но когда немцы без выстрела прошли место, где находился Пронинский лес, черное мертвое поле вдруг ожило. Из воронок от бомб и снарядов вспыхнули огоньки пулеметов и противотанковых ружей. Перед немцами появилась непроходимая огневая завеса. Из-за отдельных пней полетели связки ручных гранат. Ошеломленные фашисты на мгновение остановились. В

их колоннах падали новые и новые люди. Минута замешательства окончательно погубила врага. Гвардейцы поднялись в контратаку во весь рост. Изумленным немцам, думавшим, что они шли как бы по кладбищу, казалось, наверное, глядя на гвардейцев, будто это мертвецы встали из гроба. То было поистине потрясающее зрелище. Сотня уцелевших гвардейцев отбросила авиадесантный полк немцев. Оставив на поле боя сотни убитых солдат и офицеров, немцы бежали. Грозная контратака настолько подействовала на врага, что в течение семи дней немцы сидели в своих окопах, не проявляя какой-либо активности».

Сказано хотя и несколько возвышенно, но верно…

Воинам бригады есть чем гордиться. Она в непрерывных кровопролитных боях нанесла значительный урон живой силе и боевой технике противника. Она вывела из строя 7.000 гитлеровцев, захватила много трофейного оружия и боеприпасов. Свой вклад в сокровищницу славных дел внесла и артбатарея противотанковых пушек, которой довелось мне командовать. На ее счету 11 поверженных танков, не считая автомашин и живой силы противника. Но и бригада понесла значительные потери: по архивным данным, эти потери составили 3.166 человек убитыми и ранеными. О действиях бригады восторженно отозвался Нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов в своей статье «Моряки в обороне Москвы»: «*Стойкость бойцов этой бригады была действительно исключительной. Нужно отдать должное командиру бригады К. Д. Сухиашвили и комиссару А. Муравьеву.*

С Сухиашвили мне довелось служить вместе на крейсерах Черноморского флота. Константин Давидович всегда любил строевое дело, был лично дисциплинирован и беззаветно предан своей Родине. Уже после войны он рассказывал мне о героизме бойцов бригады. Восхищению отдельными отважными поступками не было конца. Не говорил Сухиашвили только о себе. А между тем преобразование бригады в гвардейскую в немалой степени и его заслуга».

Командир бригады капитан 1 ранга К. Д. Сухиашвили выглядел колоритной фигурой. Рослый и крупный, широкий в плечах, с крупной, остриженной наголо головой, он даже своим видом внушал силу и уверенность. В то время ему было 40 лет, он был бодр, здоров и физически вынослив. За его плечами безупречная служба во флоте на должностях, обязанности по которым он выполнял добросовестно и ответственно. Его справедливая, оправданная требовательность и строгость к беспорядкам были общеизвестны, и это отражалось на результате бригадных дел. Он не засиживался на командном пункте и часто

бывал в подразделениях. Когда бригада находилась в обороне, комбриг объезжал подчиненные части верхом на вороном коне. В овчинном тулупе, перепоясанный ремнем крест-накрест, с автоматом на груди и пистолетом на боку, в генеральской папахе и с ромбом в петлице, он напоминал своим видом Котовского. Сухиашвили проявил себя решительным, мужественным и храбрым комбригом. В тяжелые мартовские дни круглосуточных боев он был на передовой. Однажды, находясь на командном пункте батальона, когда немцы атаковали и вторглись в траншею, комбриг не растерялся, огнем из пистолета уничтожил двух немцев и лично возглавил оборону. Враг был отброшен с большими потерями. Я не знаю никого из бригады, кто бы без похвалы отзывался о нашем комбриге. Он был нашим кумиром, образцом для подражания, примером во всем.

Благодарные жители города Холма после войны воздвигли на месте боев величественный памятник погибшим здесь бойцам нашей бригады. На высоком насыпном холме, расположенном на опушке Пронинского леса, рядом с шоссейной дорогой Холм-Локня, воздвигнута массивная гранитная стела. На одной стороне стелы выбиты слова: «Здесь стояли насмерть моряки 75-й морской стрелковой бригады — 1942». А на другой стороне высечены слова из приказа командира 2-го Гвардейского стрелкового корпуса: «За беспредельную преданность нашей социалистической Родине, великой партии, проявленное бесстрашие при уничтожении фашистской мрази, всему личному составу бригады объявляю благодарность. Приказываю: всех краснофлотцев, командиров и политработников — участников боев на подступах к Холму представить к правительственным наградам».

Однако последняя часть приказа была выполнена частично. В то трудное время, когда бои не затихали ни днем, ни ночью, просто не было времени и некому было оформлять наградные листы. Орденами и медалями были награждены те, кто остался в строю к моменту вывода бригады в тыл на переформирование. Памятью об этих боях для меня является учрежденная 1 мая 1944 г. медаль «За оборону Москвы», которую храню и ношу как самую дорогую реликвию.

Лечение и учеба

Один из костромских госпиталей, куда я попал после ранения, был расположен на левом берегу Волги, в живописном уголке, в здании большого дома отдыха льноводов. Госпиталь окружал парк с могучими деревьями. Условия обитания, питание и уход были отменными. Свежий воздух, прекрасное медицинское обслуживание способствовали быстрому выздоровлению.

Уже через два месяца моя рана зажила. Я был выписан из госпиталя и направлен в Ярославский флотский экипаж. Пока решалась моя судьба, связанная с дальнейшей службой, командир экипажа полковник Воронов дал мне задание: отвезти в Ульяновск около трехсот краснофлотцев и младших командиров, признанных после ранения и излечения в госпиталях негодными к строевой, но годными к несению караульной службы. Их направляли для охраны флотских складов оружия и боеприпасов, расположенных в окрестностях Ульяновска. В помощь мне были выделены два лейтенанта. На одном из пассажирских пароходов для размещения этого сводного отряда моряков, буквально прошедших огонь, воду и медные трубы, был приспособлен трюм с отдельным выходом. Отмечу: при выполнении этого задания я получил памятный урок, как надо относиться к просьбам людей, и понял, что значит доверие к ним.

Пароход совершал обычный рейс с пассажирами со всеми остановками в волжских городах. У многих моряков в этих городах или поблизости проживали родители и родные, которых им хотелось навестить. Они стали обращаться ко мне с просьбой отпустить их домой на день-два с обещанием самостоятельно добраться до Ульяновска. Я, исполняя приказание, такое разрешение дать не мог и даже усилил охрану из тех же моряков. Уже после Горького я не досчитался пятнадцати моряков, которые самовольно, при попустительстве стражи, покинули пароход. До меня стало доходить, что я делаю что-то не так, как надо. На следующих остановках я под честное слово отпустил еще группу моряков.

Когда пароход дошел до Ульяновска, то в моей команде не хватало более 20 человек. Уполномоченный наркомата ВМФ в Ульяновске контр-адмирал Михальков, когда я ему доложил о выполнении задания, пригрозил мне суровой карой, если сбежавшие и отпущенные мной моряки через три дня не прибудут сюда.

Все эти дни я чувствовал себя как на иголках. В конце концов получилось так, что все отпущенные мной моряки приехали на

вторые сутки, а из сбежавших три человека так и остались в бегах, их объявили дезертирами. Так, на этом примере я еще раз убедился, насколько высоко всегда ценилось честное слово. Его нарушение или невыполнение считалось позором, а совершивший это назывался подлецом. Надо всегда быть уважительным и доверять людям, давшим честное слово. Через трое суток меня отпустили без наказания, и на рейсовом теплоходе я возвратился в Ярославль.

Пока я совершал вояж по Волге, решилась моя дальнейшая судьба. Стало известно, что Нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов приказал всех моряков, получивших ранение на сухопутных фронтах, после излечения в госпиталях возвращать на флот, а лейтенантов, выпускников военно-морских училищ, направлять на учебу на Специальные курсы командного состава ВМФ.

Через несколько дней я получил предписание убыть на курсы, которые в то время находились в Астрахани. Такое же назначение получили еще два лейтенанта. Мы решили идти туда по Волге, на рейсовом теплоходе. Каким-то образом мы узнали, что в речном порту находится теплоход, на который заканчивается погрузка снарядов и бомб, и что он должен скоро отплыть в Сталинград. Мы разыскали этот теплоход, представились капитану, предъявили свои документы. К нашему удивлению, капитан обрадовался нашей просьбе взять нас к себе на борт, считая, что три командира, вооруженных пистолетами, будут служить дополнительной охраной теплохода в пути.

Как потом оказалось, этот теплоход, кажется, «Лермонтов», готовился к обычному рейсу, и на него загрузили продуктов в расчете на всех пассажиров. Но внезапно капитан получил задание по доставке важного военного груза в Сталинград. И получилось так, что пассажирами была только наша троица, потому нас в пути кормили обильно и сытно.

«Лермонтов» шел без остановок до Куйбышева, в Сталинград его не пустили. Это был конец июля, тогда уже началась оборона Сталинграда, и немцы Систематически минировали с самолетов русло Волги в этом районе. В Куйбышеве я потерял своих попутчиков и продолжил путь на поезде.

В госпитале да и на пути в Астрахань у меня было достаточно времени для воспоминаний, осмысления своего боевого прошлого, чтобы здраво оценить свои поступки и действия. Но как придирчиво ни относился к себе, ничего предосудительного в своей командирской деятельности на фронте я не нашел. Я понимал своих подчиненных, и они понимали своего командира и относились ко мне уважительно. Но, кроме воспоминаний о пережитом на фронте, на ум часто стала приходить одна

мимолетная встреча в Ленинграде.

Два года назад, после окончания 2-го курса училища, мы надеялись, что нас отпустят в отпуск. Но этого не произошло, зато часто отпускали в увольнение в город. Вместе со своим другом Леней Тимошенко я иногда заходил во Дворец культуры на Васильевском острове, где в мраморном зале устраивались танцевальные вечера. Когда я учился в Казани, то ходил на бесплатные курсы танцев в университете, которые закончил хорошо, но заядлым танцором не стал. Меня больше интересовали тогда музеи и театры, а также пригороды Ленинграда.

Как-то, а это было в августе сорокового года, мы забрели в мраморный зал. Осмотревшись, я обратил внимание на девушку, одиноко стоявшую у стены. Ее приглашали, но она почему-то всем отказывала. Когда после перерыва объявили очередной танец, я, не веря в удачу, направился к ней и пригласил на «Брызги шампанского». К моему удивлению и радости, она приняла приглашение. Во время танца я рассмотрел свою партнершу. Она была чуть ниже меня, очень стройная и пригожая, на плечи спадали пышные каштановые волосы, а на меня смотрели изумительно красивые карие глаза. Мы познакомились, она назвала свое имя — Тося, я назвал свое.

Как воспитанный кавалер я проводил ее до дома на улице Пестеля, где она жила. Разговорились. Я рассказал о себе. А она поведала, что закончила десятый класс, но еще не выбрала, в какой институт будет поступать, скорее всего в медицинский. Что у нее, кроме родителей, есть младшая сестра и два старших брата, что отец простой рабочий, а мать — домохозяйка. Мы попрощались у ворот ее дома и условились встретиться в следующее воскресенье. Когда расставались, я очень волновался и не спросил у нее ни фамилии, ни адреса, а вспомнил об этом, когда захлопнулась калитка.

Я с нетерпением ждал следующего воскресенья, предвкушая встречу с понравившейся девушкой. Но этой встрече не суждено было состояться. Неожиданно нашу роту в спешном порядке построили с курсантским скарбом, строем привели на Московский вокзал и погрузили в эшелон. И только когда мы отъехали от Ленинграда, нам объявили, что нас везут в Баку, во вновь открывшееся высшее военно-морское училище, где будем учиться. Я не сожалел о перемене места, но очень расстроился, что не могу, не зная адреса, даже сообщить Тосе о себе. И что она подумает обо мне, когда приедет на свидание к памятнику Крузенштерну?

…Я вспоминал об этом, когда жарким августовским утром с

большим опозданием поезд подошел к перрону астраханского вокзала. Из вагонов, как горох, посыпались люди с котомками, мешками и самодельными чемоданами. Не торопясь, я вышел последним из своего вагона с небольшим свертком в руках, в котором были все мои пожитки.

У военного коменданта я узнал, где расположены курсы, и пешком направился туда, рассматривая улицы, дома и прохожих, которые спешили по своим делам. Когда я вышел на центральную улицу, то увидел идущую навстречу девушку, в облике которой мне показалось что-то знакомое. Девушка тоже посмотрела на меня, и по карим глазам, по пышным волосам я узнал Тосю. Я преградил ей путь и дрожащим голосом спросил: «Тося, это ты?» После короткого замешательства она спросила: «А ты Михаил?» Мы еще какое-то время рассматривали друг друга, ведь не виделись два года, да и первая встреча была мимолетной. Оба мы повзрослели, произошли изменения в нашем внешнем виде, но не настолько, чтобы мы не узнали друг друга.

По пути к месту ее работы мы разговорились и рассказали друг другу, как оказались в Астрахани. Когда началась блокада Ленинграда, родители отправили Тосю к дальней астраханской родственнице, у которой она живет, работая в какой-то конторе. Нежданная встреча оказалась радостной для обоих. Расставаясь, мы условились встретиться вечером у ее дома.

Окрыленный приятной встречей, в приподнятом настроении, я продолжил свой путь. Еще не дойдя до здания курсов, встретил однокурсника по училищу, тоже лейтенанта Ивана Юхова, приехавшего сюда неделей раньше с таким же направлением на учебу. Он рассказал мне об обстановке в городе и на курсах.

Астрахань переживала тревожные дни, город подвергся бомбардировкам вражеской авиации, немецкие войска подходили к Элисте, появилась реальная угроза захвата города. Началась эвакуация промышленных предприятий и населения Астрахани. Осенью прошлого года сюда из Ленинграда были перебазированы Военно-морская академия, Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе и Высшие специальные курсы командного состава ВМФ. Уже несколько дней ведется эвакуация этих учебных заведений: академию и курсы переводят в Самарканд, а училище — в Баку. Занятия на курсах прерваны, слушателям выдали рабочее платье и создали из них рабочие группы для погрузки учебного оборудования и различного хозяйственного имущества в железнодорожные вагоны, на баржи и суда в торговом порту.

Меня без промедления зачислили слушателем курсов в класс помощников командиров тральщиков, переодели в «робу» и

послали на погрузку баржи, назначив старшим группы.

Вечером мы встретились с Тосей и на скамейке возле ее дома просидели до утра, рассказывая друг другу о том, как прожили два года разлуки. Вспомнили и давнюю встречу в Ленинграде. Тося приходила на свидание к памятнику Крузенштерну и, не встретив меня, подумала, что я ее обманул. Она еще несколько раз приходила к назначенному месту встречи и потом понуро возвращалась домой. Когда я рассказал, что тогда произошло, она успокоилась, подозрения ее рассеялись.

Я поведал Тосе о том, чем занимался весь день и что узнал. Услышав, что мне вместе с курсами предстоит переезд в Самарканд, она с испугом в голосе спросила: «А как же я?» На этот вопрос я ничего вразумительного ответить не мог. Наши встречи продолжались еще несколько дней, а ответа на ее вопрос не было, так как я ничего не придумал.

Всеми работами по эвакуации военно-морских учебных заведений из Астрахани руководил заместитель начальника управления военно-морских учебных заведений генерал-майор береговой службы А. Н. Татаринов. Он был известен своей строгостью, требовательностью, решительностью и высокими организаторскими способностями. Под его неусыпным контролем работы по загрузке плавсредств и вагонов шли без срывов и простоев. Не было дня, когда бы он не появлялся в местах погрузки.

Однажды, когда мы заканчивали погрузку очередной баржи, уже поздно вечером неожиданно снова появился генерал и приказал нашей группе в течение суток загрузить еще одну баржу, подчеркнув, что это очень важное задание. Новая задача не вызвала энтузиазма у моих «грузчиков», которые очень устали и мечтали об отдыхе. Но приказ есть приказ. Начали прибывать машины с грузом, а вскоре подошла баржа, и мы занялись ее загрузкой. Почти всю ночь и до середины следующего дня погрузочная работа не прекращалась. К концу погрузки приехал генерал. Он похвалил нашу группу за досрочное выполнение задания и объявил нам благодарность. Перед уходом он спросил, нет ли у нас каких-либо просьб. Я набрался храбрости и доложил, что встретил в Астрахани свою невесту, но не знаю, как ее забрать с собой. Генерал улыбнулся, возможно, вспомнив что-то из своего личного, и твердо сказал: «Хорошо, лейтенант, напиши рапорт на мое имя». Я быстро написал рапорт, на котором Татаринов размашистым почерком отметил: «Разрешаю в вагоне с семьями комсостава». В приподнятом настроении я побежал к домику на тихой улочке и с ходу сообщил Тосе о решении генерала. Она бросилась мне на шею и поцеловала. С дрожью в голосе я сказал,

что назвал ее невестой, когда просил генерала взять ее с собой. Не раздумывая, она ответила, что согласна быть со мной всегда.

Наш эшелон шел до Самарканда 17 суток, часто останавливался на полустанках и разъездах, пропуская встречные воинские эшелоны, следующие на запад, к фронту. В этом долгом пути у нас было много времени для разговоров. Мы признались друг другу в любви и преданности, мечтали о светлом будущем, которое обязательно ждет нас.

В Самарканде слушателям пришлось разгружать вагоны с учебным оборудованием и прочим имуществом, перевозить и размещать его в отведенных городскими властями помещениях. Но это не мешало нашим ежевечерним встречам. А в канун 7 Ноября мы стали мужем и женой.

1 сентября начались занятия на курсах, программа которых была сокращена, чтобы компенсировать время, затраченное на перебазирование. Занятия на курсах закончились в конце февраля 1943 года. Мне как закончившему курсы с отличием предоставили право выбора флота, и я выбрал Северный.

Никаких торжеств после окончания курсов не было, все прошло буднично и скромно. Начальник курсов контр-адмирал Коренев произнес напутственную речь и сказал, что назначение на должности будет сделано, когда мы прибудем на флот. Был зачитан приказ Наркома ВМФ о присвоении группе лейтенантов, в том числе и мне, очередного воинского звания старший лейтенант. Заменить нарукавные нашивки мы не успели и покинули стены курсов в лейтенантской форме одежды. Прощание с женой было трогательным и тягостным. Мы понимали, что расставание будет долгим, так как конца войны не было видно. К тому же я уезжал на действующий флот, который активно сражался с немецкими захватчиками.

Часть II
НА МОРЕ

Впервые на Севере

До Мурманска добирался пять суток. Когда поезд остановился, я не увидел вокзала — его не было. Все станционные конторы и военный комендант размещались в бараках. Город был почти полностью разрушен вражеской авиацией, в чем я убедился при последующих посещениях Мурманска.

Было тихо. Шел снег. Сказывалась полярная ночь — светлого времени суток в начале марта было немного. Узнав, как добраться до Полярного, где находились штаб флота и отдел кадров, я пошел на пассажирский причал. Здесь, к моему счастью, стоял готовый к отходу небольшой рейсовый теплоход «Сосновец», на палубу которого я и ступил.

Хотя было прохладно, я часто выходил на палубу, чтобы посмотреть на залив и его берега. Поразило безмолвие, царившее повсюду, нагромождение скал и сопок по обоим берегам залива. Восточный берег залива выше западного, повсюду виднелась почти непрерывная цепь возвышенностей, круто спускающихся к урезу воды. Местами скалы не были покрыты снегом, а в расщелинах пробивался мелкий кустарник. Я смотрел на это чудо природы, восхищаясь его красотой и величием.

Через полтора часа через узкий пролив Перейма, отделяющий остров Екатерининский от материка, теплоход вошел в Екатерининскую гавань, берега которой были высокими и крутыми, лишенными растительности. На южном берегу гавани расположился город Полярный, который я более внимательно рассмотрел позже.

После обеда я без труда нашел здание, где располагался отдел кадров и где без промедления был принят его начальником капитаном 3 ранга В. А. Хреновым. В глаза бросилась красивая фигура главного кадровика флота, его безупречная выправка, белоснежные рубаха и манжеты.

Разговор был коротким, так как вопрос о назначении был предрешен до моего приезда. Свободных должностей на действующих кораблях не было — на флоте в то время был перекомплект офицерского состава. Многие офицеры, вернувшиеся с фронтов, назначались дублерами на плавающие корабли. Я получил назначение не на тральщик, к службе на котором меня готовили на курсах, а помощником командира «большого охотника» «Машинист», который недавно заложили на судоверфи в Молотовске. Но послали меня не к месту его постройки, а на «морские охотники» Краснознаменного

дивизиона истребителей подводных лодок для изучения театра, стажировки по должности и приобретения боевого опыта на море. Началась новая страница моей биографии — служба на флоте и война на море.

День 5 марта 1943 года стал для меня знаменательным. С этого дня началась моя служба на «морских охотниках».

Справедливо изречение, что нет ничего более постоянного, чем временное. Так случилось и со мной. Прибыв на дивизион «малых охотников» во временную командировку, я прослужил здесь всю войну и долгое время после, пройдя все должности от помощника командира катера до командира дивизиона.

Из Полярного в Кувшинскую салму, где базировался дивизион, меня доставил «морской охотник». Я с большим интересом наблюдал за действиями его команды, которые были слаженными и четкими.

Вход в Кувшинскую салму я обнаружил только тогда, когда катер резко повернул вправо. Вечером он ошвартовался у плавбазы «Ветер». Поднявшись на борт плавбазы, я представился начальнику штаба дивизиона капитану 3 ранга Сергею Зюзику, который временно исполнял обязанности командира дивизиона вместо капитана 1 ранга А. М. Спиридонова, убывшего к новому месту службы.

С. Д. Зюзик произвел на меня приятное впечатление. Выше среднего роста, по-спортивному сложенный, подстриженный «под бокс», с черными, как смоль, густыми волосами и бровями, с пронизывающим взглядом темных глаз, он сходу внушал мне уважение.

Прочитав мое направление, он тут же сделал мне замечание за то, что мои нашивки на кителе не соответствуют моему воинскому званию, и приказал устранить это несоответствие. С. Зюзик объявил, что я буду служить дублером помощника командира МО-111, и предложил немедля явиться на катер, приступить к изучению его устройства и тактико-технических данных, обязанностей помощника, а также районов плавания по лоции и картам.

Знакомство с дивизионом

На плавбазе я нашел командира МО-111 старшего лейтенанта Виктора Рябухина и его помощника старшего лейтенанта Александра Ракова, прибывшего сюда на три дня раньше меня с тех же курсов, но из другого класса (артиллеристов). Они не высказали ни удивления, ни радости, когда узнали, что я им буду помогать. Командир катера порекомендовал мне заняться штурманским делом и связью, которые отныне будут моей постоянной обязанностью. Получив такое невразумительное напутствие от моих новых начальников, я решил пойти на катер, на котором теперь мне придется служить и набираться боевого опыта.

«Морские охотники» стояли у деревянного плавучего причала, ошвартованного у борта плавбазы, на которой размещались экипажи катеров и штаб дивизиона. В это время команды катеров находились на занятиях на берегу, а на катерах, стоящих поотрядно, оставалась только вахта.

Было пасмурно, шел снег, заканчивался короткий мартовский день. Кругом стояла тишина. Разыскав катер МО-111, я с душевным трепетом ступил на палубу, запорошенную снегом, поднялся на ходовой мостик, прошел до кормы, где развевался Краснознаменный Военно-морской флаг. На баке я увидел краснофлотца, стоящего у носового орудия. Им оказался мой земляк Дмитрий Чугунов, который также в этот день прибыл из учебного отряда и был назначен комендором. Он по своей инициативе пришел на катер, чтобы осмотреть то орудие, которое ему предстоит обслуживать.

В последующие дни я более детально познакомился с устройством катера и его экипажем. По табелю о рангах катера — «малые охотники» типа МО-IV (моряки их любовно называли «морскими охотниками», а также «мошками» или «мухобоями») относились к кораблям 4-го ранга. Катер имел водоизмещение 56 тонн, длину 24 метра, осадку 1,5 метра, корпус деревянный, трехслойный. На нем были установлены два 45-миллиметровых орудия в носу и на корме (в последующем в 1943–1944 годах вместо них на нескольких катерах были установлены три 25-мм полуавтоматические пушки: одна на баке и две в корме), два 12,7-мм пулемета ДШК по бортам, большие и малые глубинные бомбы, дымовые шашки, средства радиосвязи и гидроакустическая станция «Тамир» или «Дракон». Максимальная скорость составляла 26 узлов. Экипаж катера насчитывал 25 человек, почти все краснофлотцы и старшины к тому времени

прослужили по пять-шесть лет, прекрасно знали материальную часть и свои обязанности, имели большой боевой опыт, а многие из них были награждены орденами и медалями.

Заинтересовавшись историей дивизиона, я узнал, что первые 14 катеров поступили на Северный флот из Ленинграда на железнодорожных платформах в 1939 году, а последние 4 катера — в августе 1941 года. Был создан дивизион «морских охотников», который перед войной назывался дивизионом истребителей подводных лодок. Катера были разбиты на 3 отряда, по шесть катеров в каждом. В отряде было три звена, по два катера. Командиром звена являлся командир головного (нечетного) катера в звене. Нумерация катеров за время существования дивизиона «морских охотников» менялась несколько раз. С апреля 1942 года номер катера состоял из трех цифр: первая цифра у всех катеров — единица, вторая — номер отряда и третья цифра — номер катера в отряде. Номер моего катера — МО-111 — означал, что он числится в первом отряде и первым (звеньевым) в нем. В апреле 1944 года эта стройность была нарушена. Катера получили произвольную нумерацию, которая уже не менялась до расформирования дивизиона в декабре 1948 года.

В 1943 году командирами отрядов были опытные офицеры — капитан-лейтенанты Григорий Константинов, Соломон Раскин и Сергей Демидов. В ходе освоения катеров в предвоенное время было установлено, что боевые возможности и прежде всего мореходные качества катеров были значительно шире первоначально определенных. А в первые же годы войны они зарекомендовали себя поистине универсальными кораблями. Трудно найти боевую задачу, которая была бы им непосильна. Они вели поиск и уничтожение подводных лодок на подходах к главной базе флота, обеспечивали противолодочную оборону своих и союзных конвоев при входе в Кольский залив и выходе из него, а также своих конвоев в прибрежной зоне, эскортировали подводные лодки при выходе из Кольского залива и при возвращении в базу, высаживали тактические, разведывательные и диверсионные десанты на побережье, занятое противником, производили минные постановки на вражеских прибрежных фарватерах и на подходах к портам в Варангер-фьорде, несли дозорную службу, расстреливали плавающие мины, оказывали помощь поврежденным кораблям, судам и самолетам, доставляли пополнение и воинские грузы на полуострова Рыбачий и Средний, эвакуировали оттуда раненых и больных. За успешное выполнение боевых заданий дивизион «морских охотников» в октябре 1942 года был награжден орденом Красного Знамени.

Нагрузка на катера, в чем я вскоре убедился, была очень большая. Боевые походы следовали один за другим, казалось, им не было конца. В море катера заливало волной. Все, кто находился на верхней палубе, промокали насквозь, а обсушиться было негде. Только иногда удавалось спуститься в моторное отделение и погреться Возле горячего двигателя. Еще труднее было в зимних условиях плавания: мокрая одежда промерзала, а в лицо почти непрерывно били крупинки снега и брызги холодной морской воды. Какой радостью для катерников были короткие стоянки у борта какого-нибудь буксира или транспорта, которые обогревали катера своим паром, не говоря уже об отдыхе на плавбазе после возвращения из похода!

Изучать катер, свои новые обязанности и знакомиться с личным составом приходилось урывками, в межпоходовые паузы. Положение «дублера» не ограничивалось только делами на своем катере, меня часто посылали на другие катера, чтобы заместить заболевших помощников. Тем не менее мне удалось просмотреть исторический журнал и журнал боевых действий дивизиона, а также побеседовать с бывалыми в недавнем боевом прошлом командирами.

Остановлюсь только на некоторых боевых эпизодах.

С первых и до последних дней войны «морские охотники» отважно сражались с врагом в Заполярье, в трудных условиях плавания, при постоянном противодействии противника. Опасность подстерегала всюду: из-под воды, с суши и с воздуха. Наибольшую угрозу представляла вражеская авиация, господствующая в воздухе. Несмотря на то, что малоподвижные 45-мм пушки были малоэффективными, особенно при качке, но в умелых руках и они были грозным оружием для вражеской авиации. Всего за годы войны на счету дивизиона было 29 сбитых самолетов противника.

Первая ожесточенная схватка с немецкой авиацией произошла 30 июня 1941 года, на другой день после начала вражеского наступления на Мурманском направлении, где развернулись тяжелые бои. Для огневой поддержки нашей пехоты в Мотовский залив были посланы эсминцы «Куйбышев» и «Урицкий» в охранении двух «морских охотников». Отряд вошел в губу Кутовая, откуда эсминцы открыли огонь по наступающей пехоте противника. Вскоре в небе появились немецкие самолеты. Сорок вражеских стервятников с разных направлений атаковали эсминцы и катера, сбросив на них 80 бомб. Благодаря умелому маневру и массированному зенитному огню с эсминцев и катеров все атаки вражеских самолетов были отбиты. Эсминцы, закончив обстрел вражеских войск, в сопровождении МО-123 направились в

базу, а катеру МО-121 было приказано снять с берега высаженные ранее наши корректировочные посты.

После снятия постов при отходе от берега катерники заметили неожиданно вынырнувшие из-за облаков самолеты противника, которые с ходу сбросили несколько бомб. На катере не растерялись и вовремя открыли огонь из пушек и пулеметов. Атаки пикировщиков продолжались, 18 самолетов с черными крестами закружили над «морским охотником» смертельной каруселью. На палубу рушились вздыбленные бомбами водяные столбы, в корпус врезались осколки и пули. Комендоры старшины 2 статьи Рулева вели огонь с полной скорострельностью. Носовое орудие краснофлотца Свистунова сразило выходивший из пике бомбардировщик, который врезался в воду. А через минуту такой же успех выпал на долю пулеметчика краснофлотца Софронова. Действиями комендоров и пулеметчиков уверенно управлял помощник командира старший лейтенант Александр Бородавко. Отличился командир отделения рулевых старшина 2 статьи Векшин, который, стоя на руле и не ожидая команд командира, совершил маневр уклонения от пикирующих бомбардировщиков, от сброшенных бомб и от пушечно-пулеметных трасс. Несмотря на серьезные повреждения, катер своим ходом возвратился в базу. За мужество и отвагу в этом бою командир МО-121 старший лейтенант Кроль, его помощник старший лейтенант Бородавко и старшина 2 статьи Векшин были награждены орденом Красного Знамени. Не остались без наград и остальные моряки, отличившиеся в бою. Так славно началась боевая деятельность «морских охотников».

Особую известность «морские охотники» получили в десантных действиях. Ни один десант, высаженный в годы войны в Заполярье, а их насчитывается более сорока, не обошелся без их самого активного участия. Уже 6 июля 1941 года они участвовали в высадке тактического десанта в губе Западная Лица. Несмотря на сильное противодействие противника, десант был высажен без потерь. Через несколько дней в том же районе был высажен более крупный десант в составе пехотного полка, усиленного батальоном морской пехоты. Здесь особенно отличился катер МО-123 старшего лейтенанта Василия Лозовского. «Морские охотники» после захвата плацдарма доставляли туда пополнение и боезапас, а после выполнения десантом поставленной задачи участвовали в снятии его с побережья, занятого противником. Все это происходило в условиях воздушных атак противника и обстрелов с берега.

Июльские десанты североморцев были первыми морскими десантами в Великой Отечественной войне.

Десанты в 1942 году

Образцы мужества и массового героизма показали катерники Заполярья при высадке крупного десанта в составе 12-й отдельной бригады морской пехоты под командованием полковника Рассохина на южное побережье Мотовского залива в ночь с 27 на 28 апреля 1942 года. В высадке десанта участвовали почти все «морские охотники» под командованием командира дивизиона капитана 1 ранга А. М. Спиридонова. Катера действовали решительно и смело, несмотря на сильное противодействие противника с воздуха и с суши, быстро высадили своих десантников, а потом пересаживали десантников со сторожевых кораблей и тральщиков. Затем катера доставляли высаженному десанту боеприпасы, продовольствие и пополнение, эвакуировали раненых и больных. Катера успешно справились с задачей по эвакуации десанта 12–13 мая.

В этих многодневных непрерывных боевых действиях отличились командиры отрядов катеров капитан-лейтенанты Василий Груздев, Соломон Раскин, Василий Бабанов, командиры звеньев и катеров старшие лейтенанты Михаил Артамонов, Федор Бондарев, Владимир Гущин, Сергей Демидов, Григорий Константинов, Дмитрий Лысов, Георгий Маккавеев, Алексей Рощин, Петр Явон.

После стабилизации линии фронта по реке Западная Лица немцы к осени сорок второго года создали разветвленную систему обороны южного побережья Мотовского залива, состоящую из ряда опорных пунктов. Они располагались на господствующих высотах и были прикрыты несколькими рядами минных и проволочных заграждений. На вооружении опорных пунктов находились артиллерийские и минометные батареи различного калибра в хорошо защищенных укрытиях, а также доты и дзоты с пулеметными гнездами. Опорные пункты оборонялись пехотными, артиллерийскими и минометными подразделениями, для размещения которых были построены утепленные казематы с бетонными покрытиями и необходимыми коммунальными удобствами. Все сооружения опорных пунктов надежно прикрывались от наблюдения различными маскировочными средствами.

Вражеские опорные пункты создавали серьезную опасность для плавания наших кораблей и судов, снабжающих воинскими грузами и пополнением войска Северного оборонительного района на полуостровах Средний и Рыбачий, обстреливая их своей артиллерией. Наибольшую помеху представлял опорный

пункт «Пикшуев», расположенный ближе других к урезу воды, недалеко от мыса и маяка того же названия. Для уточнения системы обороны на подходах к этому опорному пункту в ночь с 30 на 31 августа сюда был скрытно высажен разведывательный десант под командованием старшего лейтенанта Грачева. Взвод разведчиков, двигаясь к опорному пункту, натолкнулся на небольшую группу немецких солдат, внезапно их атаковал, уничтожил нескольких солдат и захватил двух пленных, которые дали ценные показания об обороне опорного пункта «Пикшуев», о расположении огневых средств и составе гарнизона, насчитывающего до двухсот егерей горно-стрелкового полка. На основе этих данных командование СОРом приняло решение уничтожить этот опорный пункт.

Для выполнения этой задачи в десант был выделен стрелковый батальон 12-й бригады морской пехоты под командованием майора Боровикова, насчитывающий 326 бойцов. Несколько дней батальон усиленно тренировался на гористой местности, сходной с местностью вокруг опорного пункта.

Для высадки десанта были назначены «морские охотники» МО-121, МО-125, МО-135 и шесть мотоботов под командованием командира отряда катеров капитан-лейтенанта Василия Бабанова, имевшего опыт десантных действий и хорошо знавшего район предстоящей высадки. Наибольшую трудность всегда представлял выход десантников с катеров на берег в сухом виде. Для этого на каждом катере имелись специально сконструированные и изготовленные облегченные десантные трапы, которые выбрасывались с форштевня, как только катер упирался в берег. Один конец трапа надежно крепился к форштевню катера, а на другом конце был смонтирован ролик, который скользил по скалистому берегу и обеспечивал устойчивое положение трапа при качке катера.

Десант высаживался в ночь с 10 на 11 сентября в двух пунктах: в трех километрах западнее и южнее мыса Пикшуев. По замыслу оба отряда десанта после высадки должны были обойти опорный пункт с двух сторон, соединиться в районе высоты, прозванной «картошкой», после чего атаковать его с тыла. Первый отряд во главе с майором Боровиковым был высажен быстро и скрытно. В полночь при продвижении по намеченному маршруту этот отряд засек неизвестную ранее батарею противника, которая вела огонь по второму пункту высадки. Комбат приказал командиру роты автоматчиков старшему лейтенанту Белозерову атаковать эту батарею, что было блестяще выполнено. Атака автоматчиков была настолько внезапной и стремительной, что немцы даже не успели открыть по ним огонь. Орудийная

прислуга была расстреляна автоматным огнем, семь комендоров вместе с командиром батареи были взяты в плен, а четыре 75-мм орудия подорваны.

Второй отряд высадился не в одном пункте, как было предусмотрено, а в двух, на полчаса позднее первого отряда и менее удачно, так как в самом начале высадки был обнаружен и обстрелян артиллерией и минометами из опорного пункта противника. Быстро и четко высадили по сорок десантников МО-135 старшего лейтенанта Василия Лозовского и МО-125 старшего лейтенанта Ефрема Мальханова.

На этих катерах отличились командир отделения минеров старшина 2 статьи Егор Гольнев и командир отделения гидроакустиков старшина 2 статьи Александр Чирков. Малые глубины у береговой черты не позволили катерам подойти вплотную к берегу. Тогда эти старшины, оба могучего телосложения, спрыгнули с катеров и, стоя по грудь в холодной воде, удерживали на своих плечах дальние концы трапов, по которым в считанные минуты сбежали десантники, не замочив даже ног.

Мотоботы, имеющие осадку больше, чем у «морских охотников», не всегда могли подойти вплотную к берегу из-за малых глубин, и зачастую приходилось переправлять десантников на берег с помощью других плавсредств. Это было хорошо известно командованию из опыта высадки прежних десантов, но из-за отсутствия специальных высадочных плавсредств приходилось привлекать и мотоботы. Так случилось и на этот раз с мотоботом СКА-215, на борту которого находились 72 десантника. Он сел на мель в десяти метрах от берега. Командир мотобота старшина 1 статьи Малыгин спустил на воду шлюпку с десантниками, которую краснофлотцы Русинов и Царев, находясь в воде, несколько раз перетаскивали от мотобота к берегу и обратно, пока все десантники не были переправлены на берег. Мотобот снялся с камней во время прилива и самостоятельно своим ходом возвратился в губу Эйна.

Из-за задержки с высадкой более чем на час этот отряд под командованием старшего лейтенанта Грачева при движении к опорному пункту натолкнулся на засаду немцев. Завязался бой, длившийся около двух часов, в котором отличился взвод разведчиков лейтенанта Зуева, уничтоживший в скоротечной схватке до 30 солдат. В этом бою погиб политрук Исаев, возглавивший одну из атак.

Задержка с высадкой второго отряда и вынужденные непредвиденные бои на пути к опорному пункту привели к тому, что встреча отрядов состоялась с опозданием почти на четыре

часа. Близился рассвет, но майор Боровиков все-таки решил атаковать опорный пункт «Пикшуев». Бой был ожесточенным, он закончился только к восьми часам утра. Десантники отошли к месту высадки первого отряда, где их ждали «морские охотники» и мотоботы, которые отошли от берега без особого противодействия в связи с пониженной видимостью — с неба сыпался снег.

Всего десантом майора Боровикова было уничтожено около 200 и захвачено в плен девять солдат и офицеров противника, разрушено и взорвано 6 дотов, 13 дзотов, 5 складов с боеприпасами, 3 продовольственных и вещевых склада, 10 землянок, 2 палатки, четыре 75-мм орудия, 10 минометов, 2 станковых и 5 ручных пулеметов, более сотни ящиков со снарядами и патронами, электро- и метеостанции. Была захвачена и вся документация опорного пункта «Пикшуев», который был полностью разрушен и до конца войны в Заполярье немцами не восстанавливался.

Разгром немецкого опорного пункта в районе мыса Пикшуев послужил основанием для принятия командованием Северного флота решения о проведении более масштабных десантных действий по разрушению системы вражеской обороны на южном побережье Мотовского залива. К тому же для закрепления достигнутого успеха было заманчиво использовать благоприятную обстановку, когда противник еще не успел опомниться от понесенных потерь.

Через несколько дней вышел приказ командующего флотом о высадке десанта в ночь с 17 на 18 сентября для уничтожения сразу трех опорных пунктов противника: «Могильный» (в районе губы Кислой), «Обергоф» (посредине между мысами Пикшуев и Могильный, на господствующей высоте в этом районе) и «Фишерштейн» (на западном берегу губы Западная Лица). Этот приказ явился полной неожиданностью для исполнителей. Подготовленных сил к проведению такой десантной операции не было (а до ее начала оставалось всего трое суток), кроме батальона Боровикова из 12-й бригады морской пехоты.

Началось спешное формирование десантных отрядов, которое продолжалось до самой высадки. Не осталось времени для сколачивания десантных подразделений и для проведения крайне необходимых тренировок по высадке и отработке действий на берегу. Первый отряд десанта, собранный из различных частей 63-й бригады морской пехоты, численностью 300 человек под командованием капитана Буянова предназначался для действий против опорного пункта «Могильный». В этот отряд были включены группа разведчиков штаба флота в количестве 50

человек под командованием старшего лейтенанта Фролова и взвод саперов численностью 60 человек. Против опорного пункта «Обергоф» был нацелен второй десантный отряд, костяком которого являлся батальон майора Боровикова, пополненный до общей численности 300 человек за счет других подразделений 12-й бригады морской пехоты. В третий десантный отряд, которому предстояло действовать против опорного пункта «Фишерштейн», была выделена усиленная разведрота 82-й бригады морской пехоты численностью 200 человек. Общее руководство подготовкой десанта и его действиями на берегу возлагалось на командира 12-й бригады морской пехоты полковника Рассохина, командный пункт которого был развернут на берегу губы Эйна.

Для высадки десанта были выделены девять «морских охотников» и семь мотоботов. Командиром высадки был назначен командир дивизиона истребителей подводных лодок капитан 1 ранга Александр Спиридонов. Командирами высадочных средств для каждого десантного отряда и командирами пунктов высадки были назначены командиры отрядов катеров капитан-лейтенанты Григорий Константинов, Соломон Раскин и Василий Бабанов. «Морские охотники» и мотоботы перешли из Кольского залива в бухту Озерко и в губу Эйна ночью за сутки до высадки десанта. Несмотря на принятые меры по маскировке стоянки высадочных сил, их сосредоточение не осталось не замеченным противником.

Первый десантный отряд капитана Буянова был размещен на трех «морских охотниках» и трех мотоботах. Они почти одновременно подошли к намеченному пункту высадки, но некоторые из них не сразу смогли приткнуться к берегу из-за малых глубин. Перед самой высадкой взлетела немецкая осветительная ракета, осветившая часть района высадки, а вслед за ней ударили вражеские пулеметы. С катера МО-121 старшего лейтенанта Дмитрия Лысова открыли огонь из пушек по пулеметной точке и подавили ее. Достичь внезапности при высадке десанта не удалось. Но незначительное противодействие не помешало высадить десант в назначенное время и без потерь.

Десантники двинулись к опорному пункту «Могильный» двумя группами. Первая группа, в которой находился капитан Буянов, при подходе к опорному пункту была обнаружена и обстреляна противником из пулеметов и минометов. Десантники укрылись за камнями. Со второй группой отряда связь была потеряна. Она где-то блуждала в темноте, потеряла ориентировку и к опорному пункту не вышла. Потеряв управление и понеся потери, капитан Буянов не решился атаковать опорный пункт и дал сигнал к отходу к пункту посадки на катера.

Разведгруппа штаба флота при отходе оказалась отрезанной и окруженной. Во время прорыва из окружения был тяжело ранен старший лейтенант Фролов, которого с поля боя вынесли старшина 2 статьи Мотовилин и краснофлотец Хабалов. Почти сутки находилось в окружении отделение разведчиков старшины 1 статьи Виктора Леонова (впоследствии дважды Героя Советского Союза), отбивая яростные атаки немецких егерей. Глубокой ночью, израсходовав почти все патроны и гранаты, разведчики прорвали кольцо окружения и отошли к месту высадки, где их снял катер МО-132 лейтенанта Бориса Ляха.

Но не всем разведчикам удалось выбраться в эту ночь к побережью. В следующую ночь катер Ляха возвращался из бухты Озерко в Кольский залив. Сигнальщик старший краснофлотец Николай Гомырин обнаружил на берегу мерцающий огонек. Катер приблизился к берегу и принял на борт четырех разведчиков. Затем Лях направил свой катер вдоль побережья и в трех пунктах снял с берега еще 14 разведчиков.

Второй отряд майора Боровикова был высажен с трех «морских охотников» и двух мотоботов, при этом достичь внезапности тоже не удалось. Мотобот СКА-216 с 70 десантниками на борту при подходе к берегу крепко сел на прибрежные камни и самостоятельно сойти с них не смог. Катер МО-111 старшего лейтенанта Виктора Рябухина попытался стащить мотобот с камней, но его усилия оказались безуспешными. Тогда Рябухин решил подойти к мотоботу, снять с него десантников и высадить их на берег. Однако при подходе к мотоботу катер сам сел на камни и поломал два винта. Его стянул с камней МО-133 старшего лейтенанта Михаила Артамонова, после чего МО-111 на одном моторе добрался до губы Эйна.

Немцы, обнаружив сидящий на мели мотобот, открыли по нему минометный огонь, от которого получили ранение 17 десантников и несколько человек из команды мотобота. Убедившись в невозможности сойти с камней, во избежание потерь от обстрела противником командир мотобота со своим экипажем и десантниками вплавь перебрались на берег. Капитан 1 ранга Спиридонов приказал командиру МО-133 расстрелять и поджечь мотобот, что и было исполнено.

Отряд майора Боровикова после высадки двинулся к опорному пункту «Обергоф» тремя группами.

Первая группа, в которую входила рота автоматчиков, возглавляемая командиром отряда, при движении в обход опорного пункта обнаружила колонну немецких солдат, направляющихся к опорному пункту. Автоматчики в

стремительном броске атаковали эту колонну и в скоротечном бою уничтожили до 75 солдат и офицеров, а одного немца взяли в плен. Через некоторое время эта группа натолкнулась на небольшой опорный пункт и с ходу разгромила его.

Вторая группа, в которой находились разведчики под командой старшего лейтенанта Хижнякова, вышла на немецкую засаду и завязала бой, длившийся более двух часов, но преодолеть сопротивление противника не смогла.

Третья группа во главе с командиром роты разведчиков старшим лейтенантом Грачевым при следовании к опорному пункту в темноте подошла к высоте, обороняемой немцами, и вступила в бой, продолжавшийся почти пять часов. В ходе этого боя разведчики уничтожили до 50 солдат и офицеров, взорвали 10 дотов и дзотов, захватили в плен немецкого снайпера.

Таким образом, отряду майора Боровикова не удалось до наступления рассвета приблизиться к опорному пункту «Обергоф», и он был вынужден дать сигнал к отходу в пункт посадки на катера.

Третий отряд из-за опоздания к месту посадки был высажен хотя и скрытно, но на полтора часа позже назначенного времени. Продвижение отряда к опорному пункту «Фишерштейн» было недостаточно организованным. В результате отряд не сумел в темное время подойти к объекту атаки и тоже возвратился к пункту посадки, не выполнив задачу.

Снятие десанта с побережья проходило, когда уже рассвело, и немцы оказали сильное противодействие артиллерией и минометами. Десантников поддерживали огнем батареи 104-го артиллерийского полка, расположенного на полуостровах Средний и Рыбачий. По данным корпостов, находившихся с десантниками, они быстро заставляли замолчать вражеские боевые батареи. Десантники потеряли почти 100 человек убитыми, и около 100 бойцов получили ранения различной тяжести. Эту неудачу остро переживали и десантники, и катерники.

Действия десанта и катеров явились предметом тщательного разбора на всех уровнях. Основной причиной неудачных действий десантных отрядов была признана необоснованная поспешность в их подготовке. Не была выявлена в достаточной степени система обороны противника на южном побережье Мотовского залива, в результате чего десантники неожиданно встречали опорные пункты, неизвестные ранее, на преодоление которых вынуждены были затрачивать много времени. Не удалось достичь внезапности как при высадке десанта, так и при его действиях на берегу. В пунктах высадки не были в полной мере разведаны

глубины, из-за чего катерам и мотоботам не всегда удавалось с первого захода подойти к берегу. Неудачно был выбран командный пункт командира десанта на берегу губы Эйна, а не в районе действий. В результате он не смог уверенно управлять десантными отрядами и оперативно реагировать на изменение обстановки. Командование еще раз убедилось в непригодности мотоботов в качестве высадочных средств. В то же время было отмечено, что десантники и катерники проявили смелость, мужество и бесстрашие. В схватках с врагом они уничтожили более 200 солдат и офицеров, много различных береговых укреплений, вооружения и боевой техники, захватили пленных и трофеи. Уроки этого десанта были учтены в последующих десантных действиях в Заполярье.

Алые паруса

Мне показался примечательным и интересным рассказ об увлекательном случае, который произошел в один из майских дней сорок второго года, когда пять «морских охотников» после проводки конвоя из Мурманска в Иоканьгу возвращались в Кольский залив.

Командиром конвоя был командир отряда катеров капитан-лейтенант Соломон Раскин. Вместе с ним на катере МО-126 лейтенанта Алексея Рощина шел недавно назначенный командиром дивизиона капитан 1 ранга А. М. Спиридонов с намерением оценить действия командиров и экипажей катеров при выполнении боевого задания.

Катера шли в строю кильватера экономической скоростью. Погода благоприятствовала переходу. Волнение моря не превышало трех баллов. Изредка шел снег, а иногда в редких разрывах сплошной облачности проглядывало тусклое солнце. На мостике, как бы невзначай, завязался разговор на «гастрономическую» тему, начатый командиром отряда. Дело в том, что из-за однообразной пищи, бедной витаминами, у моряков участились случаи желудочно-кишечных болезней и заболеваний десен. В пище преобладали консервированное мясо, сухое молоко, яичный порошок. Частично выручала треска, вылавливаемая в больших количествах после «профилактического» бомбометания, применяемого при проводке конвоев или при получении контакта с подводной целью.

При подходе к Харловским островам на ходовой мостик поднялся комиссар отряда политрук Петр Кохановский, который проявлял постоянную заботу и изобретательность в улучшении питания моряков. Он сразу включился в разговор.

Харловские острова славились обилием птиц (здесь гнездилось множество чаек, ар и гагар), а значит — постоянным наличием в их гнездах яиц. По уверениям Петра Кохановского, из этих яиц получалась прекрасная яичница, вкуснее и питательнее которой нет ничего на всем белом свете. Это был явный намек на желательность кратковременной остановки у островов для высадки на них «яичного» десанта.

Неизвестно, чем бы закончилось практическое решение «яичной проблемы», если бы тишину не нарушил звонкий голос сигнальщика краснофлотца Серкова: «Справа 50, алые паруса». Так внезапно была прервана «гастрономическая» беседа, и взоры всех на мостике и на верхней палубе обратились в сторону обнаруженной на хмуром горизонте «сказочной» цели.

Опытный глаз сигнальщика не ошибся. Действительно, в бинокль были хорошо видны два паруса, правда, не алого, а ярко-оранжевого цвета. Это был корабельный моторный бот, который медленно, но уверенно продвигался под парусом к побережью Кольского полуострова. Получив от комдива разрешение на сближение с этим ботом, лейтенант Рощин увеличил ход до полного, предусмотрительно сыграв боевую тревогу, подозревая, что под мотобот замаскировалось немецкое судно-ловушка. На боте, увидев приближающийся боевой катер, несколько человек поднялись, замахали руками и что-то неразборчиво закричали. Среди их голосов сигнальщик уловил крик, который вызвал у него радостную улыбку. Он бодро и громко доложил: «Товарищ капитан 1 ранга, на боте ругаются по-нашенски, значит, русские».

«Морской охотник» подошел к боту с кормы. На банках и днище бота, сидя и лежа, размещались около пятидесяти человек, все бородатые и одетые во что попало, а за рулем сидел крепкий мужчина с окладистой бородой такого же рыже-оранжевого цвета, как и паруса на мотоботе.

Отдав приказание спустить паруса, командир катера забрал с бота двух матерщинников и взял мотобот на буксир. На вопрос, зачем ругались матерно, один из них, оказавшийся, как и его товарищ, с потопленного немцами советского транспорта, ответил: «Когда мы увидели приближающийся вооруженный катер с наведенным на бот пулеметом, то побоялись, что нас могут принять за немцев. Вот и стали материться по-русски, чтобы нас признали за своих».

Далее кочегары, перебивая друг друга, рассказали, что после гибели нашего транспорта их подобрал американский транспорт, который вскоре тоже был потоплен немецкой подводной лодкой. Уцелевший экипаж судна во главе с капитаном, тем самым, что сидит за рулем бота, высадился на судовой мотобот. Это произошло у кромки полярного льда. Уже пошли седьмые сутки, как бот движется в южном направлении, пройдя почти пятьсот миль. Сначала бот шел под дизелем, а когда кончился газолин, подняли оранжевые паруса в надежде, что их кто-то обнаружит. Такими яркими парусами снабжаются все американские спасательные плавучие средства.

У всех, кто находился на боте, был изможденный вид. Кончилась вода, уже двое суток не было пищи. Многие не могли держаться на ногах и лежали на дне бота. «Морской охотник» зашел в бухту, где на спокойной воде людей пересадили на свой борт. Их напоили водой, накормили, дали по чарке водки. Все повеселели, заулыбались, стали наперебой рассказывать на своих языках о том, что с ними случилось, и благодарили за спасение.

Внимание командира дивизиона привлек пожилой американец, которому перевалило за шестьдесят. Он сносно говорил по-русски. На вопрос комдива, откуда он знает русский язык и что заставило его в преклонном возрасте пуститься в опасный рейс, американец ответил, что он родился в Америке, его родители — выходцы из России, а в опасное плавание он пошел из-за нужды — за риск хорошо платят.

Отогревшись и насытившись, пассажиры стали засыпать. Заботливые катерники разместили их в кубриках на своих койках. «Морской охотник» снова взял бот на буксир и вместе с остальными катерами продолжил путь в Кольский залив. Возможно, кое-кто из катерников пожалел, что не удалось решить «яичную проблему», но об это уже никто не заговаривал.

Первые шаги

Для меня самым напряженным временем были март-апрель сорок третьего года. Надо было в короткий срок из пассажира стать полноправным членом экипажа.

Сначала я взялся за изучение устройства, боевых и маневренных возможностей катера. Ни в училище, ни во время летней практики на Балтике и на Каспии нам о таких кораблях ничего не говорили. «Спесификация», так называлось пособие по устройству катера, стала моим настольным пособием. Мне охотно помогали опытные старшины: старшина группы мотористов мичман Василий Серманов, боцман старшина 1 статьи Виктор Метелев, командир отделения рулевых старшина 1 статьи Константин Татаринцев, командир отделения радистов старшина 2 статьи Николай Сизов и другие. Штурманское дело, которое любил больше всего в училище, я освоил быстро. С 45-мм пушками я воевал на сухопутном фронте, их изучать не потребовалось.

МО-111 находился в строю и часто выходил в море то на поиск подводных лодок на Кильдинском плесе, то сопровождать плавсредства в воинскими грузами в Мотовский залив.

Как сейчас помню первый поход на боевое задание. Все для меня было новым. Я все время выбегал из ходовой рубки, где вел прокладку, чтобы рассмотреть берега и приметные знаки, чтобы уточнить место катера и выдавать на мостик очередной курс. Впервые увидел остров Торос с его крутыми берегами и приземистый мыс Летинский. А вскоре стал просматриваться остров Кильдин с его высокими, гористыми и обрывистыми берегами. Со временем этот морской ландшафт примелькается и уже не будет вызывать таких эмоций, как это было впервые.

Второй поход был в Мотовский залив, который впоследствии стал районом жестоких схваток с воздушным противником.

Редко выходы катеров на боевые задания обходились без противодействия противника. Особую опасность представляла его авиация. Весной и летом 1943 года воздушная обстановка в прифронтовой полосе Заполярья сложилась не в нашу пользу. Немцы усилили свою северную авиационную группировку переброской с юга истребителей — штурмовиков «Фокке-Вульф-190», обладающих высокими маневренными и боевыми качествами, укомплектованных летчиками с большим боевым опытом. К тому же в это время на Севере стояла необычно ясная погода с большим числом солнечных дней, что благоприятствовало активности вражеской авиации.

А в полярные дни авиация использовалась почти круглосуточно. Особенно свирепствовали самолеты противника в Мотовском заливе. Они задались целью блокировать североморскую «Малую землю», как тогда называли отрезанные противником полуострова Средний и Рыбачий, и сорвать снабжение расположенных там войск Северного оборонительного района, совершая нападения на любые суда и плавсредства, идущие с пополнением и воинскими грузами. Каждый поход наших катеров и плавсредств в Мотовский залив сопровождался жаркими боями с авиацией и береговой артиллерией противника.

22 мая катера МО-111 и МО-112 под командованием старшего лейтенанта Виктора Рябухина конвоировали буксир с баржей из Кольского залива на полуостров Рыбачий. В Мотовском заливе конвой прикрывало звено наших истребителей типа «Аэрокобра». Море было спокойным, небо — безоблачным. Катера шли в полной готовности к отражению атак вражеской авиации, а что атаки последуют — никто не сомневался. Буксир с баржей имели ход всего шесть узлов. Когда конвой втянулся в Мотовский залив, длительное напряжение и гнетущую тишину на верхней палубе вдруг нарушил голос сигнальщика Филиппа Бойко, громко доложившего об обнаружении самолетов противника. Они также быстро удалились, как и появились. И снова потянулись тягостные минуты томительного ожидания.

Вскоре тот же Бойко обнаружил сначала одну, а потом вторую группу самолетов ФВ-190, по четыре самолета в каждой. С высоты 500–600 метров они с ходу ринулись в атаку на маленький конвой, но нашими истребителями и дружным огнем катеров были быстро обращены в бегство. Однако ненадолго. Им на смену прилетели еще две группы. В одной было 6, а во второй 14 самолетов.

Одновременно с воздушными атаками открыла огонь вражеская береговая батарея. Катер МО-112 удачно поставил дымовую завесу и надежно прикрыл конвой от прицельного огня противника. На катере МО-111 четко и слаженно действовали комендоры и пулеметчики во главе с командиром отделения старшиной 2 статьи Анатолием Павлюковым. Особенно метко вело огонь носовое орудие краснофлотца Дмитрия Чугунова, сбившего вражеский самолет, который рухнул в воду в непосредственной близости от конвоя. За этот бой Дмитрий Чугунов получил свою первую награду — орден Красной Звезды. Большого успеха добились североморские летчики, сбившие шесть самолетов. Несмотря на сильное противодействие противника, наши катера выполнили боевую задачу по доставке важных военных грузов на полуостров Средний.

5 июня 1943 года четыре «морских охотника», и среди них мой МО-111, сопровождали в губу Эйна буксир с баржей и мотобот. И на этот раз немцы предприняли яростные атаки конвоя, в которых участвовало 32 самолета, атаковавшие конвой поочередно, с трех направлений. То тут, то там возникали фонтаны от бомб и снарядов. Катера отражали нападение артиллерийским и пулеметным огнем. «Морские охотники» умело уклонялись от бомб, снарядов и пулеметных трасс, ни на минуту не прекращая огня по нападавшим самолетам. В этом бою катерники сбили два вражеских самолета, один из них — снова на счету Дмитрия Чугунова. Во время одной из атак мотобот от разорвавшейся вблизи бомбы получил повреждение и потерял ход, его тут же взял на буксир МО-112 старшего лейтенанта Георгия Маккавеева. Скорость конвоя стала еще меньше.

Над нашими головами проходили жаркие схватки истребителей. То в одной, то в другой стороне Мотовского залива мы наблюдали падающие самолеты: и свои, и чужие. Один из немецких летчиков со сбитого самолета выбросился на парашюте и приводнился у входа в Ура-губу. На его спасение немцы под прикрытием своих истребителей Ме-109 послали гидросамолет «Дорнье-24», который совершил посадку на воду возле плавающего летчика, но при этом получил какое-то повреждение и взлететь не смог. Для захвата самолета и летчиков был послан катер МО-116 под командованием старшего лейтенанта Владимира Голицына.

Увидев приближающийся катер, истребители противника сначала набросились на него, но, не добившись успеха, стали расстреливать свой гидросамолет. От полученных повреждений он оказался в притопленном состоянии. МО-116 снял с гидросамолета двух летчиков, оставшихся в живых, а от буксировки отказался из-за больших повреждений и усилившегося волнения моря. После нескольких попаданий снарядов, выстреленных с катера, гидросамолет затонул.

В этом бою, закончившемся успешно, экипажи «морских охотников» проявили высокое воинское мастерство и отвагу. Все боевые посты действовали согласованно и четко. Командиры катеров в условиях быстро меняющейся обстановки грамотно маневрировали и умело использовали боевые возможности оружия и боевой техники катеров.

12 июня 1943 года катера МО-131 и МО-136 под командованием старшего лейтенанта Николая Федулаева конвоировали из порта Владимир в бухту Озерко два мотобота с воинскими грузами. Когда конвой достиг середины Мотовского залива, опытный и зоркий сигнальщик головного катера старший

краснофлотец Борис Бондаренко обнаружил сначала два самолета-разведчика, а затем десять вражеских истребителей, которые на высоте около 200 метров на фоне гористого берега пытались незаметно приблизиться к конвою. «Морские охотники» вовремя открыли огонь из пушек и пулеметов по самолетам, устремившимся в атаку на конвой. Но все же им удалось сбросить бомбы и обстрелять конвой. Комендоры МО-131 метким огнем сбили один самолет, упавший в воду на дальности видимости с катеров. Сброшенные бомбы вреда не причинили. Но на МО-131 был смертельно ранен краснофлотец Александр Бойченко, подносивший снаряды к кормовому орудию. Получил ранения в руку и ногу комендор Василий Голубенко, но остался на своем посту и продолжал вести огонь по самолетам.

Очевидно, израсходовав боезапас, самолеты удалились в сторону своего аэродрома. В наступившей передышке на катерах устранили полученные повреждения, привели в порядок пушки и пулеметы, оказали помощь раненым. Через два часа атаки самолетов противника возобновились. На этот раз немцы бросили против конвоя 25 самолетов, вышедших в атаку с разных направлений. Снова посыпались бомбы, засвистели снаряды и пули. Катера вели огонь с полной скорострельностью, маневрируя между разрывами бомб и уклоняясь от пушечно-пулеметного огня. Боцман МО-131 старшина 2 статьи Василий Филенюк сумел прошить пулеметной очередью самолет, пролетавший над катером. На помощь катерам прилетели наши долгожданные истребители, которые с ходу смело вступили в бой и сбили несколько самолетов. Конвою стало намного легче, и он благополучно дошел до места назначения.

В одном из таких походов в Мотовский залив на нашем МО-111 находился известный писатель-маринист, в то время корреспондент газеты «Красная звезда» капитан Владимир Рудный, который в очерке «На море нет обелисков» об этом походе написал так: «И вот при свете полярного дня мы встретились впервые с Бочкаревым на этом катере в конвое, следуя из Полярного через Мотовский залив к полуострову Рыбачьему. Забыть тот недолгий переход под огнем немецких батарей и самолетов действительно нельзя. В одиночку катер запросто проскочил бы форсированным ходом. Но он вертелся-крутился вокруг тихоходного буксира с его груженной снарядами треклятой баржой, окутывая их плотной дымзавесой, отбивал атаки „мессеров“ и „фокке-вульфов“. После той нашей встречи у Бочкарева не счесть сколько было походов, охот за подводными лодками, одиночных боев против групп стервенеющих „фокке-вульфов“, высадок разведывательно-диверсионных групп».

Первая потеря

Не всегда боевые походы «морских охотников» заканчивались сравнительно благополучно. За время войны на Северном флоте погибло три катера, и все от атак немецких самолетов в 1943 году.

Первой жертвой стал катер МО-121 старшего лейтенанта Михаила Кульчицкого, подвергшийся нападению вражеских самолетов во время выполнения боевого задания на Кильдинском плесе 26 июня. В этот день МО-121, только что вышедший из ремонта, был послан в спешном порядке на спасение людей с поврежденного и подожженного немецкой авиацией мотобота в районе мыса Выев-Наволок. Несмотря на крупную встречную волну, катер шел полным ходом, чтобы как можно быстрее подойти к гибнущему мотоботу. Волна заливала бак катера, и пришлось убрать расчет носового орудия. Опробовали пулеметы, они работали исправно. Была сплошная низкая облачность. Вскоре сигнальщик Николай Руденко в бинокль обнаружил горящий мотобот, и катер лег на курс сближения с ним.

В это время внезапно из-за облаков вынырнули самолеты «Фокке-Вульф-190», которые на бреющем полете прошли над катером, обстреляв его из пушек и пулеметов. Эти самолеты были вооружены четырьмя скорострельными автоматическими пушками и двумя крупнокалиберными пулеметами, несли бомбовую нагрузку до 200 килограммов. Налет вражеских самолетов был настолько неожиданным, что огонь по ним с катера открыли с опозданием.

Атаки следовали одна за другой. Командир отделения комендоров старшина 2 статьи Иван Вильховой и комендор краснофлотец Александр Антошкин, успев сделать лишь несколько выстрелов, упали, сраженные пулеметной очередью. Командир отделения радистов старшина 1 статьи Иван Нищета, увидев, как упал сраженный пулеметчик старшина 2 статьи Василий Куликов, заменил его у пулемета, но и сам вскоре был смертельно ранен. Замолчал пулемет боцмана старшины 1 статьи Ивана Иванова. На его место встал радист краснофлотец Степан Нечаев, но при очередном заходе самолетов погиб и он. Строевой старший краснофлотец Федор Семашкин вместе с дублером лейтенантом Янковским умело вели борьбу за живучесть и оказывали помощь раненым.

Катер потерял ход, возник пожар в ходовой рубке и в моторных отсеках. На ходовом мостике был тяжело ранен командир катера, которого после оказания помощи перенесли на

корму. Погибли помощник командира лейтенант Борис Сербский, сигнальщик краснофлотец Алексей Червяков, курсант военно-морского училища младший сержант Г. Басов, проходивший стажировку на катере, а также недавно прибывшие из учебного отряда молодые краснофлотцы А. Горбачев, А. Гасников, В. Сыров и В. Ярославец. Тяжело раненный командир катера временами терял сознание, но когда приходил в себя, отдавал команды по борьбе с пожаром и водой, по отражению атак самолетов.

В драматической ситуации, в которой оказался катер, оставшиеся в строю моряки действовали организованно, расчетливо и хладнокровно, каждый из них выполнял не только свои, но и обязанности вышедших из строя товарищей. Четко и быстро работали боевые санитары, оказывая помощь раненым и доставляя их на корму катера.

Команда мотористов во главе с инженер-лейтенантом Суховеевым изо всех сил пыталась ввести в строй хотя бы один из трех двигателей, но повреждения были настолько серьезные, что этого сделать им не удалось. Работе мешали пробоины и пожары, которые комендоры пытались заделать и ликвидировать. Когда моторные отсеки заполнились дымом настолько, что стало трудно дышать, Суховеев вместе с мотористами, которые были легко ранены, покинули отсеки и вышли на верхнюю палубу. Из пробитой цистерны хлынул за борт и загорелся бензин. Пока действовали пожарные помпы, моряки отчаянно пытались его потушить, но все их усилия оказались безуспешными. А вскоре и помпы вышли из строя, все огнетушители были разряжены, для тушения пожара остались только ведра да пищевые бачки. Радиопередатчик в рубке был разбит, прожектор тоже не работал, так что донести о случившемся не было возможности.

Но этот бой и критическое положение катера наблюдали береговые сигнальные посты, по докладам которых для оказания помощи неподвижному и горящему катеру из Кувшинской салмы вышли два катера — МО-111 и МО-136 под командованием капитан-лейтенанта Соломона Раскина. К моменту их подхода экипаж МО-121 продолжал настойчиво бороться с огнем, не давая ему распространиться в корму. Подошедшие катера с ходу начали тушить пожар своими средствами, но и эти действия успеха не имели. Средняя часть катера вместе с ходовым мостиком была в огне, от горящего бензина в сторону берега тянулся густой шлейф черного дыма. По приказанию командира отряда катер МО-136 старшего лейтенанта Евгения Волкова попробовал взять на буксир горящий катер и вывести его на чистую воду, но с трудом заведенный за кормовую пушку буксирный трос рвался, как только на волне катер давал ход. После этого МО-136 снял всех

раненых с МО-121, на его корме осталось несколько моряков во главе с лейтенантом Янковским.

Дым от горящего катера застилал часть горизонта и затруднял наблюдение за воздухом, чем незамедлительно воспользовались вражеские самолеты, которые под прикрытием дыма напали на катера. Над головами просвистели снаряды и пули, но на этот раз они прошли мимо и никого не задели.

Убедившись в невозможности спасти наполовину сгоревший и полузатопленный катер, капитан-лейтенант Раскин запросил у командования разрешение на его затопление. «Добро» вскоре было получено. После того, как с катера были сняты остававшиеся на нем моряки, он был расстрелян и через некоторое время затонул с развевающимся на корме Военно-морским флагом.

Потерю МО-121, двенадцати человек его экипажа тяжело переживали все катерники. 17 членов экипажа получили ранения различной тяжести. Конечно, можно высказывать сомнения в целесообразности отправки одиночного катера в полярный день без воздушного прикрытия на выполнение далеко не безопасного задания. Можно также выискивать ошибки в действиях командира катера, не сумевшего уклониться от атаки вражеских самолетов и не добившегося надежного наблюдения за воздухом при наличии большой и низкой облачности. Но в любом случае печальный исход этого боя должен был послужить уроком для последующих действий. Однако, к сожалению, должных выводов сделано не было. Мы не видели вины личного состава катера, который, не щадя своей жизни, проявил мужество и отвагу в борьбе за его живучесть.

Тяжелая утрата

Еще более трагически закончился поход катеров МО-111 и МО-123 в Мотовском заливе 21 июля 1943 года.

В тот день «морской охотник»-111 возвратился в базу после выполнения очередного боевого задания. Моряки приводили катер в порядок после похода, а часть экипажа занималась хозяйственными делами на плавбазе «Ветер» и в береговых складах. Стоял пасмурный день, небо почти полностью покрылось низкой облачностью. Штормило, но в бухте, закрытой сопками, было тихо.

Внезапно с мостика плавбазы прозвучала команда о немедленном выходе катера на новое боевое задание. Со всех сторон побежали краснофлотцы и старшины. На ходу надевая реглан, прибежал командир катера старший лейтенант Виктор Рябухин.

Заревели моторы. А с мостика плавбазы торопил с выходом начальник штаба дивизиона капитан 3 ранга С. Зюзин.

Никто, кроме командира, не знал, куда и зачем мы идем. Полностью собрать команду катера не удалось, вышли без командиров отделений рулевых и комендоров.

При выходе из Кольского залива командир сказал, что идем в Мотовский залив, и я проложил туда курс. На Кильдинском плесе к нам присоединился МО-123 под командованием лейтенанта Михаила Данилова, который до этого вместе с другими катерами производил там поиск подводных лодок. Дул сильный северо-западный ветер, поднявший крутую встречную волну, вся палуба окатывалась водой, заливало и ходовой мостик. Волнение моря достигло пяти баллов, командир был вынужден убавить ход, но катер продолжало заливать и бросать, как щепку.

При подходе к Мотовскому заливу объявили боевую тревогу, боевые расчеты заняли свои места на боевых постах. Рулевой краснофлотец Евгений Лаптев убежал к носовому орудию, где он был расписан по боевой тревоге. На руль встал помощник командира катера старший лейтенант Александр Раков.

Наконец с нескрываемой досадой командир рассказал, чем вызван внезапный выход в море двух катеров. Недалеко от губы Эйна, на южном берегу полуострова Рыбачий, группа краснофлотцев местного гарнизона собирала выброшенные на берег бревна, необходимые для хозяйственных нужд. Собранные бревна они сколачивали в плот, чтобы шлюпкой отбуксировать в Эйну. Ветром плот с двумя бойцами оторвало от берега и начало быстро относить в море. Двое других красноармейцев на шлюпке

догнали плот и сняли с него своих товарищей, но за это время их еще дальше отнесло, от берега. Четверка бойцов старалась выгрести к берегу, но преодолеть сильный встречный ветер и огромную волну не смогла. Гребцы выбились из сил, их понесло к южному берегу Мотовского залива, занятому противником. Для их спасения и были посланы два «морских охотника». Так обыкновенная небрежность, недопустимая в боевой обстановке, поставила в трудное положение и виновников, и их спасателей.

Катера подошли к середине Мотовского залива, приблизились к вражескому берегу, но шлюпки нигде не было видно. Сумела ли она выбраться к своему берегу или попала к врагу? На радиозапрос о месте шлюпки берег ответил молчанием. Командир катера решил пойти в губу Эйна, чтобы уточнить там обстановку и свои дальнейшие действия. Снова запросили берег о местонахождении шлюпки, но ответа не последовало. Несомненно, противник уже давно наблюдал за действиями катеров, но настораживало длительное отсутствие какой-либо реакции с его стороны: молчат береговые батареи, не появляются самолеты. У многих на катерах появилась надежда, что поход закончится благополучно.

Тем временем ветер не стихал. Моряки на верхней палубе промокли насквозь, но продолжали внимательно вести наблюдение за воздухом и горизонтом. И вскоре нашему спокойствию пришел конец. Зоркий сигнальщик Филипп Бойко обнаружил в разрыве облаков восемь самолетов «Фокке-Вульф-190», которые летели над южным берегом Мотовского залива. Через несколько минут они повернули в нашу сторону и, снижаясь, устремились в атаку на катера. Начался жестокий бой, продолжавшийся пятьдесят пять минут.

Самолеты с ходу, на небольшой высоте сбросили бомбы и обстреляли катера из пушек и пулеметов. Оба катера дружно открыли огонь, но при большой качке он не был эффективным. Старший лейтенант Раков, стоявший на руле, не ожидал приказаний командира, искусно уклонялся от сброшенных бомб и огненных трасс снарядов и пуль. Первая атака немцев была безуспешной, но вслед за ней последовали вторая, третья… Во время одной из атак бомба попала в моторное отделение катера МО-123 и взорвалась, катер разломился и мгновенно затонул. Из всей команды чудом спасся только комендор краснофлотец Иван Павленко.

Теперь все самолеты набросились на МО-111, который отчаянно отбивался огнем и маневром. Одна из бомб взорвалась возле борта, катер подбросило на волну, но он остался невредимым. В ходовой мостик, в рубку и корпус попало

несколько снарядов и множество пуль. Получили ранение старший лейтенант Раков и сигнальщик краснофлотец Бойко, но они остались на посту. В штурманской рубке загорелся стол с навигационными картами, которые пришлось выбросить в море, а возникший в рубке пожар вместе со мной потушил командир отделения радистов старшина 1 статьи Николай Сизов. Тяжело ранило в грудь пулеметчика старшину 1 статьи Николая Кочевенко, но он не покинул поста, пока очередная пуля не сразила его насмерть.

На какое-то время вся артиллерия катера замолкла. Пулеметчик Кочевенко был убит, в правом пулемете боцмана мичмана Виктора Метелева перекосило пулеметную ленту, пушку краснофлотца Дмитрия Чугунова заклинило, на кормовом орудии произошла осечка. А в это время очередной налет, снова разрывы бомб и снарядов. Но тут, словно по команде, заговорили оба орудия и оба пулемета. В носовую пушку попал снаряд и взорвался, от осколков погиб краснофлотец Евгений Лаптев, были ранены краснофлотцы Лебедев и Кузнецов. Чугунов был тяжело ранен в руку и обе ноги. Но никто из раненых не вышел из строя. Чугунов продолжал руководить орудийным расчетом, Лебедев, прижав разбитую кисть правой руки, заряжал пушку левой, раненный в голову Кузнецов наводил пушку на цель. У кормового орудия были ранены краснофлотцы Алексей Иванов и Виктор Васильев. От зажигательного снаряда на корме загорелся ящик со снарядами, который тут же выбросил за борт краснофлотец Николай Яценко.

В моторных отсеках шла упорная борьба за живучесть двигателей, чтобы обеспечить катеру нужный ход и маневр. Мотористы понимали, что потеря хода равносильна гибели катера, и старались изо всех сил. Снаряд, пробив палубу, разорвался в моторном отсеке и тяжело ранил старшину группы мотористов мичмана Василия Серманова, его заменил командир отделения мотористов старшина 2 статьи Василий Боровиков, раненный в голову. Был ранен и моторист краснофлотец Ефим Матвеев. Мотористы действовали уверенно и самоотверженно, быстро устраняли полученные повреждения и обеспечили бесперебойную работу всех двигателей и механизмов.

Уклоняясь от бомб и снарядов, катер упорно держал курс на губу Эйна, где под защитой береговых зенитных батарей было наше спасение. И, наконец, это удалось сделать.

Сразу, как только ошвартовались у причала, начали эвакуировать раненых в расположенный неподалеку береговой госпиталь. За ранеными прислали санитарные конные повозки. Расставание было тягостным, некоторые из моряков не хотели

покидать катер, пришлось прибегнуть к силе приказа.

Отправив раненых, с остатками экипажа мы стали приводить катер в порядок и устранять многочисленные повреждения в корпусе, механизмах, оружии.

Наступили сумерки, заморосил дождь, видимость понизилась. Такая погода благоприятствовала возвращению в базу. Но на катере осталось только два штатных моториста, да и те были легко ранены. Выход из положения был самый неожиданный: на катере оказались два юнги-моториста Ваня Ушаков и Гриша Ракитин, которых не без ведома мичмана Серманова «не успели» оставить на плавбазе перед выходом в море. Надо сказать, что на дивизионе действовало строгое правило: не брать юнг на опасные боевые задания. Как же мы обрадовались такой «оплошности»! Юнги в этом походе получили настоящее боевое крещение, оказали мотористам неоценимую помощь в обслуживании двигателей и устранении повреждений, заменяя выбывших из строя моряков. К счастью, пули и осколки миновали их.

Командир катера доложил на береговой командный пункт об обстановке, состоянии катера, боевых постов и экипажа и не без труда получил разрешение на самостоятельный переход в базу. К моторам встали юнги и блестяще справились с первой самостоятельной боевой вахтой. На руль снова встал старший лейтенант Раков. Из оставшихся в строю комендоров сколотили один орудийный расчет.

Море успокоилось. Катер прошел у места гибели МО-123, но на поверхности моря мы никого не обнаружили.

Мы благополучно дошли до Полярного. Только тогда сигнальщик краснофлотец Николай Лухманов сознался, что он тоже ранен, и его немедленно отправили в лазарет.

На причале, несмотря на позднее время, нас встретил командир ОВРа главной базы флота контр-адмирал В. И. Платонов. Он осмотрел катер, побеседовал с личным составом, а потом подробно заслушал командира о том, что произошло. В конце беседы контр-адмирал подчеркнул, что в этом неравном, смертельном поединке с вражескими самолетами весь личный состав МО-111 проявил смелость, мужество, хладнокровие и выдержку, показал мастерское владение оружием и техникой, с честью выстоял в упорной борьбе.

Только ничего адмирал не сказал о том, что решение о посылке катеров в светлое время в район активных действий вражеской авиации без собственного воздушного прикрытия было опрометчивым и ошибочным, что не было сделано должных выводов из факта гибели МО-121.

Потом мы узнали, что лодка с четырьмя бойцами по ветру выгребла в губу Вичаны, откуда и шлюпка, и краснофлотцы были доставлены в свою часть. От этого стало еще горше на душе и обидно за погибших товарищей.

Десанты в сентябре 1943 года

Командованию Северного оборонительного района стало известно, что вместо разгромленного опорного пункта «Пикшуев» немцы создали новый на высоте 215, получивший наименование «Райтер-Альм». Для уточнения состава гарнизона и его оснащения была подготовлена разведгруппа из 254-й бригады морской пехоты, которую возглавил лейтенант Мандриков.

В полночь 5 сентября катера МО-132 старшего лейтенанта Бориса Ляха и МО-122 старшего лейтенанта Леонида Новоспасского скрытно высадили разведчиков в районе мыса Пикшуев. Всю ночь они двигались вдоль побережья Мотовского залива, но так и не встретили ни ночные дозоры, ни сторожевое охранение противника. Впоследствии выяснилось, что немцы в этом районе отодвинули линию обороны на 8 километров от береговой черты, а удобные места для высадки десанта и возможные пути его продвижения заминировали. Так и не выполнив задания по захвату пленных, разведчики вернулись к месту посадки на катера.

Отсутствие уточненных данных о новом опорном пункте противника не изменило намерений нашего командования по его уничтожению. Для решения этой задачи в спешном порядке сколотили десант, в который вошли: рота автоматчиков, взвод разведки из 254-й бригады морской пехоты и разведотряд штаба СОР. Возглавил десант командир батальона капитан Кащенко, который ранее не командовал десантным отрядом. 11 сентября этот отряд сосредоточился в губе Эйна, куда пришли «морские охотники» под командованием командира отряда катеров капитан-лейтенанта Сергея Демидова.

В ночь на 12 сентября катера быстро и скрытно высадили десантников в назначенном месте. В начале движения десантники нарвались на минное поле, и от взрыва нескольких мин погибли 9 человек, а 15 получили ранения различной тяжести. Капитан Кащенко посчитал, что внезапность, на которой строился весь замысел действий десанта, потеряна, и, забрав убитых и раненых, возвратился к месту посадки на катера, где и занял оборону. И лишь разведчики штаба СОР под командованием старшего лейтенанта Барченко-Емельянова сумели добраться до опорного пункта «Райтер-Альм» и детально его разведать.

На рассвете разведчики присоединились к отряду капитана Кащенко, который намеревался, скрытно переждав за камнями светлое время суток, с наступлением темноты продолжить выполнение поставленной задачи. Но незадолго до ожидаемой

темноты немцы все же обнаружили десантный отряд, несмотря на строгое соблюдение мер скрытности и маскировки, и открыли по нему артиллерийский и минометный огонь. По данным корпоста, высаженного вместе с десантом, наши береговые батареи с полуострова Рыбачий сумели подавить огневые точки противника. В этой обстановке было принято решение о снятии десанта с вражеского побережья.

Снимали десантников с берега те же «морские охотники», которые его высаживали. Первыми подошли МО-113 и МО-132, а через час к ним присоединились МО-114, МО-122 и МО-131. Когда десантники были посажены на катера, которые направились в губу Эйна, командир отряда капитан-лейтенант Демидов, который шел на МО-131 старшего лейтенанта Федулаева, решил осмотреть побережье в районе пунктов высадки и посадки. Как оказалось, это было сделано не напрасно: вскоре на берегу была обнаружена группа разведчиков, которую приняли на катер.

После выгрузки десантников в губе Эйна и проверки их наличия выяснилось, что на вражеском берегу остался кор-пост из трех человек. Через сутки, в ночь на 14 сентября, на их поиск были посланы МО-111 старшего лейтенанта Виктора Рябухина и МО-114 лейтенанта Валентина Голубева. Они быстро обнаружили корректировщиков по передаваемым ими условным световым сигналам и сняли их с берега.

Неудачные действия десанта, возглавляемого капитаном Кащенко, не изменили ранее принятого решения о нападении на опорный пункт «Райтер-Альм». Начальник штаба СОР капитан 1 ранга Д. Туз предложил новый план разгрома опорного пункта, который утвердил командующий СОР генерал-лейтенант С. Кабанов. На этот раз командиром десанта был назначен командир разведотряда штаба СОР старший лейтенант Барченко-Емельянов, хорошо знавший район предстоящих действий и имевший большой опыт руководства разведывательно-диверсионными десантами. Разведотряд штаба СОР, насчитывающий 113 человек, был усилен отделением саперов и взводом разведчиков штаба флота.

Для высадки десанта были выделены «морские охотники» МО-114, МО-131 и МО-132 под руководством командира отряда капитан-лейтенанта Соломона Раскина. Катера приняли в губе Эйна 138 десантников и в ночь на 25 сентября подошли к пункту высадки в районе мыса Пикшуев.

Погода испортилась, усилился северо-западный ветер и волнение моря, но это не остановило катерников. Один за другим катера приткнулись к берегу, выбросили на него десантные

трапы, по которым быстро сбежали на берег все десантники. Как и было задумано, десант достиг без помех бывший опорный пункт «Пикшуев» и занял там оборону.

Разделившись на три группы, десантники двинулись разными маршрутами к опорному пункту «Райтер-Альм», но дойти им скрытно до него не удалось. Одна из групп разведчиков неожиданно встретила вражеский патруль. Завязалась перестрелка. На помощь своему патрулю из опорного пункта вышел отряд численностью около 50 человек, который начал преследовать разведгруппу, отходящую к основному отряду. Заманив этот отряд в ловушку, наши десантники окружили его и почти полностью уничтожили. В этом бою отличились младший сержант Ковтюшенко и краснофлотец Мелентьев.

Во второй половине дня немцы бросили в бой до 80 человек с опорного пункта «Райтер-Альм» и до 100 человек с опорного пункта «Обергоф». Тяжелый бой длился до наступления темноты. Десантники отбили все атаки врага. К полуночи катера МО-114, МО-131 и МО-132 подошли к району расположения десанта, и, несмотря на противодействие со стороны противника, ведущего обстрел района посадки артиллерией и минометами, десантники в полном составе были приняты на катера и доставлены в губу Эйна.

Действия в этих операциях были тщательно изучены и разобраны с их участниками. Хотя десанту не удалось выполнить полностью поставленную задачу по разгрому опорного пункта «Райтер-Альм», было отмечено, что во всех боевых столкновениях с противником десантники и катерники действовали смело и решительно.

Минные постановки

В годы войны «морские охотники» Северного флота широко привлекались к минным постановкам на фарватерах и на подходах к портам и базам противника в Варангер-фьорде.

Североморцы переняли опыт балтийцев, впервые использовавших катера для выполнения этой задачи. В короткий срок были изготовлены съемные минные скаты, которые устанавливались на корме катеров вместо стеллажей больших глубинных бомб и дымовых шашек. На каждый минный скат, а их на катере было два, принималась одна большая морская мина КБ-3 или один глубоководный минный защитник ГМЗ. Мина КБ-3 была грозным оружием для вражеских кораблей и судов. Она несла мощный заряд тротила — 250 килограммов. Общий вес мины с якорным устройством составлял 1.025 килограммов. Габариты и вес минного защитника были такими же, как и у мины. Минные постановки производились группами «морских охотников» под прикрытием двух-трех торпедных катеров типа Д-3. Обычно в состав группы входило три «морских охотника», и лишь дважды в группе было шесть катеров.

Выходы катеров на минные постановки осуществлялись с наступлением полярной ночи, при волнении моря до трех баллов, зачастую во время снегопада и при плохой видимости. Перед каждым походом на катерах проводилась тщательная предпоходовая подготовка. Устанавливались и надежно крепились минные скаты, принимались полные запасы топлива и боеприпасов. Корпуса катеров окрашивались в специальный маскирующий цвет, делая их менее заметными для береговых прожекторов противника. После приемки мин заново уничтожалась и определялась девиация магнитного компаса, а на мерной линии в Кольском заливе замерялась скорость катеров при различных оборотах моторов. Помощники командиров, исполняющие обязанности штурманов, делали и сверяли предварительную навигационную прокладку. Все это обеспечивало точность выхода катеров в назначенное место постановки мин. Мины предварительно готовили опытные специалисты минно-торпедного отдела флота на блокшиве «Пушкин» в губе Оленья, а окончательная подготовка мин перед их постановкой проводилась минерами катеров под руководством и контролем отрядных минеров, среди которых особенно отличались и всегда участвовали в походах главные старшины Семен Дробот и Николай Яковлев.

Первый выход на минную постановку совершили два

«морских охотника» под командованием командира звена старшего лейтенанта Владимира Гущина 8 декабря 1941 года. Тогда была выставлена минная банка из четырех мин на подходах к заливу Петсамовуоно. А последнюю минную постановку осуществили три «морских охотника» под командованием командира отряда капитан-лейтенанта Сергея Демидова, которые 28 января 1944 года выставили шесть мин на фарватере в районе мыса Лиле-Эккерей. Всего за войну «морские охотники» поставили 26 минных банок (202 мины и 5 минных защитников), на которых, по уточненным послевоенным данным, подорвались и затонули три сторожевых корабля и один транспорт противника. Эти минные банки в значительной мере затруднили плавание кораблям и транспортам противника в Варангер-фьорде и держали в напряжении его тральные силы.

Мне неоднократно приходилось участвовать в минных постановках в должности помощника командира катера. Пожалуй, ни в одном виде боевых действий личный состав «морских охотников» не испытывал такого большого нервного напряжения, как во время походов на минные постановки. Ведь в любую минуту из мглы и темноты могли появиться вражеские корабли, встреча с которыми не сулила ничего хорошего. Катера могли быть обнаружены вражескими береговыми постами наблюдения и обстреляны береговыми батареями. Все это требовало строжайшего соблюдения мер скрытности и маскировки. Катера шли с заморбличенными ходовыми огнями. Чтобы заглушить шум работающих моторов, при входе в район, контролируемый противником, на катерах включался подводный выхлоп конструкции инженера Шатерникова.

Поход «морских охотников» на минную постановку в зависимости от назначенного района действий длился 12–15 часов. Точность следования катеров по маршруту перехода от Кольского залива до места постановки мин возлагалась на головной катер, на котором, как правило, находились один из командиров отрядов, дивизионный штурман старший лейтенант Николай Сударев и дивизионный минер старший лейтенант Трофим Молотов. Иногда в таких походах участвовали артиллерист дивизиона старший лейтенант Исаак Ярусский и связист старший лейтенант Анатолий Кузин.

Обойдя полуостров Рыбачий, катерники последний раз определяли место по береговым навигационным знакам и мысам, после они ложились на курс, ведущий в район постановки мин, и контролировали курс по счислению. На руле с этого момента стояли только командиры отделений рулевых, отвечающие за точность удержания катеров на заданном курсе. На катерах

объявлялась боевая готовность номер один. Весь личный состав занимал места по боевому расписанию. Устанавливалось полное молчание, команды отдавались тихим голосом, исключалось ненужное хождение, люки задраивались, строго соблюдалась светомаскировка, радиовахта неслась только на прием. Все моряки с напряженным вниманием ждали того момента, когда катера придут в район минной постановки, построятся на боевом курсе в строй уступа и прозвучат долгожданные команды: сначала «Пошла левая!», а затем — «Пошла правая!». Работами на корме при постановке мин руководили помощники командиров и боцманы катеров.

Несмотря на то, что перед выходом катеров из пункта базирования тщательно изучался прогноз погоды, она не всегда оказывалась благоприятной. Иногда резко ухудшалась во время перехода, и по этой причине катера пять раз возвращались в базу, не выполнив задания. Большинство выходов катеров на минные постановки заканчивалось успешно, без противодействия со стороны противника, и только дважды они возвращались в базу из-за обнаружения кораблей противника по маршруту перехода. Как правило, не было поломок и выхода из строя материальной части.

Но однажды случилась неприятность. Это произошло в ночь с 3 на 4 февраля 1943 года во время похода на минную постановку «морских охотников» МО-123 и МО-125 под командованием командира звена старшего лейтенанта Владимира Гущина.

Когда катера вошли в Варангер-фьорд и легли на курс, ведущий к порту Вардё, заметно начала ухудшаться погода, а при подходе к району постановки волнение моря достигло пяти баллов. Это было веским основанием для отказа от постановки мин и возвращения в базу. Однако Гущин, невзирая на штормовую погоду, решил продолжать выполнение поставленной задачи. Переход «морских охотников» прикрывали два торпедных катера. Но на одном из них вышли из строя один мотор и компас, оба они от м. Вайтолаяти возвратились в базу. Достигнув назначенного района постановки мин, «морские охотники» легли на боевой курс, построились в строй уступа, все ждали команду старшего о начале постановки.

Но произошло непредвиденное. МО-125 так сильно тряхнуло на волне, что обе мины вылетели за борт, а вместе с ними за бортом оказались боцман старшина 1 статьи Иван Дюкарев и минер краснофлотец Василий Львов. Командир катера старший лейтенант Ефрем Мальханов немедля уменьшил ход и направил катер к плавающим морякам. Быстро выбросили им спасательные круги, за которые те ухватились. Довольно быстро подняли на

борт краснофлотца Львова. Старшине 1 статьи Дюкареву подали отпорный крюк, с помощью его подтянули к борту. Но в этот момент большая волна сильно подбросила катер, и старшину ударило головой о борт. Очевидно, он потерял сознание, выпустил из рук отпорный крюк и тут же погрузился в воду. Оба катера еще долго искали утонувшего моряка в надежде, что его труп всплывет. Но этого не случилось. Так погиб в водах Варангер-фьорда замечательный моряк старшина 1 статьи Иван Дюкарев. На катерах остро переживали гибель товарища. В скорбном молчании, с наполовину приспущенными флагами катера возвратились в базу.

В этих напряженных и утомительных боевых действиях, какими были минные постановки в водах противника, экипажи «морских охотников» проявили выдержку и хладнокровие, выносливость и настойчивость, мужество и стойкость, высокое мастерство и морскую выучку — лучшие качества, присущие русским морякам.

Ремонтные заботы

До войны дивизион «морских охотников» Северного флота не имел ни постоянного места базирования, ни собственной ремонтной базы. Ремонт корпусов катеров, их механизмов и вооружения проводился в различных ремонтных мастерских и на судоремонтных предприятиях флота, гражданского пароходства и тралового флота. Особенно трудоемким был ремонт корпусов катеров. Трехслойные сосновые корпуса намокали в соленой воде, что утяжеляло их и снижало скорость хода. Приходилось периодически поднимать катера на стенку для просушки и очистки подводной части от ракушек. Эта работа проводилась в Мурманском торговом порту и занимала много времени.

Во время войны напряженность в боевом использовании катеров значительно возросла. Участились случаи различных боевых повреждений. Ремонт катеров в Мурманске стал небезопасным из-за непрерывных бомбежек города и порта немецкими самолетами. Было несколько случаев, когда бомбы падали и взрывались в непосредственной близости от катеров, стоявших на стенке. Назрела насущная необходимость в незамедлительном создании для «морских охотников» собственной комплексной ремонтной базы.

За решение этой трудной задачи взялись флагманский механик ОВРа инженер-капитан 2 ранга М. Захаревич и механик дивизиона «морских охотников» инженер-капитан 3 ранга А. Рихтер. Захаревич пользовался репутацией деятельного и опытного механика. Он приложил немало усилий к обучению и подготовке личного состава кораблей ОВРа к действиям в экстремальных условиях. С присущей ему энергией он возглавил работы по сооружению ремонтных мастерских в Кувшинской салме, ставшей с началом войны постоянным пунктом базирования «морских охотников». В первую очередь было решено создать мастерскую по переборке и ремонту моторов. Для нее Захаревич «отвоевал» береговые помещения, «добыл» необходимые запчасти и станочное оборудование. Одновременно началась подготовка к строительству слипа для подъема катеров и эллинга для их ремонта. Захаревич сумел получить у железнодорожников рельсы и шпалы, а в инженерном отделе флота — цемент и другие строительные материалы.

Непосредственное руководство строительством ремонтной базы осуществлял Андрей Александрович Рихтер. До войны он работал научным сотрудником в научно-исследовательском институте военного кораблестроения в Ленинграде. Когда на

страну нагрянула беда, он стал настойчиво проситься на действующий флот, и его просьбу удовлетворили, направив в Беломорскую флотилию. «Тихая служба» в Архангельске не устраивала Рихтера, и он стал добиваться перевода «поближе к войне». Так он стал механиком дивизиона истребителей подводных лодок, как тогда назывался дивизион «морских охотников». Обладая глубокими техническими познаниями и недюжинными организаторскими способностями, высокой требовательностью и трудолюбием, Рихтер с первых дней пребывания на дивизионе сумел заставить весь личный состав детально изучать устройство катеров, систем и механизмов, а также уметь устранять повреждения и поломки своими силами.

Рихтер со знанием дела руководил строительством ремонтных мастерских. В короткий срок он произвел тщательные расчеты и отработал необходимую техническую документацию. Вместе с Захаревичем он скрупулезно подбирал специалистов для будущего цеха по ремонту и переборке моторов. Как-то Захаревич во время поездки в Мурманск увидел на улице отряд моряков-добровольцев, убывающих на сухопутный фронт, среди которых он узнал опытных и знающих мотористов с «морских охотников» — старшин 2 статьи Салтыкова, Зайкова и Голубева. Захаревичу удалось уговорить их вернуться на дивизион и заняться ремонтом моторов, убедив, что они здесь принесут больше пользы в достижении победы над врагом. Захаревич не ошибся. Эта троица старшин явилась костяком коллектива мастерской по ремонту и переборке моторов, а старшина И. Салтыков был ее начальником до конца войны. С созданием этой мастерской отпала необходимость отправки моторов для ремонта на московский авиамоторный завод. На первых порах мастерская ремонтировала по 8-10 моторов, а уже через полгода — по 16–18 моторов в месяц. И это полностью обеспечивало потребность катеров в ремонте.

Ударными темпами шло строительство слипа. Здесь «главным строителем» был боцман береговой базы мичман Попов. Он умело и продуктивно руководил умельцами, найденными на катерах, а также моряками, отбывающими наказание за разные провинности на гауптвахте. Рихтер в конце каждого дня заслушивал Салтыкова и Попова о ходе стройки, давал задание на следующий день, лично контролировал качество проделанной работы.

В установленный срок были построены две линии слиповых дорожек длиной 150 метров каждая, при этом для надежности и дублирования рельсы были уложены не в два, а в три ряда. Удачно сконструировали и изготовили две платформы-тележки с

закрепленными на них кильблоками и высокими стойками для фиксации положения тележки в подводном положении. Для вытягивания тележки с заведенным на нее катером приспособили где-то найденный допотопный ворот-шпиль, который вращали 12 крепких моряков. Весь цикл операции по подъему катера на слип состоял в следующем: во время полного отлива платформа-тележка спускается по рельсам в нижнее положение. В полную воду на нее заводится катер, который во время отлива садится на кильблоки, после чего тележка постепенно поднимается в эллинг с помощью ворота.

После многократных испытаний наступил долгожданный день первого подъема катера. Им оказался МО-111 старшего лейтенанта Виктора Рябухина. На берегу посмотреть на это зрелище собрался почти весь личный состав береговой базы и мастерских, катеров, находящихся в бухте. Это был своеобразный праздник, венчавший большой труд моряков. Весельчак Рябухин, забравшийся на мостик своего катера, в конце успешного подъема прокричал «Ура!» и бросил вверх свою просоленную «фуру». Его поддержали дружными возгласами все присутствующие при подъеме.

В последующем подобные операции стали обыденным явлением и уже не вызывали особых эмоций.

Расчеты и чертежи, по которым строилось подъемное устройство, были сделаны с солидным запасом, что позволило с появлением на флоте «больших охотников» американской постройки поднимать и их на слип. До конца войны было произведено свыше 1.200 подъемов катеров, при этом не произошло ни единой аварии.

Ремонтные мастерские для «морских охотников» по мере их эксплуатации оснащались новым оборудованием. С разбитого немецкой авиацией тральщика сняли лебедку с электромотором и приспособили вместо примитивного ворота-шпиля. Было отработано и отлажено расписание по подъему катеров и инструкции с подробным изложением действий всех, кто участвовал в работе. Более стройной стала организационная структура единой ремонтной мастерской, в которую включили все цеха по ремонту катеров и их механизмов. Под руководством энергичного и деятельного начальника мастерской старшины И. Салтыкова заработал дружный и работоспособный коллектив, обеспечивавший всесторонний ремонт катеров.

Создание собственной ремонтной базы в значительной мере повысило боеготовность и боеспособность «морских охотников».

Десанты в марте 1944 года

Командование Северного оборонительного района решило организовать высадку сразу двух разведывательно-диверсионных десантов в ночь с 5 на 6 марта. Один на вражеское побережье в Мотовском заливе, другой — на южное побережье залива Миттивуоно (Малая Волоковая).

Десант в Мотовском заливе по первоначальному замыслу имел задачу уточнить систему обороны опорного пункта «Обергоф» и захвата пленных. В десант был назначен разведотряд 254-й бригады морской пехоты в количестве 104 человек под командованием капитана Барболина. Разведчики по топографической карте детально изучили маршруты движения и подходы к опорному пункту, а также прежние разведданные о нем. Подробный инструктаж с разбором действий предыдущих таких десантов сделали командир бригады подполковник Потапов и начальник политотдела подполковник Нелидин.

Для высадки десанта были назначены «морские охотники» МО-122, МО-133 и МО-136 под командованием командира отряда катеров капитан-лейтенанта Сергея Демидова. Катера к исходу 5 марта прибыли в губу Эйна, где их уже ожидали разведчики. Посадка десантников на катера прошла организованно и быстро. После полуночи они отошли от причала и в кильватерном строю с соблюдением мер скрытности направились к месту высадки в районе мыса Пикшуев.

Стояла кромешная тьма. На самом малом ходу катера строем фронта приближались к вражескому берегу. Там было тихо. Личный состав стоял на боевых постах в полной готовности к немедленным действиям в случае обнаружения катеров противником. Десантники находились в кубриках в готовности к выходу наверх. Первым приткнулся к берегу МО-122 старшего лейтенанта Леонида Новоспасского. Краснофлотцы под командой боцмана старшины 1 статьи Николая Порошкова без промедления «выстрелили» десантный трап на берег и закрепили его на форштевне. В считанные минуты разведчики сбежали на берег и скрылись в темноте. Так же быстро высадили своих десантников МО-133 старшего лейтенанта Михаила Артамонова и МО-136 лейтенанта Ивана Штанько.

После сбора на берегу и короткой передышки десант начал движение по избранному маршруту. Предстояло пройти восьмикилометровый путь, преодолевая нагромождение камней и валунов, крутые подъемы и спуски. Вскоре была обнаружена протоптанная тропа, по которой, по всей вероятности, ходили

немецкие сторожевые дозоры. Капитан Барболин решил устроить засаду в надежде захватить здесь пленных. Но немцы не появились до самого утра, а разведотряд до рассвета возвратился к мысу Пикшуев, где укрылся, чтобы переждать светлое время, а с наступлением темноты возобновить выполнение поставленной задачи. К этому времени для усиления десанта катер МО-112 старшего лейтенанта Евгения Набоких доставил еще один взвод разведчиков численностью 36 человек под командованием лейтенанта Змиева.

В штабе СОР тем временем решили возложить на капитана Барболина задачу не просто разведать опорный пункт «Обергоф», но и уничтожить его силами десанта, усиленного разведотрядом штаба СОР. Это заманчивое, но явно скоропалительное предложение нашло поддержку у командования СОР и было им утверждено. Срочно было дано приказание о подготовке к десантированию разведотряда штаба СОР под командованием капитана Барченко-Емельянова. Капитану Барболину была отправлена шифротелеграмма с постановкой новой задачи.

С наступлением темноты капитан Барболин направил разведвзвод лейтенанта Змиева в самостоятельный поиск, а вслед за ним по направлению к опорному пункту двинулся весь отряд. Вскоре Барболин получил из штаба СОР шифротелеграмму, в которой раскодировали только первую половину, где было приказание о разгроме опорного пункта. Вторая половина, в которой говорилось о посылке подкрепления, раскодированию не поддалась. Но памятуя, что выходить в эфир ему разрешалось только после обнаружения отряда противником, Барболин перезапрашивать штаб СОР не стал.

Отряду удалось незамеченным приблизиться к опорному пункту «Обергоф». Были обнаружены минные поля, прикрытые тремя рядами проволочных заграждений. Саперы проделали проходы в двух рядах этих заграждений, но когда начали работать на третьем, то были обнаружены и обстреляны часовыми. Капитан Барболин тут же дал сигнал к атаке опорного пункта.

Первым ворвался в траншею немцев командир роты разведки капитан Ялорщук с тремя краснофлотцами. Завязался упорный бой. Несмотря на отчаянное сопротивление, разведчики захватили траншею и дзот, где уничтожили более десяти солдат противника. Разведчики сражались, не щадя своей жизни. Краснофлотец Кузнецов в разгар боя был тяжело ранен в обе ноги, но от помощи отказался, заявив: «Помогайте другим, а я сам доберусь». Краснофлотец Губин, также будучи тяжело ранен, призывал своих товарищей идти быстрее вперед.

Бой продолжался более часа. Разведчики потеряли семь человек убитыми и столько же было тяжело ранено. Сил для разгрома опорного пункта явно недоставало, да и боеприпасы были на исходе. Реально оценив сложившуюся обстановку, капитан Барболин дал сигнал к отходу.

Разведотряд капитана Барченко-Емельянова численностью ПО человек был высажен в полночь 7 марта, когда отряд капитана Барболина вел затяжной бой в опорном пункте. После скрытной высадки с тех же «морских охотников» десант сразу направился к опорному пункту. Оба отряда встретились на полпути к «Обергофу». Капитан Барболин был удивлен встречей, так как не знал о идущем ему на помощь подкреплении. Эти отряды вместе возвратились к месту посадки на катера в районе мыса Пикшуев, куда к утру после безрезультатного поиска противника пришел и разведдзвод лейтенанта Змиева.

На рассвете «морские охотники» МО-122, МО-133 и МО-136 и один мотобот сняли десантников с берега. К всеобщему удивлению немцы не оказали ощутимого противодействия при посадке десанта на катера, ведя вялый и бесприцельный минометный огонь.

По прибытии в бухту Озерко выяснилось, что на берегу осталось пять разведчиков. В следующую ночь на их поиск был послан МО-136 лейтенанта Ивана Штанько, который обнаружил разведчиков в трех милях к западу от мыса Пикшуев и принял их на борт.

В дальнейшем, до конца военных действий в Заполярье, попыток по разгрому опорных пунктов на побережье Мотовского залива не предпринималось. «Морские охотники» в марте еще дважды (15 и 26 марта) высаживали разведотряд капитана Барченко-Емельянова в районе мыса Пикшуев с задачей взять «языков». Но в обоих случаях разведчикам, скрытно и без помех высаженным «морскими охотниками», захватить пленных не удалось.

Десанту, высаживаемому в заливе Миттивуоно, была поставлена более конкретная и четкая задача: разгромить вражеский опорный пункт и захватить пленных. Для выполнения этой задачи была выделена разведрота 12-й бригады морской пехоты численностью 101 человек под командованием капитана Николая Никитина. Разведчики с помощью оптических средств несколько суток вели наблюдение за выбранным для нападения опорным пунктом, расположенным на господствующей высоте в 2,5 километрах от уреза воды. Расчеты показали, что потребуется больше часа, чтобы после высадки добраться до опорного пункта по сильно пересеченной гористой местности с соблюдением

строжайших мер маскировки и осторожности.

Для высадки десанта были выделены катера МО-111 старшего лейтенанта Виктора Рябухина и МО-114 старшего лейтенанта Владимира Стреленко. Командиром высадки был назначен старший лейтенант Борис Лях, как наиболее опытный в десантных действиях и ранее руководивший высадкой десанта в этом районе.

5 марта катера перешли из Кольского залива в бухту Пумманки на полуострове Средний. Лях и командиры катеров обсудили с капитаном Никитиным план высадки и действий десанта на берегу. Они решили высадку произвести в час ночи, полагая, что именно в ночное время можно рассчитывать на наибольшую внезапность. Однако выйти в море в ту ночь не удалось из-за резко ухудшившейся погоды. Северный ветер усилился до штормового и продолжался два дня. За время вынужденной передышки катерники и разведчики ближе познакомились друг с другом, поделились опытом подобных действий. Было проведено несколько тренировок по посадке разведчиков на катера и высадке на необорудованное побережье.

С улучшением погоды в ночь с 7 на 8 марта катера с десантом вышли к пункту высадки, который был избран как можно ближе к расположению опорного пункта, в небольшой бухточке Хаккалахти. На переходе строго соблюдались меры скрытности и маскировки: команды отдавались шепотом, радиовахта неслась только на прием, закрыли все источники света, для уменьшения слышимости работающих моторов включили подводный выхлоп.

Подойдя строем фронта на малом ходу, катера форштевнями приткнулись к берегу. На берег, не медля, спрыгнули по два моряка, которые приняли и установили десантные трапы. Десантники быстро сбежали по трапам с катеров, которые отошли к северному берегу залива и легли в дрейф.

Установилась томительная напряженная гробовая тишина. Моряки на катерах стояли на боевых постах в немедленной готовности к запуску двигателей и применению оружия. Все, кто находился на верхней палубе и ходовом мостике, зорко наблюдали за морем и берегом. Командир отделения радистов старшина 1 статьи Николай Сизов нес приемную радиовахту с высаженным десантом и береговым командным пунктом. Так прошло почти два часа.

Как и планировалось, десант после высадки на берег разделился на две группы. Одна в количестве 44 разведчиков под командованием лейтенанта Колосова была оставлена для охраны пункта высадки, обеспечения отхода штурмовой группы и обратной посадки на катера. Эта группа обнаружила еле

заметную в темноте тропу, двигаясь по которой, вероятно, пешие немецкие дозоры осматривали береговую черту залива, а также телефонный провод, тянувшийся рядом с тропой. Разведчики перерезали провод, а в обе стороны от пункта высадки-посадки выдвинули засады по три разведчика в каждой.

Штурмовая группа в количестве 57 разведчиков во главе с капитаном Никитиным двинулась к опорному пункту, преодолевая нагромождения камней, многочисленные подъемы и спуски на скалистой местности.

Как и было намечено, эта группа чуть более чем через час после высадки незаметно приблизилась к опорному пункту, сделала проходы в проволочных заграждениях и ползком перебралась к обнаруженным землянкам. Когда до них оставалось около 50 метров, часовые противника обнаружили разведчиков и открыли огонь из автоматов. Капитан Никитин тут же дал сигнал к атаке, и, не дав немцам опомниться, разведчики сняли часовых и ворвались в землянки, забросали их гранатами, расстреливая выбегавших оттуда автоматным огнем.

Бой был скоротечным, в стремительной схватке опорный пункт был разгромлен за несколько минут. Восемнадцать немецких солдат было убито, шестеро взято в плен, и только нескольким немцам удалось убежать и скрыться в сопках.

После этого разведчики взорвали остальные сооружения опорного пункта и, захватив богатые трофеи (автоматы, пулеметы, стереотрубы, радиоаппаратуру, телефонные аппараты и документацию опорного пункта), направились в пункт посадки на катера. Приволокли и шестерых немецких егерей. Никто из разведчиков серьезно не пострадал. Только несколько человек получили легкие ранения и небольшие травмы.

В разгроме опорного пункта все разведчики действовали смело и решительно. Особенно отличились командиры взводов лейтенанты Жеваченко и Пономарев, командир группы захвата пленных старшина Мартынов, а также старшие сержанты Кириллов и Привалов, санинструктор Зинаида Николаенко. Блестяще провел действия по разгрому опорного пункта командир роты разведчиков капитан Никитин.

На катерах услышали автоматную стрельбу и взрывы гранат в расположении опорного пункта, длившиеся всего несколько минут. Затем наступила тишина, а вскоре поступил по радио сигнал от капитана Никитина о возвращении штурмовой группы. По команде старшего лейтенанта Ляха головной катер МО-111, а вслед за ним и МО-114 подошли к берегу, поставили трапы и приготовились к встрече десантников. Через полчаса они появились с радостными лицами. Ведь это был самый удачный

десант, без единой потери и с блестяще выполненной задачей.

Закончив посадку, которая прошла быстрее, чем высадка, катера отошли от берега и направились в Пумманки. И в это время, как по команде, ожило все побережье противника. В небо взвились ракеты и осветительные снаряды. Зажглись прожекторы береговых батарей, освещая прибрежную полосу, они быстро нащупали отходящие полным ходом катера с десантом. Береговые батареи противника с мыса Ристиниеми и мыса Нумирониеми открыли по катерам огонь.

На МО-114 находился обеспечивающий первый выход только недавно назначенного командира катера на ответственное боевое задание командир отряда капитан-лейтенант Сергей Демидов. По его приказанию МО-114 вышел из строя и поставил дымовую завесу, прикрывающую катер МО-111 от прожекторов и прицельного огня береговых батарей. Закончив постановку дым-завесы, МО-114 скрылся за ней. А в это время МО-111 начал ставить такую же дымовую завесу. Так, попеременно прикрывая дымзавесами друг друга, катера вышли из зоны досягаемости береговых батарей противника.

Как только немецкие батареи открыли огонь по катерам, заговорили наши батареи с полуострова Средний, чем в значительной мере облегчили отход катеров. Контрбатарейная стрельба продолжалась до тех пор, пока катера не прошли Айновские острова.

Так закончилась эта удачная высадка разведывательно-диверсионного десанта, в которой и катерники, и десантники проявили мужество, смелость, решительность и отвагу.

Плавбаза «Ветер»

С началом войны личный состав дивизиона «морских охотников» базировался в Кувшинской салме и размещался на небольшой плавбазе «Маяк» и в береговой казарме в стесненных условиях, а экипажи катеров, находящихся в готовности к выходу в море, оставались на катерах, отапливаемых паром с плавбазы. Отсутствие необходимых бытовых условий негативно сказывалось на здоровье личного состава.

В марте 1942 года командиром дивизиона истребителей подводных лодок (так тогда именовался дивизион «морских охотников») был назначен капитан 1 ранга А. М. Спиридонов (он заменил капитан-лейтенанта В. Вальчука). Новый энергичный и опытный комдив добился передачи дивизиону плавбазы «Ветер», на которой до этого размещался штаб бригады сторожевых кораблей.

Плавбаза «Ветер» — это бывший торгово-пассажирский теплоход «Кооперация», построенный в 1929 году на судостроительной верфи в Ленинграде. До войны теплоход совершал регулярные рейсы на линии Ленинград-Гавр-Лондон. В финскую кампанию «Кооперация» была мобилизована и включена в состав Северного флота в качестве сторожевого корабля. Ей дали имя «Ветер». Из вооружения на нем были установлены старые малоподвижные системы «Лендер» (за неимением лучших и поновее) и несколько крупнокалиберных пулеметов.

После передачи в дивизион «морских охотников» «Ветер» стал плавбазой и оставался ею до конца войны. На этом довольно крупном теплоходе водоизмещением около 5.000 тонн, с удобными каютами, музыкальным и курительным салонами, большой и красивой кают-компанией все располагало к полноценному отдыху после изнурительных и тяжелых походов в море.

Часть личного состава «морских охотников» решено было разместить в грузовом трюме плавбазы, для переоборудования которого создали специальную бригаду. Всеми работами руководил помощник командира плавбазы старший лейтенант Дмитрий Миргородский. Этой бригаде охотно помогали все свободные от вахт и выходов в море. Несмотря на нехватку материалов и инструмента, переоборудование трюма в удобные жилые кубрики с двухъярусными койками шло успешно и было завершено до наступления осенних холодов. Удачно была решена проблема отопления кубриков. Под руководством дивизионного механика инженер-капитана 3 ранга А. Рихтера

судовую рефрижераторную систему переоборудовали в отопительную. Моряки работали с большим энтузиазмом, инициативой и выдумкой. А когда состоялось новоселье, то это был настоящий праздник. Теперь у моряков было свое теплое и уютное жилье.

В ту пору, когда мне посчастливилось жить на плавбазе, ее командиром был капитан-лейтенант Савва Осипович Сычев — пятидесятилетний моряк, в прошлом капитан дальнего плавания, избороздивший все моря и океаны. Это был рослый и крупный мужчина, обладавший крепким здоровьем, добродушным и покладистым характером. Большая голова с пышной полуседой шевелюрой и вечно загорелым лицом придавали его массивной фигуре величественный вид. Он был замечательным хозяином своего корабля, по-отечески заботился о «мухобоях» — так он любовно окрестил катерников, создавал им максимум удобств. Весь личный состав «морских охотников» с любовью и почтением относился к нему, называя его «морским волком» или «нашим Саввой».

Как ни маскировались стоянки «Ветра» на рейдах и в бухтах, не удалось избежать нападений вражеских самолетов. Первый раз это случилось 15 августа 1941 года, когда СКР «Ветер» стоял на Мурманском рейде.

В тот день город, порт и суда на рейде подверглись ожесточенным массированным атакам немецкой авиации. На «Ветер» налетели сразу восемь бомбардировщиков, они сбросили шестнадцать бомб, одна из которых попала во второй трюм по левому борту, куда хлынула вода. Вслед за первой атакой последовала вторая. От разорвавшейся вблизи бомбы разошлись швы в районе четвертого трюма, через которые тоже стала поступать вода. Аварийная партия завела пластырь на пробоины, но полностью остановить поступление забортной воды в трюмы не удалось. Комендоры и пулеметчики корабля своевременно открыли огонь по атакующим самолетам, но добиться успеха не смогли. После заделки пробоины, откачки воды из трюма «Ветер» был поставлен в док, где были устранены полученные повреждения.

Еще одна схватка с воздушным противником произошла 6 октября 1943 года, когда плавбаза «Ветер» стояла у причала в Кувшинской салме. В полдень, когда личный состав находился на обеде, внезапно из-за сопок на высоте около двух тысяч метров вынырнули три самолета «Фокке-Вульф-190». Две бомбы упали у борта плавбазы и взорвались, не причинив вреда, а третья попала в плавбазу «Маяк», стоявшую рядом, но она осталась на плаву. Налет вражеских самолетов был настолько внезапным, что ни

береговые, ни корабельные средства не успели сделать ни единого выстрела. Через два часа атака самолетов противника повторилась. Одна из сброшенных бомб угодила в плавбазу «Маяк», которая вскоре затонула у причала. (Впоследствии она была поднята и отремонтирована). Стоявшие у ее борта МО-124 и ТКА-11 получили настолько сильные повреждения, что восстановить их не удалось.

На этот раз налет самолетов отражали все зенитные средства в Кувшинской салме: береговая зенитная батарея, орудия плавбазы и «морских охотников». Дружным огнем всех зенитных средств был сбит один самолет. Во избежание новых атак вражеской авиации в тот же день плавбаза «Ветер» и «морские охотники» перешли сначала в Тюва-губу, а вскоре перебрались в Пала-губу. Плавбаза ошвартовалась у крутого обрывистого берега, где простояла до конца войны.

С образованием на флоте бригады «больших охотников» (они пришли из США по ленд-лизу), в которую вошел и дивизион «морских охотников», на плавбазе «Ветер» разместился штаб бригады, командиром которой был назначен командир нашего дивизиона капитан 1 ранга М. С. Клевенский. Он очень много сделал для обустройства и улучшения бытовых условий катерников. По его инициативе и при непосредственном руководстве в одном из трюмов плавбазы был сооружен просторный и хорошо оборудованный клуб, что позволило значительно улучшить и разнообразить отдых и досуг личного состава. Комбриг, заметив, что фок- и грот-мачты плавбазы значительно выше крутого берега, к которому она была ошвартована, сделал вывод, что это демаскирует ее стоянку и может послужить ориентиром для вражеской авиации. По его приказанию обе мачты были укорочены наполовину.

Вскоре после войны «Ветер» был возвращен гражданскому пароходству. Ему вернули прежнее имя «Кооперация». Долгое время она плавала на Балтике, а потом ее передали в состав Черноморского морского пароходства с припиской к Одесскому порту. Последняя моя встреча с «Кооперацией» была неожиданной и состоялась летом 1960 года во время противолодочного учения в районе Феодосии, которым я руководил.

К району учения приближался гражданский транспорт с укороченными мачтами, напоминавший мне плавбазу «Ветер». Сблизившись с транспортом на малом противолодочном корабле, я понял, что не ошибся: это был теплоход «Кооперация». С помощью мегафона я переговорил с капитаном, поинтересовался состоянием теплохода и степенью активности его плаваний, а на

прощание вместе с пожеланием счастливого плавания приказал дать из пушки холостой выстрел.

Арктическое плавание

В первые месяцы войны действия противника на северных внутренних морских коммуникациях не отличались особой активностью и носили эпизодический характер, поскольку немецкое командование рассчитывало на молниеносное завершение войны. В последующем враг стал энергично использовать против нашего судоходства и авиацию, и подводные лодки, и надводные корабли.

В 1941 году вражеские самолеты вели отдельные разведывательные полеты в районе Новой Земли. Девять немецких эсминцев и крейсер в августе-сентябре безнаказанно выставили 456 якорных и 40 донных мин.

В навигацию 1942 года активность противника еще более возросла. Подводные лодки начали действовать на подходах к новоземельским проливам с запада и востока. 25 августа в Карском море появился тяжелый крейсер «Адмирал Шеер», который потопил ледокольный пароход «А. Сибиряков», а двумя днями позже дважды обстрелял порт Диксон.

Надо признать, что до войны Северный флот, как и все Вооруженные Силы страны, готовился к наступательным действиям и не уделял должного внимания защите своих тыловых морских путей сообщения. Не было создано ни одного опорного пункта в западном секторе Арктики. Новоземельская военно-морская база была сформирована лишь в августе 1942 года, а Карская военно-морская база со штабом на острове Диксон — только в марте-июне 1944 года. Обе базы были включены в состав Беломорской флотилии.

Силы флота в Арктике были малочисленны и состояли в основном из сторожевых кораблей и тральщиков типа РТ (рыболовецкие траулеры). С приходом на флот американских тральщиков и «больших охотников», вооруженных современными гидроакустическими станциями, появилась возможность усилить арктические базы этими кораблями.

Ставя задачи соединениям на 1944 год, командующий флотом адмирал А. Головко приказал нашему соединению к 5 мая подготовить десять тральщиков типа АМ, шесть тральщиков типа ТАМ, пять больших и четыре малых «охотников» к перебазированию на Беломорскую флотилию для использования их в летнюю кампанию в составе Новоземельской и Карской военно-морских баз. Несколько позднее нашему дивизиону было приказано подготовить к перебазированию еще четыре «морских охотника». Отправка «морских охотников» в арктические районы,

к плаванию в которых они не были приспособлены, явилась вынужденной мерой из-за очень возросшей активности вражеских подводных лодок в западном секторе Северного морского пути.

В первую четверку катеров были включены «морские охотники» 2-го отряда дивизиона: МО-427, МО-428, МО-429 и МО-430. На этих катерах заменили двигатели, выработавшие положенный моторесурс, тщательно проверили и отремонтировали все системы и механизмы. На обоих бортах катеров для защиты обшивки от ударов плавающих льдин закрепили вдоль ватерлинии деревянные брусья. Как потом оказалось, пользы от этих брусьев было меньше, чем ожидалось, зато они заметно снижали скорость и маневренность катеров. На катера погрузили по две бочки с бензином, которые не раз выручали при длительных плаваниях в конвоях. До полного комплекта пополнили запасные части и инструменты. Взяли и запасные бронзовые винты. Нештатные водолазы прошли обучение с практическим погружением под воду на небольшие глубины. Во время специального выхода в море проверили исправность и надежность двигателей, гидроакустических станций и радиоаппаратуры, всех систем и механизмов, вооружения и техники. Командиры катеров и их помощники детально изучили по лоции и навигационным картам новые районы плавания, где раньше из дивизиона никто не бывал.

Первая четверка катеров под командованием командира отряда капитан-лейтенанта Николая Федулаева вышла из базы 15 июля, конвоируя в Архангельск американский транспорт «Эмпайр Праузе». У мыса Светлый Нос МО-428 и МО-429 отделились и пошли в Иоканьгу, оттуда после дозаправки направились к проливу Югорский Шар, конвоируя танкер «Фрунзе». МО-427 и МО-430 охраняли «американца» до горла Белого моря, после чего в Поное ожидали его возвращения из Архангельска и довели его до Иоканьги.

Вторая четверка катеров МО-425, МО-426, МО-433 и МО-434 после такой же тщательной подготовки, как и первая, под командованием командира отряда капитан-лейтенанта Георгия Маккавеева вышла из Кольского залива в арктическое плавание 24 августа. После дозаправки в Иоканьге топливом, продовольствием и пресной водой они в составе конвоя ИЮ-6 (транспорт «Свияга» — до Нарьян-Мара и транспорт «Вытегра» — до Амдермы) ушли к Новой Земле. На переходе с катера МО-426 обнаружили перископ подводной лодки, и почти одновременно гидроакустик старшина 2 статьи Александр Чирков доложил об установлении контакта с ней. Командир катера старший лейтенант Валентин Голубев сыграл боевую тревогу, увеличил

ход и атаковал подводную лодку глубинными бомбами, но безуспешно.

За время арктического плавания «морские охотники» участвовали в сопровождении 32 новоземельских конвоев (64 транспорта) и 18 конвоев (54 транспорта) на линии Диксон-Архангельск. И почти в каждом из походов североморцы либо обнаруживали перископы подводных лодок, либо получали контакты с ними гидроакустикой. Чаще всего эти обнаружения оказывались ложными, но создавали напряженную обстановку. Неоднократные выходы катеров в атаку на обнаруженные подводные цели были безрезультатными.

В конце августа — начале сентября «морские охотники» совместно с другими противолодочными кораблями провели поиск подводных лодок на подходах к новоземельским проливам с запада и востока. Катера МО-427 старшего лейтенанта Владимира Коммунарова и МО-430 старшего лейтенанта Александра Случинского, выйдя из Хабарове, обследовали губу Белушья и, следуя вдоль западного побережья Новой Земли на север, дошли до бухты Большая Кармакульская, которая находится за 73-й параллелью Северной широты. Это был своеобразный рекорд плавания в полярных широтах для катеров типа МО-4.

Боевые походы «морских охотников» проходили в сложных погодных условиях. Командир отряда катеров капитан-лейтенант Маккавеев после возвращения в базу рассказал о драматической ситуации, в которую попали МО-425 и МО-426 при конвоировании транспортов «Свияга», «Онега» и «Лахта».

Конвой вышел из пролива Югорский Шар 9 октября и взял курс в Белое море. На переходе их настиг жестокий шторм силой до 10 баллов. Трое суток катерники боролись со стихией. На головном катере МО-425 появилась течь в корпусе, вода стала поступать в моторные отсеки и в форпик. Волной сорвало оба якоря. Аварийная партия под руководством помощника командира катера старшего лейтенанта Владимира Полякова приступила к борьбе за живучесть. Высокое мастерство и мужество проявили мотористы во главе со старшиной 2 статьи Иваном Парко, которые обеспечили безаварийную работу двигателей. Маккавеев, не раз попадавший в штормовую погоду, на этот раз усомнился в благополучном исходе, как он выразился: «Мой моральный дух дал утечку». Он подготовил прощальную радиограмму, передал ее командиру отделения радистов старшине 2 статьи Александру Савельеву с приказанием о ее отправке только по его команде.

На катере МО-426 обстановка тоже была напряженной, но

менее драматичной. Корпус катера выдержал удары штормовых волн, и бороться с поступлением воды не пришлось. Дважды выходили из строя моторы, но мотористы старшина 2 статьи Николай Данилов и старший краснофлотец Федор Антоненко быстро устраняли повреждения. Катерники выстояли.

Не меньшую опасность для катеров представляли туманы, которые часто приходили на смену штормам. Командир катера МО-429 старший лейтенант Борис Лях рассказал, как, следуя в составе конвоя в Хабарово, они попали в такой плотный туман, что с ходового мостика не было видно впередсмотрящего, который стоял на носу катера. Появилась реальная опасность столкновения и потери охраняемых транспортов. Связываться по радио разрешалось только при обнаружении подводных лодок. Выход из положения нашел командир отделения гидроакустиков старшина 1 статьи Иван Игнатов, который установил контакт с одним из транспортов, и благодаря его докладам о пеленге и дальности до транспорта катер надежно удержал свое место в ордере.

Много неприятностей доставляли катерникам плавающие льды, которые течением выносило из Карского моря через новоземельские проливы. Нередки были случаи поломки винтов. Не избежал этого и МО-427, которым командовал старший лейтенант Владимир Коммунаров. Пригодилась базовая подготовка внештатных водолазов — мотористa краснофлотца Ефима Матвеева и строевого краснофлотца Евтихия Канева, которые спустились под корму, сняли два поврежденных винта и поставили на их место запасные.

Экипажи «морских охотников» в суровых условиях арктического плавания проявили высокую физическую и морально-психологическую выносливость. Морякам было трудно. Средняя температура воздуха в районе Новой Земли в июле-августе составляла всего плюс пять градусов. Верхнюю одежду, довольно тяжелую и неудобную, моряки почти никогда не снимали. Просушиться и помыться было негде. Только иногда катерам удавалось постоять у борта какого-либо транспорта и подсоединиться к его отопительной системе, чтобы прогреть свои помещения. В таких случаях появлялась возможность организовать помывку личного состава в судовой бане. А в море катерники поочередно отогревались в моторных отсеках у горячих двигателей.

Были немалые трудности и с приготовлением пищи. Катерный камбуз предназначался в основном лишь для ее подогрева. По штату на катерах не полагался кок, и его обязанности выполняли краснофлотцы, имеющие склонность к

поварскому делу. Зачастую продуктов не хватало. Выручала рыба, в основном треска, которую подбирали сачками после атак подводных лодок глубинными бомбами.

В штормовую погоду горячая пища не готовилась вообще, обходились едой всухомятку. И все-таки не было на катерах случая, чтобы кто-то роптал на такие бытовые условия.

Преодолев неимоверные трудности и лишения в суровых условиях арктического плавания, «морские охотники» и их экипажи успешно справились с поставленными перед ними задачами. Шесть катеров возвратились из арктического плавания 19 сентября, а два — только 17 октября, и все — с многочисленными повреждениями корпусов, гребных винтов и механизмов. Сразу же начались авральные ремонтные работы по восстановлению боеготовности катеров, которых ждало нелегкое испытание в ходе Петсамо-Киркинесской наступательной операции.

Участие в Петсамо-Киркинесской операции

Особенно отличились «морские охотники» в период проведения Петсамо-Киркинесской наступательной операции войсками Карельского фронта и силами Северного флота в октябре 1944 года.

Незадолго до операции, когда мы усиленно готовились к ней, на одном из совещаний командир дивизиона капитан 3 ранга С. Зюзин неожиданно для всех, особенно для меня, объявил, что я назначаюсь начальником походного штаба дивизиона. В то время должности начальника штаба на дивизионе не существовало, и эти обязанности выполнял сам Зюзин. К этому все привыкли.

Тогда я был уже дивизионным артиллеристом, и работы по подготовке матчасти артиллерии и орудийных расчетов к действиям при высадке десанта у меня было предостаточно. А тут такая большая, почти незнакомая и очень ответственная, дополнительная обязанность, которая вскоре стала для меня главной. Нахлынули заботы по подготовке катеров, перестановке личного состава, пополнению всеми видами запасов, составлению планов переходов, предварительному распределению десанта по катерам и уйма прочих штабных дел. В итоге мы были уверены в подготовленности катеров и их экипажей к предстоящим действиям.

1 апреля 1944 года за боевые заслуги наш дивизион был преобразован в гвардейский. Помню, с каким восторгом личный состав дивизиона встретил сообщение об этом радостном событии. На митинге мы поклялись оправдать это высокое звание и доверие, биться с врагом беспощадно до полного его изгнания из Советского Заполярья. Так во время войны я стал дважды гвардейцем: первый раз за бои на суше, а потом за боевые дела на море.

И вот наступила решающая пора боевых действий на завершающем этапе войны на Севере. Перед началом операции Военный совет флота обратился с воззванием ко всему личному составу, в котором призывал разгромить и уничтожить фашистских захватчиков в Советском Заполярье и освободить древний русский город Печенгу. Это обращение было зачитано на всех катерах дивизиона. Оно еще больше подняло боевой дух личного состава, его готовность к решительной схватке с врагом.

По плану операции на ее первом этапе предусматривалась высадка десанта в составе 63-й бригады морской пехоты под командованием полковника А. М. Крылова на южное побережье залива Маативуоно (Малая Волоковая), во фланг и тыл немецкой

группировки войск. Десант высаживался тремя отрядами. В первый десантный отряд вошли восемь «морских охотников» и три торпедных катера под командованием Зюзина с задачей захвата плацдарма высадки. Основные силы десанта планировалось высадить вторым десантным отрядом из одиннадцати «больших охотников» под командованием командира дивизиона капитана 3 ранга И. Н. Грицука и третьим десантным отрядом из восьми торпедных катеров под командованием командира дивизиона капитана 2 ранга В. Н. Алексеева.

Перед посадкой десантников на катерах прошли партийные и комсомольские собрания, на которых выступающие призывали к победе над врагом и клялись до конца выполнить свой воинской долг. Так, комендор с МО-116 краснофлотец Николай Гуслев сказал: «Здесь некоторые товарищи говорили: не пощадим, да, не пощадим своей жизни. Свою жизнь надо щадить, а врага надо бить беспощадно». Когда закончилась посадка десантников на катера, с ними провели беседы о предстоящем переходе и порядке высадки.

Командиром высадки был назначен командир ОВРа главной базы флота контр-адмирал П. П. Михайлов, а управление непосредственной высадкой всех трех десантных отрядов было возложено на командира бригады сторожевых кораблей капитана 1 ранга М. С. Клевенского, находящегося на специально оборудованном торпедном катере.

Первый десантный отряд высаживал десанты двумя группами катеров в двух пунктах. Первая группа в составе шести «морских охотников» и двух торпедных катеров под командованием Зюзина высаживала первый бросок десанта, в который были включены две роты разведчиков и рота автоматчиков общей численностью 471 человек. Когда эта группа находилась на полпути до пункта высадки, противник начал освещать прожекторами и осветительными снарядами свое побережье и водную поверхность залива. Катера развернулись строем фронта и устремились к берегу. Почти одновременно они приткнулись форштевнями к береговой черте, выбросили трапы, по которым десантники сбежали на берег. Высадка первого броска прошла четко и организованно и продолжалась всего 20 минут.

Затем «морские охотники» оказывали помощь «большим охотникам» в переброске десантников на берег. Вторая группа катеров в составе МО-429, МО-430 и ТКА-211 под командованием командира звена старшего лейтенанта Бориса Ляха высаживала разведотряд СОР капитана И. Барченко-Емельянова и разведотряд штаба флота лейтенанта В. Леонова общей численностью 190

человек.

Когда катера подошли к месту высадки в небольшую бухточку Пунайнен-Лахти, расположенную недалеко от входа в залив Петсамовуоно, они были обнаружены и обстреляны противником, но катерникам потребовалось всего 12 минут, чтобы высадить десантников. Этот десант имел задачу совершить по труднодоступной тундре тридцатикилометровый переход, выйти к мысу Крестовый и захватить расположенные там вражеские береговые батареи. После высадки десанта катера прикрывали дымзавесами второй и третий десантные отряды с основными силами и тылами 63-й бригады морской пехоты.

Дерзким и героическим было кульминационное событие — прорыв катеров с десантом в сильно укрепленный порт Линнахамари и захват его в ночь с 12 на 13 октября. К этому времени войска 14-й армии Карельского фронта продолжали преследовать отступающего противника, овладели аэродромом и поселком Лоустари и перерезали дорогу Петсамо-Киркинесс. 12-я бригада морской пехоты, тесня противника, наступала на линии Пооровааро, расположенного напротив Петсамо, на восточном берегу залива Петсамовуоно. 63-я бригада морской пехоты вышла на рубеж государственной границы 1940 года и с боями продвигалась по направлению к порту Линнахамари.

Видя, что Петсамо не удержать, немцы начали вывозить боеприпасы и различное имущество из Линнахамари и готовить к подрыву сооружения порта и военного городка. Но поскольку 63-я бригада не успевала к этому времени подойти к порту, командующий Северным флотом адмирал А. Г. Головко, оценив обстановку, принял смелое по замыслу и трудное по исполнению решение о высадке десанта непосредственно в порт Линнахамари и внезапном его захвате.

Утром 12 октября капитан 3 ранга Зюзин возвратился с командного пункта командующего флотом и сообщил об этой задаче. Адмирал Головко возложил командование всеми силами прорыва на Зюзина. Он находился в возбужденном состоянии от необычности задачи, полученной непосредственно от командующего флотом, и от той ответственности, которая легла на его плечи. Но Зюзин был из той породы людей, которые всегда готовы к выполнению любой задачи, какой бы сложной и трудной она ни казалась. Со свойственной ему энергией он взялся за дело.

Вместе с ним мы отобрали шесть «морских охотников» МО-423, МО-424, МО-428, МО-429, МО-430 и МО-433, которые имели меньше повреждений, полученных в предыдущем десанте, и находились в лучшем техническом состоянии. Совместно с командирами выделенных для участия в прорыве торпедных

катеров и офицерами походного штаба командующего флотом мы выработали предложения по тактике действий при выполнении поставленной задачи. У всех были карты залива Петсамовуоно, на которые мы с помощью офицеров разведотдела штаба флота нанесли обстановку в заливе и в бухте Девкина Заводь.

Укрепления противника выглядели внушительно. На входных мысах Ристиниеми и Нумерониеми стояли четырехорудийные береговые батареи с мощными прожекторами. Далее от входа в залив до мыса Девкин и мыса Крестовый по обоим берегам располагались до 15 огневых точек, простреливающих залив кинжальным огнем. Весь западный берег бухты Девкина Заводь и порта Линнахамари был опоясан многочисленными дотами и дзотами с установленными в них противокатерными пушками, минометами и пулеметами, прикрытыми минными и проволочными заграждениями. На восточном берегу бухты грозную силу представлял мощный опорный пункт на мысе Крестовый, где были установлены четырехорудийная батарея калибра 150 миллиметров и четырехорудийная 88-мм зенитная и противокатерная батарея.

К утру 12 октября отряд капитана Барченко-Емельянова и лейтенанта Леонова скрытно приблизился к опорному пункту на мысе Крестовый и внезапной атакой после короткого боя захватил зенитную батарею. Завладеть с ходу 150-мм батареей не удалось из-за исключительно упорного сопротивления противника. В течение дня блокированному с суши гарнизону опорного пункта немцы на катерах подбросили подкрепление. Наша авиация нанесла по нему десять бомбоштурмовых ударов, но, несмотря на потери в живой силе, немцам удалось отбить атаки наших разведчиков. Так что эта батарея оставалась боеспособной и представляла наибольшую опасность для катеров. Но у нас была уверенность, что разведчики не дадут противнику возможности открыть огонь.

Когда Зюзин посмотрел на карту, обильно украшенную знаками вражеских укреплений, которые придется преодолевать, он произнес: «Да, орешек» — и непроизвольно почесал затылок. Потом досконально проверил наши предложения по прорыву и распределению сил, внес небольшие изменения и отнес их на просмотр в штаб флота и утверждение командующим плана прорыва. Для выполнения поставленной задачи в десант были выделены два отряда морской пехоты: отряд в 350 человек из 349-го отдельного пулеметного батальона морской пехоты под командованием майора И. А. Тимофеева и отряд в 250 человек из 125-го полка морской пехоты под командованием старшего лейтенанта Б. Ф. Петербургского, имеющих большой опыт

десантных действий. Общее руководство действиями десанта на берегу возлагалось на Тимофеева.

По замыслу десант высаживался тремя группами катеров. Первую группу в составе двух торпедных катеров типа Д-3 (ТКА-114 и ТКА-116) возглавил командир отряда Герой Советского Союза капитан-лейтенант Александр Шабалин. На нее возлагалась задача высадки первого броска десанта для захвата пятого и шестого причалов порта.

В связи с тем, что не исключалось наличие противокатерных бонов в заливе и у причалов порта, для их подрыва на эти катера были взяты торпеды. На Шабалина возлагалась задача после высадки своего десанта обеспечить целеуказанием подход катеров второй и третьей группы к пунктам высадки. Вторую группу в составе пяти торпедных катеров типа «Хиггинс» (ТКА-204, 206, 207, 208, 213) возглавил командир дивизиона капитан 2 ранга С. Г. Коршунович. Третьей группой из шести «морских охотников» и ТКА-211 типа «Хиггинс» руководил капитан 3 ранга С. Д. Зюзин.

Одновременно с планированием уточнялись и согласовывались с командирами катеров все детали возможных действий, а катера пополнялись боеприпасами, топливом и продовольствием. За час до посадки десантников на катера их командиры встретились с командирами десантируемых подразделений и уточнили место, время и порядок посадки и размещения десантников на катерах.

Командующий флотом адмирал Головко лично напутствовал катерников и десантников перед выходом на задание, напомнив, насколько ответственны и важны успешные действия десанта для окончательного изгнания немецких захватчиков из Советского Заполярья. Он не скрывал, что высаживаемый в самое логово врага десант встретит много трудностей и опасностей. Но выразил уверенность, что бесстрашные североморцы, испытанные в боях, выполнят приказ Родины с честью и достоинством.

С наступлением темноты началась посадка десантников на катера в трех пунктах. Она прошла быстро и организованно в установленные сроки. Я намеревался быть вместе с командиром дивизиона на головном катере МО-423, как это было при высадке 63-й бригады морской пехоты. Но в самый последний момент комдив определил мое место на МО-428 старшего лейтенанта Ивана Штанько. Очевидно, Зюзин посчитал неправильным сосредоточение на одном катере всего походного штаба дивизиона. Вместе с комдивом пошли дивизионные специалисты — штурман старший лейтенант Георгий Федченко и связист старший лейтенант Виктор Пинчук. На головных катерах каждой

группы находились военные лоцманы, хорошо знающие вход в залив в Петсамовуоно и в порт Линнахамари.

Закончив погрузку, все три группы катеров вышли в море с разрывом в несколько минут с расчетом высадить десант до полуночи. В целях уменьшения слышимости работающих моторов катера шли с подводным выхлопом. У входа в залив действовали наши штурмовики и бомбили батареи на входных мысах с целью отвлечения внимания немцев от наблюдения за морем.

Несмотря на принятые меры скрытности и маскировки, первая группа катеров Шабалина при подходе к заливу была обнаружена с мыса Ристиниеми, освещена прожекторами и обстреляна артиллерией. Искусно маневрируя и уклоняясь от разрывов снарядов, катера увеличили ход и продолжали движение в глубь залива, прижимаясь к его высокому западному берегу. Оба катера ворвались в Девкину Заводь, с ходу в 23 часа подошли к причалам, на которые мигом высадились десантники: 27 человек с ТКА-114 и 25 человек с ТКА-116. Невзирая на шквал огня, который обрушили гитлеровцы, они быстро захватили причалы, прочно зацепились за берег и начали расширять плацдарм высадки. ТКА-114 поддерживал десантников пулеметным огнем, оставаясь у причала, а ТКА-116 с Шабалиным на борту отошел к мысу Девкин для встречи катеров второй группы и направления их к пунктам высадки.

Вторая группа Коршуновича также была обстреляна береговыми батареями с входных мысов. Прикрываясь дымзавесами, катера на полном ходу проскочили в залив и быстро подошли к своим пунктам высадки. Немцы вели по ним интенсивный огонь из всех видов оружия, но это не помешало высадке десантников. ТКА-208 при отходе к середине бухты после высадки десантников получил попадание снаряда в левый борт. От разрыва снаряда в моторном отделении заглохли двигатели, катер потерял ход и стал неподвижной мишенью, на которую немцы немедля обрушили шквал огня. В катер попал еще один снаряд, которым были убиты три краснофлотца и один тяжело ранен. Мотористы сумели устранить повреждения моторов, что позволило катеру выйти из-под обстрела. Все катера второй группы, прикрываясь дымовыми завесами и преодолев артиллерийский огонь с берега, возвратились в бухту Пумманки.

Наиболее трудные условия сложились для катеров третьей группы Зюзина. Немцы, видимо, опомнились и, почувствовав смертельную угрозу, сосредоточили всю огневую мощь на катерах в бухте. В головной катер МО-423 попал снаряд и разорвался в моторном отсеке, серьезно ранив юнгу-моториста Бородкина. Мужественный юнга не покинул поста и вместе с другими

мотористами устранял повреждения в правом моторе. Катер продолжал следовать во главе колонны.

Весь залив и бухта Девкина Заводь были окутаны дымзавесами, поставленными при отходе второй группы катеров, а также дымом от многочисленных пожаров, возникших в порту. Катера третьей группы у мыса Девкин встретил ТКА-116, с которого Шабалин указывал направления движения к пунктам высадки, однако в дыму их не было видно. Поэтому каждый катер, сообразуясь с обстановкой, сразу за мысом Девкин самостоятельно подходил кто к причалу, кто к берегу и под непрерывным огнем высаживал десантников. Быстро произвели высадку МО-424 старшего лейтенанта Николая Танского, МО-429 старшего лейтенанта Бориса Ляха, МО-430 старшего лейтенанта Александра Случинского и отошли на середину бухты, ведя стрельбу по огневым точкам противника.

При подходе к причалу в катер МО-423 попала мина и взорвалась на ходовом мостике. Прямым попаданием осколка в живот был тяжело ранен и вскоре скончался дивизионный штурман старший лейтенант Георгий Федченко. Краснофлотцы бережно отнесли его на корму и накрыли гвардейским Военно-морским флагом. Был легко ранен командир катера старший лейтенант Леонид Новоспасский. Капитана 3 ранга Зюзина спас нактоуз магнитного компаса, за которым он стоял, наблюдая за действиями катеров. Осколком мины на его груди был порван походный альпаковый костюм.

На мостике был серьезно ранен рулевой краснофлотец Александр Шабалихин, но оставался на своем посту, пока силы не покинули его. Компас был разбит, и это усложняло ориентировку. В густом дыму МО-423 в полночь вместо намеченного пункта высадил свой десант на противоположном, восточном берегу бухты, к северу от мыса Крестовый.

Этот десант в количестве 49 человек под командованием лейтенанта Ледина на другой день соединился с отрядом капитана Барченко-Емельянова и принял участие в захвате 150-мм батареи на мысе Крестовый. Потерял ориентировку в дыму и ТКА-211, он долго блуждал по заливу, пока не зацепился за МО-423, и высадил свой десант тоже на восточный берег залива севернее мыса Крестовый. Высаженный взвод десантников численностью 57 человек под командованием лейтенанта Рекало, не имея средств связи, самостоятельно двинулся вдоль берега на север и очистил от противника восточный берег залива до входного мыса Нумерониеми.

Катер МО-433 старшего лейтенанта Владимира Голицына в сплошном дыму не сумел выйти к назначенному пункту высадки,

приткнулся к берегу в небольшой бухточке Сиебруниеми, расположенной к северу от мыса Девкин, где и высадил свой десант, который впоследствии соединился с основным десантом в районе огневой позиции 210-мм батареи противника и участвовал в ее захвате.

Уверенно и смело после высадки десанта действовали экипажи катеров МО-424 и МО-429. Ловко маневрируя по бухте под огнем противника, они меткой стрельбой из пушек и пулеметов подавляли вражеские огневые точки в порту. В рубку МО-424 попал снаряд, разбив фонарь правого отличительного огня. Осколки просвистели над головой командира катера старшего лейтенанта Танского. Но он хладнокровно следил за обстановкой, уверенно управлял маневрами катера и выдавал целеуказания командирам и пулеметчикам.

Трагически развивались события на катере МО-428 старшего лейтенанта Ивана Штанько. Это единственный катер из третьей группы, который в запутанной и сложной обстановке в бухте высадил свой десант в точно назначенном месте, ведя непрерывный огонь по береговым огневым точкам врага, которые были видны по вспышкам выстрелов. МО-428 с ходу приткнулся к берегу рядом с горящим причалом. Боцман старшина 1 статьи Иван Писарев со своим учеником краснофлотцем Василием Артемовым быстро спрыгнули на берег, приняли с катера и закрепили десантный трап, по которому, не мешкая, сбежали десантники.

После высадки десанта МО-428 отошел на середину бухты, продолжая вести огонь из орудий и пулеметов по береговым огневым точкам. Не ожидая целеуказания, комендоры старшина 1 статьи Александр Лазарев и краснофлотец Иван Гнасевич, пулеметчики старшина 2 статьи Георгий Голушков и старшина 1 статьи Иван Писарев самостоятельно выбирали цели и вели огонь на поражение с максимальной скорострельностью. Но вскоре катер попал под прицельный артиллерийский и минометный огонь противника.

Снаряды и мины ложились все ближе и ближе. Чтобы избежать прямых попаданий, Штанько решил укрыться в сплошном дыму, скопившемся возле высокого мыса Девкин. Увеличив скорость, катер вошел в густую полосу дыма и тут же выскочил на каменистый берег на ровном киле. Сразу же была предпринята попытка сойти с камней задним ходом, но катер даже не сдвинулся с места. После осмотра помещений было установлено, что днище пробито в нескольких местах и в пробоинах выступают камни. Временами дым рассеивался, «морской охотник» был виден противнику, как на ладони, и

немцы открыли по нему огонь. Несколько мин и снарядов разорвались в непосредственной близости. Их осколки попали в ходовую рубку и корпус катера. Но по счастливой случайности из личного состава никто не пострадал. От зажигательного снаряда загорелись кранцы первых выстрелов, но их немедля выбросил за борт краснофлотец Михаил Базаров.

Капитан 3 ранга Зюзин, получив доклад о случившемся, приказал командиру МО-429 старшему лейтенанту Ляху подойти к МО-428 и снять его с камней. А катерам МО-430 и МО-433 охранять их. Отчаянные попытки Ляха стащить катер с камней были тщетны. От попадания снаряда на МО-429 заклинило рули, осколком был ранен рулевой краснофлотец Сергей Неклюдов. Другой снаряд пробил штурманскую рубку, но, к счастью, в тот момент там никого не оказалось. Несколько пробоин появилось в корпусе катера. Не видя возможности оказать помощь аварийному катеру, Лях доложил комдиву об этом и получил приказание экипаж снять, а МО-428 взорвать.

Штанько был потрясен таким исходом дела. Для него уничтожить катер своими руками было равносильно самоубийству. Ведь по доносившимся звукам боя было ясно, что порт Линнахамари освобожден и нет опасности захвата катера с суши. Штанько медлил с выполнением «приговора». Посоветовавшись со мной, он собрал команду на юте и сказал: «Кто хочет, тот может покинуть катер, а я остаюсь». Весь экипаж единодушно поддержал своего командира и заявил, что остается с ним. Поскольку своя радиостанция уже не работала, Штанько через МО-429 доложил командиру дивизиона, что команда МО-428 отказывается взрывать катер и покидать его, что они полны решимости спасти катер, когда наступит прилив.

Капитан 3 ранга Зюзин разрешил «морской охотник» не взрывать, но команду все же приказал снять, что и было исполнено. Штанько, как и подобает командиру, сошел последним, поцеловал гвардейский Военно-морской флаг, реющий на флагштоке. Он был уверен, что вернется на катер вместе со своей командой. И это предвидение сбылось: Штанько был несказанно рад, когда на другой день я передал ему разрешение командующего флотом о возвращении на катер. 14 октября на полной воде катер был снят с камней и после заделки пробоин отбуксирован в базу, отремонтирован и введен в строй.

Справедливо изречение, что люди познаются в беде. Мне казалось, что я хорошо знаю Ивана Штанько. В недалеком прошлом, когда мы оба были помощниками командиров катеров и размещались в одной каюте на плавбазе «Ветер», мы подружились. Поначалу он показался мне нелюдимым,

медлительным и малообщительным человеком, но за этим скрывались его высокие душевные качества, исключительная скромность и отзывчивость. А в боевой обстановке, какой бы сложной она ни была, хладнокровие и самообладание никогда не покидали его. Он всегда проявлял спокойствие и выдержку, а это благотворно влияло на команду катера. Его любили за простоту, доступность, за заботу и внимание к людям. Он был уверен в своем экипаже, а подчиненные верили в своего командира и смело шли за ним в бой.

И вот я увидел Ивана Штанько в трудную минуту его жизни. Он предстал настоящим командиром, решительным и смелым, не растерялся в поистине драматической обстановке, в которой оказался его катер, его экипаж и он сам. Штанько не искал причин для оправдания случившемуся, хотя они и были. Когда он отказывался покинуть катер, это не было бравадой или показушным геройством, это было его убежденностью в своей правоте. Я успокаивал его, как мог, убеждал, что боевая задача выполнена успешно и без потерь среди личного состава катера. Что главное сделано, и сделано блестяще, что в освобождении порта Линнахамари от немецких захватчиков есть и его заслуга. Штанько это хорошо понимал разумом, но не сердцем. Таким мне и запомнился этот скромный офицер, надежный товарищ, кристально честный и чуткий человек чести.

После завершения высадки десанта «морские охотники» еще два с половиной часа находились в бухте Девкина Заводь, ведя артиллерийский огонь по береговым огневым точкам противника. Когда успех десанта стал явным, поступило приказание возвратиться в Пумманки. На обратном пути катера подверглись обстрелу с обоих берегов залива, но он уже не был таким интенсивным, как при прорыве. И катера, уклоняясь от снарядных и пулеметных трасс, используя дымы, преодолели опасную зону без потерь.

Десант майора Тимофеева сразу после высадки повел наступление на высоту, на которой располагалась 210-мм батарея противника, и в глубь порта. Преодолевая многочисленные проволочные и минные заграждения и каменные завалы, под сильнейшим артиллерийским, минометным, пулеметным и автоматным огнем десантники упорно и настойчиво продвигались вперед. После ряда смелых рукопашных схваток они сбили противника с обороняемых позиций, захватили крупнокалиберную артиллерийскую батарею и закрепились на высотах, прилегающих к порту. Совместными усилиями катерников и десантников порт Линнахамари был освобожден.

На другой день, в ночь с 14 на 15 октября, в освобожденный

порт Линнахамари были направлены два «морских охотника» и три торпедных катера, чтобы переправить в порт с мыса Крестовый отряд капитана Барченко-Емельянова, лейтенанта Леонова и бригаду морской пехоты. Я пошел на катере МО-424 старшего лейтенанта Танского. В ожидании подхода морских пехотинцев катера ошвартовались у причалов, и мы прошли по безлюдной территории порта. Мы убедились воочию, насколько сильной и насыщенной дотами и дзотами была здесь оборона. Зашли в здание портовой гостиницы, где размещалось командование немецкого гарнизона. Повсюду был хаос — последствие поспешного бегства.

На крыше гостиницы реяло красное полотнище, которое водрузили старший сержант Каторжный и краснофлотец Королев из отряда старшего лейтенанта Петербургского.

15 октября в Линнахамари на ТКА-204 старшего лейтенанта Киреева прибыл командующий флотом адмирал А. Г. Головко вместе с командиром бригады ТКА капитаном 1 ранга А. В. Кузьминым. Адмирал обошел территорию порта, осмотрел инженерные сооружения, многочисленные доты и дзоты, причалы и портовые здания, поднялся на позицию 210-мм батареи. Всюду были видны следы недавних яростных схваток, подтверждающих смелость и геройство десантников. Командующий побеседовал с бойцами бригады морской пехоты, отрядов разведчиков капитана Барченко-Емельянова и лейтенанта Виктора Леонова.

В последующем, при освобождении побережья от залива Петсамовуоно и дальше на запад, «морские охотники» участвовали в высадке трех тактических десантов. Все они прошли при незначительном противодействии со стороны противника.

18 октября был высажен батальон 12-й бригады морской пехоты в двух пунктах — в бухтах Суоловуоно и Аресвуоно. Продвигаясь на запад, десантники на другой день вышли к государственной границе с Норвегией. Жители норвежских рыбацких селений восторженно встречали освободителей, приглашали к себе в дома, предлагали рыбу и воду, показывали проходы в горах для дальнейшего продвижения вперед.

23 октября был высажен еще один батальон морской пехоты в Коббхольм-фьорде. И, наконец, 25 октября был высажен последний десант североморцев в составе двух батальонов 63-й бригады морской пехоты в Холменгро-фьорде для содействия войскам Карельского фронта в овладении норвежским портом Киркинесс. В высадке этого десанта отличились «морские охотники» МО-423, МО-426 и МО-434.

Столица нашей Родины Москва трижды салютовала

доблестным освободителям Заполярья. В приказах Верховного Главнокомандующего среди других частей фронта и флота отмечался наш дивизион. Ему было присвоено почетное наименование «Печенгский», и с той поры он именовался так: «2-й гвардейский Печенгский Краснознаменный дивизион малых охотников за подводными лодками». Это было единственное соединение на Северном флоте, ратные дела которого были увенчаны тремя почетными наименованиями: гвардейский, Печенгский, Краснознаменный.

Успешные действия экипажей «морских охотников» в Петсамо-Киркинесской наступательной операции были высоко отмечены командованием. Все моряки дивизиона за проявленные мужество и отвагу были награждены орденами и медалями, а командир дивизиона гвардии капитан 3 ранга Сергей Зюзин, командиры катеров гвардии старшие лейтенанты Борис Лях, Леонид Новоспасский и Николай Танский удостоены звания Героя Советского Союза.

5 декабря 1944 года Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За оборону Советского Заполярья». В те дни газета «Правда» писала: «Героическая защита Заполярья войдет в историю нашего народа как одна из самых ярких, самых запоминающихся страниц. Здесь враг был остановлен осенью 1941 года. Здесь находится участок, где врагу в течение всей войны не удалось перешагнуть линию государственной границы». И далее: «Многие тысячи людей будут отмечены знаком высокой доблести, мужества и героизма — медалью „За оборону Советского Заполярья“. Она явится высокой наградой и будет вдохновлять наших людей на новые подвиги. Враг еще не добит. Вражеские подводные лодки еще появляются в водах Ледовитого океана. Борьба с ними должна быть беспощадной и непрерывной. Советские заполярники изгнали врага с суши, вышвырнули его из баз северной части Норвегии. Надо навсегда и бесповоротно изгнать его с моря».

Читая эти строки, я испытывал огромное чувство радости и гордости оттого, что и мой вклад есть в эту победу. За участие в боях я был награжден орденом Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, медалью «За оборону Советского Заполярья».

Встречая и провожая союзные конвои

Одной из основных задач Северного флота в годы войны была защита северных морских путей сообщения. Для охраны союзных и своих конвоев от нападения подводных лодок и авиации противника привлекались все наличные силы и средства флота. Особенно много сил выделялось для обеспечения союзных конвоев, которые всегда подвергались атакам противника с воздуха и из-под воды. Активное участие в этом принимали «морские охотники», которые производили поиск подводных лодок и плавающих мин на подходах к Кольскому заливу.

После изгнания немецких захватчиков из Советского Заполярья в октябре 1944 года противник значительно увеличил количество своих подводных лодок для нападения на любые конвои в зоне Северного флота. Только на подходах к Кольскому заливу постоянно находилось до семи немецких подводных лодок, которые действовали одиночно и в группах. Возросли потери в конвоях.

4 декабря 1944 года командующий флотом в связи с возросшей активностью немецких подводных лодок приказал производить поиск подводных лодок на Кильдинском и Териберском плесах ежедневно, а также усилить непосредственное охранение конвоев. Это еще более повысило напряженность в использовании противолодочных сил флота, в том числе и «морских охотников», многие из которых к тому времени требовали серьезного ремонта. Проводка каждого союзного конвоя стала крупной операцией с привлечением разнородных сил флота. Чтобы показать, насколько сложной была обстановка проводки союзных конвоев только на подходах к Кольскому заливу, приведу лишь два эпизода, в которых мне довелось участвовать.

17 февраля 1945 года из Кольского залива выходил союзный конвой в составе тридцати транспортов, четырех танкеров, двух авианосцев, десяти миноносцев и двух корветов. Из состава Северного флота выход конвоя обеспечивали эсминцы «Живучий» и «Жесткий», сторожевой корабль «Гроза», три тральщика, пять торпедных катеров, два больших и три «морских охотника».

Когда все транспорты и корабли вышли из Кольского залива и выстроились в походный ордер, конвой был атакован вражескими подводными лодками, использующими новые акустические торпеды. Одна из торпед попала в кормовую часть английского корвета «Ларк», которая оторвалась и затонула. Взрывом торпеды были выброшены за борт несколько матросов.

Это заметили с «морского охотника» МО-434, находившегося ближе других кораблей к атакованному корвету. Командир катера старший лейтенант Владимир Кондрашов немедленно увеличил ход до полного, подошел к корвету и поднял из холодной воды матросов, которые с трудом держались на плаву. При этом особую сноровку и расторопность проявили боцман катера старшина 1 статьи Василий Филенюк, командир отделения комендоров старшина 1 статьи Ликарион Воронцов и строевой краснофлотец Иван Попов.

За действиями кораблей и судов по оказанию помощи корвету и спасению выброшенных за борт моряков наблюдал командующий Британским отечественным флотом адмирал Мур с флагманского авианосца. Он прислал радиограмму на имя командующего Северным флотом адмирала А. Г. Головко следующего содержания: «Желаю выразить свою признательность за быстроту действий вашего „охотника“ при спасении двух человек, выброшенных за борт, когда был торпедирован британский корвет „Ларк“».

Англичане сняли с носовой части торпедированного корвета личный состав, а подошедшие буксиры М-12, М-2 взяли ее на буксир и привели в Мурманск.

Вскоре из состава этого конвоя немецкой подводной лодкой был атакован и потоплен второй английский корвет «Блюбел». Когда конвой находился севернее острова Кильдин, его снова атаковали немецкие подводные лодки. Акустическая торпеда попала в корму транспорта «Томас Скотт», который потерял ход. Подошедший к нему М-12 взял транспорт на буксир и направился в Кольский залив в сопровождении двух эсминцев, сторожевого корабля, трех тральщиков, двух «больших» и двух «малых охотников». К этому времени резко усилилось волнение моря. На подходе к мысу Сеть Наволок «Томас Скотт» на волне разломился, кормовая часть быстро затонула, а вскоре та же участь постигла и носовую часть. Команда транспорта была снята «морскими охотниками».

20 марта 1945 года союзный конвой в составе двадцати транспортов, трех танкеров, двух авианосцев, крейсера, девяти эсминцев, восьми корветов на подходах к Кольскому заливу был многократно атакован немецкими подводными лодками. Одна из торпед поразила американский транспорт «Хорейс Бушнел», который потерял ход. Его остались охранять три английских эсминца в ожидании подхода буксира М-12 из губы Могильная в Кильдинском проливе, который благополучно отбуксировал поврежденный транспорт в бухту Териберскую в охранении трех «морских охотников» и двух торпедных катеров. Завести

транспорт в бухту помогло спасательное судно «Память „Руслана“».

В шести милях к северу от острова Кильдин был атакован вражеской подводной лодкой и поврежден торпедой другой американский транспорт «Томас Дональдсон». К нему подошли два английских корвета, один из которых взял его на буксир, но вскоре буксирный трос оборвался, после чего корвет снял с транспорта команду и ушел к конвою. К этому безлюдному «Томасу Дональдсону» был послан буксир М-35, который в охранении «морских охотников» начал буксировать поврежденный транспорт в Кольский залив. Однако спасти его не удалось — через три часа после начала буксировки он затонул в пяти кабельтовых от острова Кильдин.

Захождение

На Северном флоте в годы войны большой популярностью и известностью пользовался командующий флотом адмирал А. Г. Головко. Его любили и уважали за простоту, доступность, внимание и заботу о личном составе флота, особенно о командных кадрах, которые он учил и воспитывал. Расскажу об одном поучительном случае, произошедшем со мной в марте 1945 года.

Один из «морских охотников» в течение почти всей войны всегда стоял в готовности у причала в Полярном, обогревался паром от рядом стоящего буксира. Чаще всего такой катер использовался для доставки высоких флотских начальников по срочным делам. В то время я исполнял должность командира отряда «морских охотников», а дежурным катером из этого отряда был МО-423. Командир катера внезапно заболел, лег в госпиталь, и мне пришлось его заменить, так как помощник командира лейтенант Николай Спиридонов, недавно назначенный на должность, еще не был допущен к самостоятельному управлению катером.

На этот раз экстренный выход был вызван чрезвычайным происшествием, случившимся с караулом, охранявшим торпедированный американский транспорт, который 20 марта привели наши буксиры в Териберскую бухту и поставили там на отмель. Охрана этого транспорта была возложена на караулы, выделяемые из личного состава береговой артиллерийской батареи, расположенной поблизости. И вот оттуда сообщили, что прибывшая на транспорт очередная смена караула обнаружила весь состав сменяемого караула мертвым. Как потом выяснилось, караульные нашли на транспорте банку со спиртом и выпили. Это действительно был спирт, только метиловый.

Для расследования этого происшествия командующий флотом послал в Териберку на дежурном МО-423 коменданта береговой обороны флота генерал-майора артиллерии Кустова.

Погода была на редкость благоприятной для перехода. После выхода из Кольского залива, когда катер лег на курс в Кильдинскую салму, я пригласил генерала в кают-компанию на чай. Но он отказался и остался на мостике. Пока я чаевничал, произошло злополучное нарушение, о котором доложил помощник командира, когда я после чаепития поднялся на ходовой мостик.

При подходе к губе Западная Долгая, где базировались торпедные катера, оттуда на большой скорости вышел ТКА под

флагом командира бригады и лег на встречный курс. По непреложному морскому закону и этикету на «морском охотнике» должны были сыграть сигнал «Захождение» горном, а при его отсутствии — боцманской дудкой или корабельным свистком. По этому сигналу личный состав на верхней палубе становится по стойке «смирно», а командный состав, кроме того, прикладывает правую руку к головному убору для приветствия. Лейтенант Спиридонов знал об этом ритуале, но не сыграл «Захождение», посчитав, что у него на борту генерал, а он старше капитана 1 ранга. Выслушав этот доклад, я в присутствии генерала указал лейтенанту на его оплошность, но не придал случившемуся должного значения.

К вечеру того же дня мы возвратились в Полярный. Катер еще не успел ошвартоваться, как с причала последовало приказание прибыть мне к командующему флотом. Я вместе с генералом пошел в штаб флота, недоумевая, зачем в такой поздний час я потребовался самому Головко. «Неужели он пожелал заслушать меня о том, как мы уничтожили мину, выброшенную на берег у входа в Териберскую бухту?» — подумал я. Но тут же отбросил эту версию, так как таких мин, плавающих или выброшенных на берег, было довольно много, и уничтожали их почти ежедневно. Когда генерал вышел из кабинета комфлотом, он бросил мне лишь одно слово: «Держись».

Не успев опомниться, я оказался перед стоящим посредине кабинета командующим флотом. После моего торопливого доклада о прибытии адмирал Головко необычно громким голосом спросил: «Как вы позволили себе так грубо нарушать морские обычаи, традиции и законы?» Только сейчас до моего сознания дошло, что командир бригады торпедных катеров капитан 1 ранга А. В. Кузьмин не преминул доложить командующему флотом о неуважительном отношении к нему командира «морского охотника», дав понять, что на флоте не все в порядке с соблюдением морских традиций и законов.

Я доложил начистоту, как произошло это «нарушение». Услышав, что помощник командира катера не допущен к самостоятельному управлению, а я покинул командирский мостик ради чаепития, адмирал резко осудил мой поступок, справедливо заявив, что я не имел права покидать ходовой мостик, оставив управление катером неподготовленному молодому лейтенанту, и добавил, что если так приспичило мне чаевничать, то чай могли принести на мостик. Я остро прочувствовал свою вину и сказал, что это для меня большая наука.

Адмирал прошел несколько раз мимо меня, стоявшего

навытяжку по стойке «смирно» и виновато моргавшего глазами, потом остановился и сказал:

— Вижу, что вы правильно оценили свой проступок и поняли вину. Надеюсь, что впредь ничего подобного не допустите. Передайте комдиву Зюзину, чтобы он разобрал этот случай с офицерами дивизиона и доложил мне об исполнении.

Во время разбора этого случая на дивизионе разгорелся жаркий спор. Кое-кто посчитал, что такая оплошность настолько незначительна, что не заслуживает столь строгой оценки, когда идет война. Но большинство офицеров склонились к мысли, что на службе в любой обстановке нет мелочей, что любой плохой или хороший пример, большой или малый проступок должны быть предметом для всестороннего анализа и воспитания личного состава. Все поняли, что командующий флотом, несмотря на огромную занятость большими делами, показал нам пример, когда нашел время для разбирательства показавшегося многим малозначительным нарушения корабельных правил.

Пришла Победа

Все мы весной 1945 года чувствовали приближение конца войны. Радостное сообщение о безоговорочной капитуляции и полной победе над гитлеровской Германией застало нас в пункте постоянного базирования в Кувшинской салме. Всеобщему ликованию не было конца, все поздравляли друг друга с Победой, обнимались и целовались, многие плакали от радости и волнения. Мне с группой моряков нашего дивизиона довелось участвовать в общефлотском митинге в Полярном.

Мысли и думы североморцев на митинге выразил командующий флотом адмирал А. Г. Головко. В своем выступлении он сказал: «В наших рядах отсутствуют многие боевые товарищи, сложившие свои головы за этот час торжества, за День Победы, за нашу Родину, за наш народ. Их кровью навеки освящены наши знамена. Лучшим памятником им является вот этот час торжества, час Великой Победы. Северный флот за время войны с честью выполнил задачи, возлагавшиеся на него. Я, как командующий, горжусь вами, вашим мужеством, боевым мастерством и преданностью Родине. Мы можем смело смотреть в глаза советскому народу, матери-Отчизне: мы выполнили свой воинский долг».

Я горд и счастлив, что за время Великой Отечественной войны мне довелось служить и воевать с бесстрашными батарейцами в битве под Москвой и храбрыми гвардейцами-катерниками в водах Советского Заполярья и вместе с ними внести свой вклад в дело Великой Победы.

Приложение 1

Изменения в наименовании дивизиона «морских охотников» в годы войны

1. «Дивизион истребителей подводных лодок» — с начала войны до октября 1942 года.

2. «Краснознаменный дивизион истребителей подводных лодок» — с октября 1942 года до марта 1944 года.

3. «1-й Краснознаменный дивизион сторожевых катеров» — март 1944 года.

4. «2-й Гвардейский Краснознаменный дивизион „малых охотников“ за подводными лодками» — с 1 апреля по 31 октября 1944 года.

5. «2-й Гвардейский Печенгский Краснознаменный дивизион „малых охотников“ за подводными лодками» — с 31 октября 1944 года до конца войны.

Приложение 2

Командиры дивизиона «морских охотников» в годы войны

1. Капитан-лейтенант В. Вальчук — до 16 марта 1942 года.
2. Капитан 1 ранга А. Спиридонов — с 16 марта 1942 года по 26 января 1943 года.
3. Капитан 2 ранга Б. Пермский — с 16 мая по 5 ноября 1943 года.
4. Капитан 1 ранга М. Клевенский — с 5 ноября 1943 года по 20 марта 1944 года.
5. Капитан 2 ранга С. Зюзин — с 20 марта 1944 года до конца войны.

Примечание: временно (с 26 января по 15 мая 1943 г.) должность командира дивизиона исполнял начальник штаба дивизиона капитан 3 ранга С. Зюзин.

Здесь открыли путь к Берлину (Поэма)

Посвящается морякам — участникам битвы за Москву

В сорок первом году
Немцы рвались к советской столице.
И у всех на виду
Жгли в пути города и станицы.

Гнев поднялся такой,
Что с винтовками шли против танков.
И на помощь морской
Подошел батальон для десантов.

А в составе бойцов,
Чтоб по танкам огонь был сильнее,
Лейтенант Бочкарев
С бронебойной своей батареей.

Сразу ринулись в бой,
Да с такой боевою отвагой,
Что фашисты впервой
Были проткнуты шпагой.

У них столько потерь,
Что они не могли закрыть дыры.
А зимой штаб резерв
Не готов посылать на прорывы.

И тогда под Москвой
Прекратили они продвиженье.
Наш резерв боевой
Подошел. И пошли в наступленье.

А морской батальон
Перебросили в тыл оккупантов,
Обеспечить заслон
Отступавшей пехоте и танкам.

Оборону свою

Укрепив у деревни Пронино,
Моряками в бою
Их движение похоронено.

Бились множество дней.
Чем отважней сражались ребята,
Тем они были злей,
И все яростнее их атаки.

Отступая, их рать,
Потеряв много танков, пехоты,
Трое суток подряд
Посылает бомбить самолеты.

Все смешали с землей,
Снег стал черным от копоти взрывов.
Шнапсом дух боевой
Подогрев, немцы шли на прорывы.

И опять моряки,
Огневые использовав средства,
Поднимались в штыки,
Каждый раз обращая их в бегство.

Испытав все пути
И во всех потерпев пораженье,
Немцы рвутся пройти,
Обойдя стороной загражденья.

Рассказав обо всем,
Пленный немец открыл путь движений.
И внезапным огнем
Перекрыли и этот. Последний.

Бой с обеих сторон
Был настолько жесток и кровавый,
Что последний патрон
Стал решающим — кто здесь правый.

И его Бочкарев
Из одной лишь оставшейся пушки
В наседавших врагов
Дал шрапнелью в упор по макушкам.

Кто остался живой,
И не зная, что выстрел последний,
Повернувшись спиной,
Убегал растерявшийся, бледный.

А матросов живых
Оставалось в десятую долю
От бегущих от них
Побежденных, утративших волю.

Весь изранен, комбат
Был подобран пришедшею сменой.
Но, попав в медсанбат,
Он сказал: «Победим непременно!»

За период боев
Под Москвой и в тылу оккупантов
Лейтенант Бочкарев
Уничтожил одиннадцать танков.

А пехоты не счесть…
Словно сказочные исполины,
Начиная здесь месть,
Открывали свой путь до Берлина.

А на месте на том
Люди, ставя памятник мраморный,
Написали на нем
Тем, кто пал в этой битве пламенной:

«Пусть лежат в покое,
Кто стоял здесь насмерть у Пронино —
Все они герои!»

Н. Бурцев. 12 сентября 2005 г.

Часть III
В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

На дивизионе «морских охотников» (май 1945-декабрь 1948 г.)

Считается, что «холодная война» началась с воинственного выступления Черчилля в Фултоне в марте 1946 года. На самом деле она началась сразу после войны, что потребовало от советского руководства принятия мер к поддержанию Вооруженных Сил в боеспособном состоянии.

Переход с военного на мирное положение был непростым, и связан он не только с сокращением численности Вооруженных Сил страны, но и с практическими мерами по усилению их боеготовности с учетом опыта войны, и с осложнениями обстановки в мире, когда были моменты угрозы превращения «холодной войны» в «горячую». О моей послевоенной службе в эти годы и пойдет речь.

После окончания войны 2-й ГПКДМО продолжал базироваться в Кувшинской салме у борта плавбазы «Маяк», но вскоре в связи с передачей «Кувшинки» возрожденному отряду морской пограничной охраны он был переведен в Полярное. Напряженность выходов в море значительно снизилась, но катера продолжали сопровождать транспорты в Линахамари и в Белое море (и обратно) до отмены конвойной службы 3 июня 1945 года. Сохранились в основном срочные выходы на Кильдинский и Териберский плесы для уничтожения плавающих мин.

Приступили к постепенному увольнению в запас матросов и старшин, большинство из которых прослужили по 8-10 лет, а также к приему и обучению матросов, прибывающих из учебных отрядов на их замену. Стали больше заниматься специальной подготовкой, отработкой курсовых задач и выполнением боевых упражнений с выходом в море. Осенью 1945 года в командование дивизионом вступил капитан 3 ранга Михаил Артамонов, сменив Героя Советского Союза капитана 2 ранга Сергея Зюзина, убывшего на учебу в Военно-морскую академию, а я был назначен командиром 1-го отряда «морских охотников».

Весной 1946 года на флоте был создан отряд учебных кораблей (ОУК), в состав которого вошли три эсминца типа «Новик», три сторожевых корабля типа «Ураган», дивизион ТКА и наш 2-й ГПКДМО, исключенный из состава ОВРа главной базы флота. Лишившись плавбазы, катера были поставлены к бортам эсминцев «Куйбышев» и «Урицкий», обогревались их паром, а экипажи катеров размещались в своих кубриках. Позднее в состав

ОУК была передана плавбаза «Тулома» — бывшая немецкая плавбаза подводников, которая стала хорошим пристанищем для катерников. Командиром ОУК был назначен контр-адмирал Юрий Владимирович Шельтинга, опытный моряк, который умело организовал как обучение и воспитание экипажей кораблей отряда, так и практику матросов, прибывающих из учебных отрядов и школ.

В июне 1946 года все силы Северного флота, находящиеся в строю (эскадра, бригада подводных лодок, отряд учебных кораблей), для ускоренной отработки задач боевой подготовки в хороших погодных условиях перешли в Белое море. Командир дивизиона заболел, и командование им было возложено на меня.

Все 12 катеров были подготовлены к переходу и самостоятельно в одном строю с заходом в Иоканьку для пополнения топливом и водой перешли в Молотовск, где для базирования катеров и подводных лодок был ошвартован кормой к берегу теплоход «Воронеж», зафрахтованный у Архангельского морского пароходства. В его каютах размещались командование и штабы БПЛ и ОУК, управление 2-й ГПКДМО, командиры и экипажи подводных лодок. Катерники оставались в своих кубриках. Такое размещение упрощало организацию взаимного обеспечения, и мы за два месяца успешно выполнили все противолодочные курсовые задачи.

Пребывание в Белом море закончилось проведением в конце августа учения под руководством Главнокомандующего ВМФ адмирала флота Н. Г. Кузнецова. Перед его приездом меня вызвал на линкор «Архангельск» вице-адмирал В. И. Платонов, исполняющий обязанности командующего Северным флотом, и приказал подготовить катер, на котором Главком будет обходить корабли и подводные лодки. Был тщательно подготовлен катер МО-423, который под моим контролем успешно выполнял поставленную задачу в течение трех суток и получил благодарность от Главкома ВМФ. За все время пребывания в Белом море на катерах не было ни одной поломки и выхода из строя материальной части.

В конце 1946 года комдив капитан 3 ранга М. Артамонов убыл на учебу в Ленинград, а я вскоре был назначен вместо него, не предполагая, что буду последним командиром 2-й ГПКДМО.

В июне 1947 года дивизион был передан в состав ОВРа Беломорского морского оборонительного района, который вскоре был преобразован в Беломорскую флотилию. Катера вместе со своей плавбазой «Тулома» перешли из Полярного в Архангельск, где ошвартовались у причала в Соломбале. На зиму, когда замерзала Северная Двина, катера с помощью 100-тонного

плавкрана поднимались на кильблоки, установленные на причале, а их экипажи размещались на плавбазе. Летом 1948 года плавбазу у нас отобрали, и экипажи катеров вместе с управлением дивизиона перевели в береговую казарму.

В летние кампании 1947 и 1948 годов катера все реже и реже выходили в море для отработки задач боевой подготовки из-за трудностей с обеспечением и выхода из строя материальной части, особенно моторов, выработавших свой моторесурс.

Осенью 1948 года было принято решение на расформирование дивизиона и постановку катеров на консервацию на одном из удаленных причалов в Соломбале.

Моя деятельность в должности командира 2-й ГПКДМО была положительно оценена командованием — в феврале 1948 года мне было присвоено досрочно звание капитана 3 ранга. 21 января 1949 г. я был назначен старшим офицером отдела БП штаба Северного флота и, простившись с личным составом дивизиона, убыл в Ваенгу к новому месту службы.

В штабе Северного флота (январь 1949 — ноябрь 1954 г.)

С прибытием в штаб флота представился начальнику отдела боевой подготовки капитану 1 ранга С. Д. Зюзину, назначенному недавно на эту должность после окончания Военно-морской академии. Встреча была приятной. Сразу вспомнили нашу совместную службу на «морских охотниках» в 1943–1945 годах. Он одобрительно отозвался о моем назначении старшим офицером отделения подготовки надводных кораблей, представил офицерам отдела и начальнику штаба флота контр-адмиралу В. А. Чекурову.

Моя служба в отделе БП сложилась благоприятно. Через два года я был назначен начальником отделения с последующим присвоением звания капитан 2 ранга. В связи с преобразованием отдела БП в управление я в декабре 1951 года был назначен начальником 1 — го отдела — заместителем начальника УБП, и на этой должности в феврале 1954 года мне было досрочно присвоено звание капитан 1 ранга.

Я часто выходил в море на надводных кораблях, участвовал во всех учениях и командно-штабных играх в составе штаба руководства или походного штаба при командующих флотом адмирале В. И. Платонове и сменившем его адмирале А. Т. Чабаненко. Мне удавалось готовить для них удачные доклады на разборах учений и на сборах руководящего состава флота.

Осенью 1951 года я был направлен в командировку в управление БП ВМФ для участия в работе комиссии по окончательной доработке и редактированию новых курсов боевой подготовки надводных кораблей. В один из сентябрьских дней в Главном штабе ВМФ состоялось расширенное совещание руководящего состава флотов, центральных управлений, научных учреждений, Главного штаба и политуправления ВМФ под руководством назначенного в июне 1951 года Военно-морским министром вице-адмирала Н. Г. Кузнецова.

Пригласили на это совещание и нашу комиссию, расположились мы на последнем ряду. Я впервые увидел такое большое количество адмиралов и генералов, заполнивших весь зал. В двухчасовой речи, которую потом остряки назвали «тронной», Военно-морской министр подробно остановился на состоянии Военно-Морского Флота, перспективах его развития и предстоящих организационных изменениях. Уже на другой день мы ощутили изменения в руководстве боевой подготовкой в

центре и на флотах. Управление БП было преобразовано в Главное управление БП, и его начальником назначен вице-адмирал Л. А. Владимирский, а бывший начальник УБП ВМФ контр-адмирал Перфильев стал его заместителем. На флотах отделы БП преобразовывались в управления БП.

С 1952 года я стал добиваться направления на учебу в Военно-морскую академию, но меня отпустили только в 1954 году.

В Военно-морской академии (декабрь 1954 — ноябрь 1957 г.)

Занятия в Академии после вступительных экзаменов начались I декабря 1954 года. Слушатели нашего 1-го курса были разбиты на три класса, а в 1956 году, когда расформировали береговой факультет, в наш курс был включен класс береговых артиллеристов. Все 65 слушателей нашего курса были членами КПСС, а меня избрали секретарем парторганизации, которым я оставался три года. Старшиной курса был мой сослуживец по штабу Северного флота капитан 1 ранга Яков Васильев. Начальником курса был капитан 1 ранга Дмитрий Нагорный, который заботливо относился к своим, как он говорил, «питомцам», вникая в их нужды и помогая преодолевать бытовые и житейские трудности. Благодаря его такту и усердию наш курс стал дружным и сплоченным коллективом, в котором не было ни одного проступка и ни одного слушателя с плохими оценками. Учебный процесс, которым руководил заместитель начальника академии адмирал В. А. Алафузов, был продуманным и четким, а кафедры работали безупречно.

После окончания первого учебного года была организована месячная практика в авиагарнизонах Балтийского флота и на артиллерийских фортах Красной горки и Кронштадта. После 2-го курса я был направлен на стажировку в Потийскую ВМФ по должности начальника штаба базы. В июле 1956 года проводилось зачетное учение ВМБ под руководством командующего Черноморским флотом адмирала В. А. Касатонова, на котором роль командира ВМБ исполнял вместо отсутствующего командира начальник штаба базы капитан 1 ранга Ф. И. Савельев, а мне было приказано исполнять его штабные обязанности. Учение прошло успешно, и на разборе я получил хорошую оценку.

Классные занятия в Академии закончились в конце июля, после чего было предоставлено время для написания дипломов. Я выбрал довольно сложную тему по преодолению подводными лодками Северного флота противолодочных рубежей при прорыве в Атлантику, над которой трудился почти месяц и защитил дипломную работу с отличной оценкой. Была также проведена зачетная игра на картах, где я выступал в роли командующего Балтийским флотом.

1 ноября 1957 года нам выдали дипломы об окончании Военно-морской академии и зачитали приказ о назначении на

должности. Я был назначен в распоряжение Главного штаба ВМФ для последующей работы советником. Выпускной вечер несколько раз переносился из-за занятости Главкома ВМФ, который решил лично присутствовать. Вечер состоялся в Доме ученых, на котором выступили с поздравлениями об окончании и пожеланиями успехов в службе Главком ВМФ адмирал С. Г. Горшков, командир Ленинградской ВМБ адмирал И. И. Бойков и начальник академии адмирал В. А. Андреев. С ответной благодарственной речью доверили выступить мне, и я произнес ее с большим волнением, как мне потом сказали, — удачно.

Из Главного штаба ВМФ, куда я прибыл согласно приказу, меня направили в 10-е Главное управление Генерального штаба, которое в то время выполняло и роль штаба Главнокомандующего вооруженными силами стран Варшавского Договора. Здесь мне объявили, что рассматривается вопрос о моем назначении советником по военно-морским вопросам при Генеральном штабе Войска Польского.

После отпуска и оформления всех документов перед отъездом в Варшаву я был принят начальником 10-го Главного управления — заместителем начальника Генерального штаба генералом армии А. И. Антоновым, который подробно обрисовал обстановку в Польше после известных драматических событий в предыдущем году. Тогда из Польши были удалены все военные советники. Но в этом году польская сторона запросила прислать несколько военных советников, в том числе одного моряка. После детального инструктажа в морском отделе «десятки» я вместе с женой 26 декабря на поезде Москва-Варшава тронулся в путь, не представляя, что меня ждет впереди.

В Генеральном штабе Войска Польского (декабрь 1957 — май 1959 г.)

На вокзале в Варшаве нас встретил офицер — переводчик из аппарата представителя 10-го Главного управления при Генеральном штабе Войска Польского, отвез в армейскую гостиницу, а потом в двухэтажный домик, в котором размещался аппарат представителя «десятки» генерал-лейтенанта С. В. Чернышева, которому доложил о приезде. Он знал о моем назначении и имел справку о моей биографии.

До нового, 1958 года генерал С. В. Чернышев представил меня начальнику Генерального штаба Войска Польского генералу брони Ежи Бордзиловскому, заместителям министра обороны ПНР, начальнику оперативного управления Генштаба генералу бригады Яну Джевецкому, который потом познакомил меня с начальником морского отдела командором Куберой и определил мое место работы в его кабинете. В Советском посольстве со мной беседовал первый секретарь и военный атташе генерал-майор Орлов.

В январе на скоростном поезде «Торпедо» поехал в Гдыню, где был принят командующим флотом вице-адмиралом Здиславом Студзинским, с которым в присутствии начальника отдела штаба флота командора Людвика Янчишина состоялась двухчасовая беседа о состоянии польского флота. Потом командор в своем кабинете рассказал мне о штабе флота, познакомил с его офицерами, а во второй половине дня мы побывали на соединениях флота, находящихся в Гдыне. Знакомство с Людвиком Янчишиным постепенно переросло в крепкую дружбу, у нас установились доверительные отношения, что помогло мне в исполнении моих советнических обязанностей. Мы часто встречались, когда он приезжал в Варшаву, а я охотно ездил в Гдыню. Когда закончилось мое пребывание в Варшаве, мы некоторое время переписывались, но потом мои письма стали возвращаться с пометкой: «Адресат выбыл», и наша связь оборвалась.

На первых порах отношение ко мне в Генеральном штабе было прохладным, ко мне присматривались и проверяли мои знания и способности. Я понял, что весомой причиной такого отношения явилось то, что я не знал польского языка, и на совещаниях, куда меня приглашали, я был «немым» участником и чувствовал себя неуютно. И я решил в спешном порядке изучить польский язык, в чем мне помогал наш переводчик. Приобрел

учебник польского языка и стал усердно заниматься самостоятельно. Командор Кубера плохо знал русский язык, и мы договорились после рабочего времени оставаться на один час для тренировки в разговорной речи по-польски и по-русски. Освоение польского языка пошло настолько успешно, что я через несколько месяцев отважился выступать на сборах и совещаниях на польском языке, хотя мне еще долго не удавалось четко произносить шипящие звуки. После этого отношение ко мне резко изменилось к лучшему, меня стали чаще приглашать на учения и совещания.

Несколько раз начальник Генштаба генерал брони Ежи Бордзиловский приглашал меня сопровождать его при поездках в Приморский военный округ. В прошлом он жил в СССР, был генерал-лейтенантом Советской Армии. В общении с ним я убедился в его эрудиции и большом авторитете в войсках и на флоте. Он поразил меня знанием истории русского флота и своими вопросами ставил меня в затруднительное положение, что заставило меня заняться более глубоким изучением истории нашего флота.

Пребывание военных советников в Польше закончилось совершенно неожиданно. В конце апреля 1959 года всех шестерых военных советников и генерала С. В. Чернышева принял министр национальной обороны ПНР генерал брони Мариан Спыхальский. Он объявил, что надобность в советских военных советниках отпала, вручил нам подарки и пожелал первомайские праздники встретить в Москве.

Несмотря на ограниченное время для сборов из-за ультимативного срока отъезда из Польши, мне удалось встретиться и попрощаться с Людвиком Янчишиным, командующим флотом ПНР вице-адмиралом Здиславом Студзинским, начальником морского отдела Генштаба командором Куберой. Состоялся доверительный прощальный разговор с начальником Генштаба генералом брони Ежи Бордзиловским. Тепло попрощался с представителями 10-го Главного управления Генштаба ВС СССР генерал-лейтенантом Сергеем Васильевичем Чернышевым и работниками его аппарата.

И мы действительно приехали в праздничную Москву 1 Мая. В 10-м Главном управлении Генштаба я несколько дней трудился над объемным отчетом о деятельности в польском Генштабе, после чего меня направили в управление кадров ВМФ, где меня «обрадовали», что нет пока вакантных должностей, и отпустили в Ленинград. Здесь у нас была комната в новом доме на Васильевском острове, которую выделили перед отъездом в Польшу. Волокита с моим назначением длилась более двух

месяцев, и я совершил за это время несколько поездок из Ленинграда в Москву.

…Следующая встреча с Людвиком Янчишиным состоялась только через 15 лет, в июле 1973 года, когда он, будучи вице-адмиралом, командующим флотом ПНР, приезжал с женой Мечиславой отдыхать в Гурзуфский военный санаторий. Об их приезде я узнал от командующего флотом адмирала В. С. Сысоева, предложившего оказать им внимание и заботу во время пребывания в Крыму. Я с удовольствием составил программу, где первым пунктом значилась морская прогулка на штабном катере «Альбатрос» вдоль Крымского побережья.

На катере, хорошо подготовленном к походу, перешли в Ялту и ошвартовались у мола. Адмирал В. С. Сысоев и вице-адмирал Б. Е. Ямковой с женами приехали на автомобилях в санаторий «Ялта», где встретились с четой Янчишиных, и оттуда поехали к катеру. В. С. Сысоев и Б. Е. Ямковой знали о моем знакомстве с польскими гостями, но ничего им не сказали, чтобы наша встреча была сюрпризом.

Выйдя из подъехавшей к катеру машине, Людовик сразу узнал меня и бросился обниматься. Прогулка прошла интересно и увлекательно, погода была прекрасной, на море штиль. В этой обстановке нам наедине поговорить не удалось. Во время обеда было много тостов, я произнес тост в адрес гостей на польском языке, чем привел их в восторг, а Виктора Сергеевича и Бориса Ефремовича — в удивление. Особенно радовалась жена Людвика Мечислава, которая плохо знала русский язык, и для которой я стал переводчиком. Наши гости остались очень довольны приемом и прогулкой.

Через неделю мне было поручено доставить Янчишиных в Севастополь на День ВМФ, а на другой день сопровождать на машине в Гурзуф. Во время этих поездок мы наговорились досыта, вспоминая былое. Людвик поделился новостями о состоянии своей «маринарки военной», о ее кадрах, о своей службе и жизни. В Гурзуфе мы еще долго откровенно беседовали. Польские гости были в восторге от приема командующим флотом, от всего увиденного в День ВМФ.

Командование бригадами кораблей ОВРа (июль 1959 — апрель 1962 г.)

Я просился на Северный флот, но наконец-то мне предложили должность начальника штаба дивизии ОВРа на Тихоокеанском флоте, и я согласился.

Вечером одного из дней начальник управления кадров ВМФ контр-адмирал М. И. Антонов пошел подписывать приказ о моем назначении к Главкому ВМФ, оставив меня в кабинете ждать его возвращения. Вскоре дежурный по управлению передал приказание немедленно прибыть в приемную Главкома и рассказал, как туда пройти.

Пришел туда, меня сразу направили в кабинет Главкома. Адмирал С. Г. Горшков, которому я представился, поднялся с кресла, вышел мне навстречу, поздоровался и указал мне место у приставного столика, у которого я сел.

Сначала он меня поблагодарил за службу в Польше. (Потом мне сказали, что Горшков ознакомился с присланным в ГШ ВМФ моим докладом, который ему понравился). А потом спросил, где мне предлагали должность, кроме Севера и Дальнего Востока. Я ответил отрицательно. Тогда он спросил М. И. Антонова: «А для кого вы держите должность в Керчи?» И тот ответил, что командующий Черноморским флотом адмирал В. А. Касатонов настаивает назначить своего кандидата. Тогда Главком обратился ко мне с вопросом: «В Керчь пойдешь?» Это было для меня полной неожиданностью, так как я не знал, что это за должность и сказал, что готов служить там, где прикажет Главком. Так 3 июля 1959 года я был назначен командиром 108-й бригады кораблей ОВРа Керчь-Феодосийской ВМБ.

После предоставленного мне отпуска 19 августа 1959 года я прибыл в Керчь, где ознакомился с обстановкой, и поехал в Феодосию представляться командиру КФ ВМБ контр-адмиралу М.Г. Томскому, начальнику штаба капитану 1 ранга В. Крылову и начальнику политотдела капитану 1 ранга П. Домрину. Вернувшись в Керчь, заслушал доклады начальников штаба и политотдела капитанов 2 ранга Георгия Малявко и Георгия Осинова. В тот же день доложил командиру КФ ВМБ о вступлении в командование бригадой.

По своему составу она была небольшой, всего два дивизиона: «больших охотников», тральщиков и береговая база. Однако я в Керчи был не только командиром бригады, но также старшим морским начальником и начальником гарнизона. А гарнизон в

Керчи был довольно большим, в него входили: истребительная авиадивизия флота, школа младших авиационных специалистов ВВС ВМФ, стрелковый полк дивизии Одесского военного округа, дивизион строящихся кораблей в Камыш-Буруне, флотская штрафная рота и флотские склады в Керчь-крепости, отдел тыла КФ ВМБ, гидрографический район флота, отряд аварийно-спасательных судов КФ ВМБ, 130-мм артиллерийская батарея на мысе Панагия, гарнизонная комендатура с гауптвахтой. Я сразу почувствовал, что гарнизонные дела стали отнимать у меня времени больше, чем дела бригады кораблей ОВРа.

До конца года мне удалось совершить штурманский поход на тральщике по всем портам Азовского моря с заходом в город Ростов-на-Дону, побывать на дивизионе тральщиков во время проведения им траления в Азовском море, провести зачетное учение бригады с хорошими результатами.

С удовлетворением вспоминаю благожелательное отношение городских властей к бригаде и гарнизону. В декабре меня избрали депутатом городского Совета и ввели в состав исполкома. В октябре мне выделили двухкомнатную квартиру в новом городском доме, и жена приехала ко мне.

Служба и жизнь в Керчи мне понравились, но, к сожалению, она оказалась кратковременной.

Как гром среди ясного неба мы восприняли пагубную хрущевскую реформу по резкому сокращению Вооруженных Сил, принятую печально известным решением четвертой сессии Верховного Совета СССР в начале 1960 года. В соответствии с ней было принято решение расформировать 108-ю БКОВРа в Керчи и 109-ю БКОВРа в Новороссийске, 17-ю бригаду опытовых кораблей в Феодосии и сформировать вместо них 141-ю бригаду кораблей ОВРа и обеспечения испытаний (сокращенно 141-ю БКОВРа и ОИ). Расформирование бригад длилось более двух месяцев, формирование новой бригады было возложено на командира бывшей 17-й БОК Героя Советского Союза капитана 1 ранга В. С. Пилипенко. Была уверенность, что он и будет назначен ее командиром. И вдруг неожиданно для многих, в том числе и для меня, приказом ГК ВМФ от 13 мая 1960 года командиром 141-й БКОВРа и ОИ был назначен я.

Закончив ликвидационные процедуры по 108-й БКОВРа, я 23 августа переехал в Феодосию и вступил в командование новой бригадой. Это было уникальное формирование разнотипных кораблей и судов, сведенных в пять дивизионов. Один из них — дивизион консервации — базировался в Керчи, а остальные дивизионы — в Феодосийском военном порту. Всего в бригаде

кораблей, судов, плавсредств, мишеней насчитывалось 108 единиц. Много времени, сил и здоровья потребовалось для того, чтобы бригада обрела стабильность и устойчивость. В этом мне активно помогали штаб бригады, начальником которого был капитан 1 ранга Григорий Свириденков, и политотдел во главе с капитаном 2 ранга Петром Бабенко.

Выходы кораблей и судов на обеспечение испытаний были почти ежедневно, и эта задача стала для бригады главной. Но и боевая подготовка в базе и в море проходила планомерно.

За время командования бригадой было проведено несколько учений по поиску подводных лодок на подходах к Феодосийскому заливу и Керченскому проливу, два штурманских похода на СКР «Горностай» вдоль Кавказского побережья и по маршруту Феодосия-Севастополь-Евпатория-Одесса-Николаев. Штаб и политотдел бригады были переселены с кораблей в построенное в кратчайшие сроки береговое здание. Четко работала береговая база, командиром которой был опытный хозяйственник майор Василий Евсеев, в 1961 году приказом командующего флотом она была объявлена лучшей береговой базой на флоте. Часть устаревших кораблей и судов, включая крейсер «Красный Крым», была списана и переведена в Севастополь на разделочную базу для разборки на металлолом.

Конечно, было и много неприятностей, связанных с грубыми нарушениями воинской дисциплины, недостойным поведением отдельных военнослужащих на берегу. Но мы делали самокритичные выводы, устраняли упущения, и нам удалось изжить многие негативные явления и стабилизировать обстановку.

На противолодочном полигоне (апрель 1962 — декабрь 1969 г.)

В начале 60-х годов, в разгар «холодной войны», руководство СССР и Вооруженных Сил пришло к выводу о возросшей опасности для страны с океанских и морских направлений, с которых ракетные подводные лодки и самолеты палубной авиации авианосцев могут поражать все важные объекты на нашей территории. Было отмечено серьезное отставание в развитии наших противолодочных сил. ЦК КПСС и Совет Министров приняли совместное объемное постановление о ликвидации этого отставания и принятии эффективных мер для снижения «лодочной» опасности.

Согласно этому постановлению приступили к увеличению количества строящихся надводных и подводных противолодочных кораблей, самолетов и вертолетов, к разработке новых противолодочных комплексов. В Главном штабе ВМФ было создано управление (на флотах — отделы) противолодочных сил, была учреждена должность заместителя ГК ВМФ по противолодочным силам. Минно-торпедное управление ВМФ преобразовано в управление противолодочного вооружения (УПВ), а Керчь-Феодосийская ВМБ — в 31-й научно-испытательный центр (НИЦ-31).

На базе небольшого минно-торпедного полигона в Феодосии был создан противолодочный полигон в составе двух управлений. Начальником 1-го управления полигона, занимающегося испытаниями противолодочного ракетного и торпедного оружия, в апреле 1962 года был назначен я, считавшийся опытным противолодочником. В управлении было пять отделов, которые в короткие сроки были укомплектованы офицерами, ставшими испытателями.

Для испытания противолодочных ракет на территории полигона был построен монтажно-испытательный корпус (МИК), оснащенный новейшими оборудованием и аппаратурой, с помощью которых проводилась подготовка ракет к натурным испытаниям. Испытания противолодочных торпед проводились на торпедном заводе, расположенном в поселке Орджоникидзе в бухте Двуякорной.

Когда я прибыл на полигон, то сразу включился в начавшиеся испытания противолодочного комплекса «Вихрь» — уже был произведен первый пуск ракеты с пусковой установки, установленной на мысе Чауда. Пролетев заданную дистанцию,

ракета приводнилась и на глубине 20 метров зарылась глубоко в грунт. Требовался обязательный подъем ракеты для извлечения блока, в котором была вся информация о полете ракеты и работе автоматики ее специальной боевой части.

Водолазы быстро нашли точку вхождения ракеты в грунт, который по оси следа стали размывать гидромониторами. Однако эта работа затянулась на несколько месяцев — часто мешала штормовая погода. Конструкторы стали обвинять флот в неспособности поднять ракету и в задержке испытаний. Хоть я и не имел опыта в проведении испытаний, но понял, что такой способ получения необходимой информации к успеху не приведет. По нашему требованию о необходимости поиска другого способа извлечения необходимой информации, поддержанному управлением противолодочного вооружения ВМФ, конструкторы разработали такой способ, при котором информационный блок после приводнения ракеты отделялся от нее, всплывал на поверхность и затем вылавливался катером. На разработку этого изобретения и его испытание ушло больше года, но затем испытания пошли быстрее и закончились успешно.

Государственные испытания ракетного противолодочного комплекса «Вихрь» проводились с противолодочного крейсера «Москва», который в конце 1967 года принимался в состав флота Государственной комиссией. После доклада председателя комиссии по «Вихрю» — начальника противолодочного полигона контр-адмирала С. Н. Котова противолодочный ракетный комплекс «Вихрь» был принят на вооружение надводных кораблей.

Наиболее сложной и трудной была работа по созданию и испытаниям ракетного противолодочного комплекса «Вьюга», предназначенного для вооружения подводных лодок.

Согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О разработке новых образцов противолодочного оружия и улучшении организации в этой области», принятому в 1960 году, головной организацией по этому комплексу было определено ОКБ-9, которое возглавлял Герой Социалистического Труда генерал-лейтенант Ф. Ф. Петров, а разработка бортовой аппаратуры управления возлагалась на НИИ-25 Госкомитета по авиационной технике. Работы по созданию стенда и опытной подводной лодки были поручены Ленинградскому СКБ-143.

Работа по проектированию ракеты в ОКБ-9 продвигалась очень медленно и была признана неудовлетворительной. Головным разработчиком стало ОКБ главного конструктора Л. В. Люльева, которое до этого занималось созданием армейских зенитных комплексов. Благодаря энергии, настойчивости и

организаторской хватке нового главного конструктора работы по созданию комплекса «Вьюга» пошли более плодотворно. Изготовленные опытные образцы ракеты начали поступать на наш полигон. Отработка и испытания стартового двигателя проводились с погружаемого стенда на полигоне в районе мыса Фиолент, а автоматика СБЧ испытывалась сбрасыванием головной части с самолета в районе мыса Меганом. При этом, как и в испытаниях по «Вихрю», информационный блок после приводнения всплывал, издавая радиосигнал, по которому его находил и поднимал катер-торпедолов. Основные испытания ракеты в целом производились с подводной лодки С-65 проекта 613, переоборудованной пусковыми установками для ракет «Вьюга», эта ПЛ после модернизационных работ стала называться проектом 613 РВ. Для связи с подводной лодкой в подводном положении было дооборудовано средствами звукоподводной связи спасательное судно СС-15.

Первый пуск ракеты состоялся 20 мая 1966 года и был неудачным. Ракета, выйдя на поверхность моря, упала и затонула. Но была получена ценная информация, установлены причины случившегося и приняты конструктивные меры по их устранению. До конца года в ходе испытаний был проведен 21 пуск. Некоторые из них были неудачными из-за конструкторских недостатков по ракете, но больше по бортовой системе управления. Однако они быстро устранялись.

В марте 1968 года комплекс «Вьюга» был представлен на государственные испытания. Председателем комиссии был назначен первый заместитель командующего флотом вице-адмирал В. С. Сысоев, который провел первое заседание Госкомиссии 12 апреля. За весь период испытаний инженеры-испытатели исполняли свои обязанности с огромным напряжением, добросовестно и со всей ответственностью. Не счесть, сколько мне пришлось сделать поездок в Свердловск, Ленинград и Москву на различные совещания, проводимые на разных уровнях, и докладывать о ходе испытаний.

Государственные испытания комплекса «Вьюга» проходили с 16 мая по 25 июля 1968 года. Было проведено несколько пусков, в том числе и последний заключительный пуск, оказавшийся удачным. 14 августа состоялось заключительное заседание комиссии, на котором был подписан акт о завершении испытаний. Председатель комиссии вице-адмирал В. С. Сысоев подписал подготовленное мной донесение в адрес заместителя председателя Совета Министров Л. В. Смирнова и ГК ВМФ С. Г. Горшкова об успешном завершении государственных испытаний. Ракетный противолодочный комплекс «Вьюга» в августе 1969 года

был принят на вооружение и установлен на подводных лодках проектов 705, 705К, 671, 671 РТ, 671 РТМ.

Одновременно с испытаниями комплекса «Вьюга» создавалась и испытывалась контрольная аппаратура (АКИПС), которая позволяла определять состояние всех параметров ракет при их хранении. Эта аппаратура создавалась Киевским КБ, расположенным на заводе имени Артема. Я был назначен председателем комиссии по испытаниям, которые прошли успешно, и акт об их окончании был подписан в Киеве 16 июня 1969 года.

В конце 1968 года началась подготовка к испытаниям противолодочного ракетного комплекса «Метель» (главный конструктор А. Я. Березняк). Первый пуск ракеты состоялся с пусковой установки, размещенной на берегу в Солнечной долине (поселок Лагерное), в присутствии ГК ВМФ. К радости всех присутствующих, пуск прошел успешно. Ракета пролетела заданную дистанцию, сброшенная торпеда приводнилась и навелась на подводную лодку-цель.

В июне 1969 года начались испытания ракетного комплекса «Водопад» (главный конструктор Л. В. Люльев), но я активного участия в их проведении не принимал в связи с отпуском и завершением службы на противолодочном полигоне.

Важным событием явился показ новых противолодочных кораблей и новых противолодочных комплексов руководству Министерства обороны, который тщательно готовился с проведением тренировок в море. Этот показ состоялся 23 мая. Министр обороны Маршал Советского Союза А. А. Гречко и сопровождающие его маршалы, генералы и адмиралы с ПКР «Москва» наблюдали за действиями противолодочных сил, в том числе пусками ракет «Вьюга» и «Метель». Показ прошел без сбоев, произвел хорошее впечатление и продемонстрировал, что противолодочная проблема решается успешно.

Одновременно с испытаниями корабельных противолодочных комплексов шли не менее сложные испытания авиационных противолодочных комплексов «Пурга» и «Кондор». Они проводились совместно с летно-испытательным центром ВВС ВМФ, который возглавлял генерал-майор авиации Овчаренко. С ним я был знаком со времен службы на Северном флоте, где он командовал минно-торпедной авиационной дивизией. В его подчинении находился авиационный полк, который базировался на аэродроме Кировское, в 25 км от Феодосии. Это значительно облегчило прибытие самолетов на испытания авиационных противолодочных комплексов. Испытания прошли успешно, и комплексы были приняты на вооружение противолодочной

авиации ВМФ.

Хотя испытательная работа мне нравилась, а общение с видными учеными и конструкторами повышало интеллект, но бесперспективность службы на полигоне не доставляла полного удовлетворения. Как-то незаметно наступал пенсионный возраст, и я стал задумываться о возможном увольнении в запас.

Однажды в октябре позвонил начальник отдела кадров ЧФ капитан 1 ранга Н. Ф. Баранов и спросил, как я отнесусь к предложению о назначении меня начальником штаба тыла флота. Это было полной неожиданностью. Я не представлял объема работы в этой должности и попросил дать время для раздумий. Но через несколько дней мне было сделано официальное предложение, и после беседы с начальником тыла флота контр-адмиралом Ф. В. Измайловым и начальником политотдела тыла капитаном 1 ранга А. Ф. Морозовым я дал согласие. Приказ ГК ВМФ о назначении был подписан 8 декабря.

В тылу Черноморского флота (декабрь 1969 — май 1979 г.)

Сдав дела и простившись с сослуживцами, 22 декабря 1969 года я прибыл в Севастополь и приступил к исполнению обязанностей начальника штаба тыла флота. Меня представили офицерам штаба и политотдела, начальникам управлений, отделов и служб. Со многими из них я был знаком по предыдущей службе. Я доложил о своих биографических данных и прохождении службы и признался, что я новичок в тыловой службе, попросил оказать мне содействие и помощь в быстрейшем освоении новых для меня обязанностей.

Разместился я в гостинице тыла флота, жена осталась в Феодосии до получения квартиры, которую выделили только в марте следующего года в новом доме, построенном городом на проспекте Гагарина.

Оперативно и детально ознакомился с объемом и стилем работы штаба, побеседовал со всеми его офицерами, побывал на ТПУ, оборудованном в казематах бывшей береговой батареи, на узле связи тыла, а также на основных объектах тыла флота. По вечерам и в выходные дни изучал документы, регламентирующие деятельность тыловых органов. В начале января 1970 года объездил все склады Феодосийского отдела тыла, а также склады в Керчи и Семигорье под Новороссийском.

Меня поразила масштабность тыла флота и многообразие задач, возложенных на его органы. В его состав входили: органы вооружения и судоремонта, инспекции котлонадзора и измерительных приборов, которые замыкались на заместителя начальника тыла — начальника ВИС флота; органы общевойскового снабжения (продовольственный, вещевой и топливный отдел, ветеринарная служба и управление военной торговли), замыкающиеся на заместителя начальника тыла по ОВС; отделы и службы, подчиненные непосредственно начальнику тыла флота (морская инженерная служба, отделы: медицинский, химической, автотракторный, радиотехнический, военных сообщений, туризма и противопожарная служба). На начальника тыла флота замыкалось даже военно-охотничье общество, которое, как я потом убедился, доставляло хлопот и забот не меньше, чем другие тыловые органы. Будучи заместителем командующего флотом по тылу, начальник тыла флота отвечал за деятельность тыловых органов объединений и соединений флота, военно-морских баз.

Во время представления командующему флотом вице-адмирал В. С. Сысоев поинтересовался, как я «врастаю» в обстановку и осваиваю должность. Высказал свои рекомендации и советы, на что надо обратить больше внимания и контроля. Побеседовал я и со всеми членами Военного совета. Тем временем начались сборы в группах командующего флотом и начальника тыла флота, трехдневные сборы союзных флотов, в которых пришлось активно участвовать. А в феврале 1970 г. был в Ленинграде на семидневных сборах под руководством заместителя Министра обороны — начальника Тыла Вооруженных Сил, и в Москве на трехдневных сборах под руководством начальника тыла ВМФ.

Серьезные испытания выпали на тыл флота и его штаб при проведении в апреле-мае 1970 года крупномасштабных маневров «Океан» с участием всех четырех флотов под руководством Главнокомандующего ВМФ Адмирала Флота Советского Союза С. Г. Горшкова. Все это время штаб тыла находился на тыловом пункте управления (ТПУ) с развернутыми тыловыми постами отделов и служб, с которых проводилось тыловое обеспечение сил флота в Черном море и кораблей эскадры в Средиземном море.

Новшеством в тыловом обеспечении стало создание плавучего тыла в Средиземном море под руководством капитана 1 ранга Бочарова, развернувшего командный пункт на плавмастерской. За его работой наблюдал посредник в тылу флота начальник кафедры тыла Военно-морской академии контр-адмирал Г. Д. Дьяченко, положительно оценивший опыт создания плавучего тыла.

В ходе маневров было проведено зачетное учение тыла флота и учение по местной обороне главной базы флота, которые прошли успешно. Тыл флота и его штаб выполнили все задачи по тыловому обеспечению, а мне была вручена Почетная грамота ГК ВМФ с благодарностью за успехи в маневрах ВМФ «Океан».

Осенью под руководством командующего флотом состоялся многодневный сбор-поход отряда кораблей. В походном штабе я возглавлял тыловой пост, который выполнил все вводные по обеспечению кораблей топливом, водой и продуктами и получил хорошую оценку.

19 декабря, во время моего отпуска, неожиданно и срочно вызвал меня командующий флотом и объявил, что намерен на Военном совете флота поставить вопрос о моем назначении вместо контр-адмирала Ф. Д. Измайлова, который переводится на должность заместителя командующего флотом по гражданской обороне. Затем спросил, как я оцениваю состояние тыла флота.

Я ответил, что в работе тыла есть недостатки, но его персонал выполняет свои обязанности добросовестно, что обустроенность в тылу требует коренного улучшения. На другой день меня вызвали на заседание Военного совета флота, на котором все его члены высказали свое согласие на мое назначение.

25 декабря я прилетел в Москву, где был принят Главкомом, который в присутствии начальника управления кадров ВМФ контр-адмирала Ю. С. Бодаревского задал много вопросов по проблемам тылового обеспечения. Мне показалось, что он остался доволен моими ответами, а в заключение сказал, что представление флота о моем назначении будет рассмотрено, и разрешил возвращаться в Севастополь.

После выхода из кабинета ГК ВМФ меня направили к начальнику ГШ ВМФ адмиралу флота Н. Д. Сергееву. Он обрисовал обстановку с моим назначением. Кандидатов набралось 10 человек. Главком предпочитает назначать начальниками тылов флотов командиров военно-морских баз, прецедента назначения на такую должность начальника штаба тыла еще не было. Потом он добавил, что моей работой он доволен и будет поддерживать мою кандидатуру. Затем со мной беседовали адмирал В. М. Гришанов и вице-адмирал Г. Г. Олейник.

В середине января нового, 1971 года меня вызвали в Москву на второй тур «смотрин», во время которого в течение трех дней со мной беседовали: в Главном управлении кадров Министерства обороны контр-адмирал Голенко, генерал-лейтенант Ковтунов и генерал-полковник Лукашин; в Главном политуправлении СА и ВМФ генерал-полковник Ефимов; в отделе административных органов ЦК КПСС генерал-майор Волков и капитан 1 ранга Падорин. В конце беседы они сказали, что я могу возвращаться и ждать приказа о назначении.

В январе-феврале 1971 года я фактически исполнял обязанности и начальника штаба, и начальника тыла флота, так как контр-адмирал Ф. Д. Измайлов в основном изучал вопросы гражданской обороны и руководил жилищной комиссией, которую возглавлял.

Приказом Министра обороны № 0246 от 6 марта 1971 года я был назначен заместителем командующего Черноморским флотом по тылу — начальником тыла флота и членом Военного совета флота. Об этом было объявлено приказом по флоту и на совещании руководящего состава тыла флота. Вместо меня начальником штаба тыла флота был назначен капитан 1 ранга А. Е. Коваленко (с должности начальника оперативного отдела

штаба Камчатской флотилии, а до этого служивший на эскадре Черноморского флота). Он прибыл 1 мая, и после беседы я разрешил ему пойти в отпуск, а его обязанности продолжал исполнять заместитель, капитан 1 ранга В. А. Раевский.

В конце апреля стало известно, что в июне будет проведено крупное оперативно-стратегическое командно-штабное учение на юго-западном направлении, получившее наименование «Юг», с участием Одесского и Закавказского военных округов, Черноморского флота и Каспийской флотилии под руководством Министра обороны. В Севастополе размещался штаб руководства, а также Главкомы видов Вооруженных Сил с оперативными группами и подвижными узлами связи. Было утверждено наше предложение — основным местом размещения участников учения избрать помещения и территорию Черноморского ВВМУ им. П. С. Нахимова.

В спешном порядке начались работы по переоборудованию и ремонту всех зданий силами строительного управления и Морской инженерной службы, оснащению рабочих кабинетов мебелью. Учебный процесс в училище был приостановлен. Курсанты отправлены в учебное плавание и в отпуска. Были отремонтированы гостиница тыла и столовые военторга, собран со всего флота легковой автотранспорт. Все эти подготовительные работы проводились круглосуточно под строгим контролем командующего флотом адмирала В. С. Сысоева, принимавшего необходимые решения.

За это время было проведено много смотров и осмотров высоким начальством всех рангов, давались указания об организации дополнительных работ.

В начале июня стали прибывать участники учения, а их оказалось больше, чем планировалось, особенно за счет увеличения обслуживающего персонала. Мне было поручено встретить и сопровождать заместителя Министра обороны — начальника Тыла Вооруженных Сил генерала армии С. С. Маряхина, прилетевшего на аэродром Бельбек с большой группой генералов и офицеров штаба и центральных управлений тыла. На катере «Альбатрос» я доставил его в Омегу, где разместил на большой даче вместе с другими заместителями Министра обороны и Главкомами. Он вместе с начальником тыла ВМФ обошел апартаменты, отведенные Министру обороны, на вертолете облетел районы учений, где его больше интересовали вопросы размещения и питания руководства учения. Никаких замечаний генерал армии не сделал.

С началом КШУ был развернут ТПУ, а с получением задания начали готовить решения по тыловому обеспечению на картах и

тексты докладов по ним. Кроме забот по обеспечению участников учения, начались вызовы на доклады этих решений командующему флотом, начальнику тыла ВМФ и начальнику Тыла Вооруженных Сил, Главнокомандующему ВМФ.

У Министра не нашлось времени заслушать руководство нашего флота в Севастополе, и мы летали на аэродром в Гудауту, где в самолетном ангаре состоялось заслушивание. Министр обороны с Главкомом ВМФ на крейсере «Дзержинский» выходили за Проливную зону и в точке № 10, где собрались корабли эскадры, встречались с экипажами кораблей. Нареканий и замечаний по обслуживанию этого похода не было. Министр остался доволен.

Огромное напряжение с постоянным недосыпанием продолжалось до 19 июня, когда в клубе училища был проведен разбор учения. О ходе учения и оценках решений участников в течение часа доложил начальник штаба руководства первый заместитель Министра обороны генерал армии С. Л. Соколов. Затем с четырехчасовой речью, сопровождавшейся кадрами кинофильма, снятого до и в ходе учения, выступил Министр обороны Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Наш флот получил хорошую оценку. В заключение своего выступления он поблагодарил командующего флотом адмирала В. С. Сысоева «за прекрасные условия, созданные для участников учения», и особо подчеркнул, что он «не знает ни одного случая, когда можно было бы сделать замечание по фактическому тыловому обеспечению». Об этом Министр обороны еще раз сказал на приеме, организованном в столовой училища, на который было приглашено 150 человек. После проводов Министра обороны Главнокомандующий ВМФ собрал Военный совет флота, высказал свои выводы и замечания, поставил задачи на ближайшее время.

В середине июля поступило приказание подготовиться к показу высшему руководству страны новых кораблей и судов, новых образцов оружия и техники, включая опытные образцы и находящиеся в проектировании, выполнить боевые упражнения в море. В начале показ был намечен на День ВМФ, но состоялся 4 августа. Для тыла подготовка к этому показу была не менее напряженной и трудной, чем во время маневров «Океан» и учения «Юг».

Местом показа были определены причалы № 12–15, которые начали приводить в порядок, а береговые помещения ремонтировать для размещения новых образцов оружия. Но помещений было недостаточно, и на причалах дополнительно поставили несколько больших палаток.

Когда корабли и суда, назначенные к показу, были кормой

поставлены к причалам, а новые образцы вооружения установлены в палатках, начались тренировки докладчиков. Командующий флотом несколько раз выходил в море для отработки эпизодов с использованием оружия. 2 августа прилетел ГК ВМФ и провел генеральную репетицию по всей программе показа.

На показ Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев пригласил руководителей стран Варшавского Договора, прибывших на встречу в Новую Ореанду. Из Ялты Л. И. Брежнев и гости совершили переход в Севастополь на двух торпедных катерах. На головном катере был Л. И. Брежнев, Министр обороны и ГК ВМФ, а остальные — на втором катере. На кораблях и судах, стоящих в Севастопольской бухте, личный состав, одетый по форме № 1, был построен по большому сбору. Когда катер прошел боны, раздались громкие возгласы «Ура!». Вместе с Л. И. Брежневым прибыли Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, первый секретарь ЦК КПУ П. Е. Шелест, секретари ЦК КПСС Пономарев и Катушев, а также Тодор Живков, Эрих Хонеккер, Густав Гусак, Эдвард Герек, Юмжагийн Цеденбал.

Когда прибывшие сошли на причал, адмирал В. С. Сысоев отдал рапорт Л. И. Брежневу, который обошел строй почетного караула, а потом поздоровался за руку с находившейся на причале большой группой адмиралов и генералов ВМФ. После блестящего прохода почетного караула первым эпизодом показа был выход катера на воздушной подушке с морскими пехотинцами на борту на берег в конце причала на приготовленную заранее площадку. Морпехи быстро десантировались на берег, построились, подошли к Л. И. Брежневу, и командир взвода бодро доложил, что взвод готов выполнить любое задание партии и правительства. Л. И. Брежнев поздоровался с ним и со взводом, поблагодарил за службу Родине.

Потом начался обход кораблей, командиры докладывали о кораблях и отвечали на вопросы, которые задавал только Л. И. Брежнев. Таким же порядком прошел осмотр вооружения и боевой техники. Затем на катерах перешли на ПКР «Ленинград». Л. И. Брежнев поздоровался с экипажем и произнес короткую речь, после чего крейсер вышел в море.

Показ боевых упражнений, длившийся почти 2 часа, прошел успешно. Мастерство моряков вызвало восхищение у руководства страны и гостей.

Около 16 часов наступило время для несколько запоздалого обеда. На обеде первым выступил маршал А. А. Гречко, а после

него командир корабля капитан 1 ранга Звездовский, затем адмирал В. С. Сысоев, Главнокомандующий ВМФ Адмирал Флота Советского Союза С. Г. Горшков, Тодор Живков и Эдвард Герек. Большую речь произнес Л. И. Брежнев. Она была яркой и произвела глубокое впечатление. У меня сохранилась дневниковая запись этого выступления, и я кратко приведу его содержание с небольшим сокращением.

«Мы всегда уделяли и уделять будем достойное внимание Вооруженным Силам как основной силе, обеспечивающей нашу безопасность. Но нам нужны для этого огромные средства. Никогда наш народ не сетовал на нас за средства, вкладываемые в оборону. Но нам не безразлично, куда они идут, по правильному ли пути идет развитие Военно-Морского Флота. Мы хотели в этом убедиться, и мы действительно убедились, что флот развивается правильно, что его мощь неизмеримо возросла, что нашей промышленности по силам постройка любого корабля. Мы только что увидели, что корабли находятся в надежных руках, что личный состав флота успешно решает задачи боеготовности и надежно защищает интересы нашей Родины».

В заключение он поднял тост за Военно-Морской Флот, за весь его личный состав, за руководство Военно-Морского Флота и Вооруженных Сил.

После обеда на верхней палубе состоялся концерт флотских артистов, в ходе которого рослый и красивый старшина 1 статьи вручил Л. И. Брежневу тельняшку и бескозырку, которую тот надел и оставался в ней до конца концерта. Участники показа находились в приподнятом настроении. После окончания показа командующий флотом поблагодарил тыловиков за хорошее обеспечение и отличное обслуживание.

В сентябре, когда мое пребывание с Гурзуфском военном санатории подходило к концу, мне сообщили, что я зачислен на учебу на двухмесячные курсы руководящего состава (КРС) при Военно-морской академии с началом занятий 1 октября. Приехав в Ленинград с женой, мы поселились в квартире моего товарища Героя Советского Союза капитана 1 ранга А. А. Обухова, уезжавшего преподавать военно-морское искусство в египетской академии. Было удобно — дом находился рядом с академией. Обуховы на наше попечение оставили дочь — студентку ЛГУ.

На нашем курсе было 20 слушателей, группа замыкалась на начальника АКОСа вице-адмирала Д. Кутая, а старшиной был назначен подводник контр-адмирал И. Карачев, прибывший с Северного флота. Занятия проходили интересно и поучительно, лекции читали начальники кафедр и заслуженные преподаватели,

делая упор на изучение современных взглядов на развитие военно-морских сил и их боевое использование. По тыловым проблемам лекции читал, хотя и сухо, но содержательно, начальник кафедры тыла контр-адмирал Г. Д. Дьяченко — доктор военно-морских наук.

К началу нового учебного года я возвратился в Севастополь, присутствовал на церемонии его открытия в бригаде аварийно-спасательных судов, но не успел войти в курс дела, как было приказано вылететь в Ленинград на сборы руководящего состава Тыла Вооруженных Сил, посвященные подведению итогов за прошедший год. Генерал армии С. С. Маряхин положительно отозвался о работе тыла Черноморского флота и назвал его примерным. Пришлось выступить и мне, поделиться опытом деятельности нашего тыла.

В январе 1972 года случилось позорное происшествие, когда сухогрузное судно «Иргиз», следовавшее в Средиземное море с продовольствием и товарами военторга (около 200 тонн), в Мраморном море выскочило на камни острова Мармары. Произошло это по преступной халатности капитана судна Савельева. Принятыми мерами «Иргиз» был снят с камней, отбуксирован в Севастополь. С помощью начальника ГТУ ВМФ адмирала В. Г. Новикова судно поставлено в ремонт, и в конце года оно вновь вступило в строй. Из этого случая я сделал для себя выводы и стал больше уделять внимания и времени подготовке капитанов и штурманов, воспитанию ответственного отношения к своим обязанностям, усилению контроля за подготовкой судов к выходу на боевую службу. Был заменен командир бригады вспомогательных судов. В результате принятых мер обстановка на вспомогательном флоте изменилась к лучшему, больше аварийных происшествий не было.

Меня давно беспокоило наличие большого количества боеприпасов и взрывчатых веществ на категорированных объектах, и я поставил вопрос перед Военным советом флота о вывозе их в удаленные районы Крыма, где для создания хранилищ была сформирована нештатная строительная бригада.

Мне удалось добиться, чтобы зачетные тыловые учения проводились не осенью, а весной, — тыл должен быть боеготов раньше других соединений флота.

В канун Дня Победы командующий флотом первым поздравил меня с присвоением звания контр-адмирал и выразил уверенность, что теперь тыл будет работать еще лучше. Я был очень взволнован, понимая, какое важное значение для меня имеет этот день.

Через несколько дней мне вручили письменные поздравления

от Министра обороны Маршала Советского Союза А. А. Гречко, его заместителей Маршала Советского Союза И. И. Якубовского и генерала армии С. Л. Соколова, Главнокомандующего ВМФ Адмирала Флота Советского Союза С. Г. Горшкова, начальника Генерального штаба генерала армии В. Г. Куликова, первого заместителя ГК ВМФ адмирала флота В. А. Касатонова, начальника Главного штаба ВМФ адмирала флота Н. Д. Сергеева, начальника Главного управления кадров генерал-полковника А. Т. Алтунина, члена Военного совета ВМФ — начальника политуправления адмирала В. М. Гришанова.

В конце июля, когда мой отпуск в санатории «Архангельское» подходил к концу, мне сообщили, что на флот на месяц раньше, в начале августа, прибывает инспекция Тыла Вооруженных Сил. Я возвратился в Севастополь и организовал подготовку к инспекции.

8 августа на вокзале я встретил многочисленную инспекцию, которую возглавлял заместитель начальника Тыла Вооруженных Сил генерал-лейтенант М. И. Пономарев. Разместив генерала в домике на ул. Суворова, 8, я повел его к командующему флотом, которому он доложил план проверки флота по тыловым вопросам.

После моего доклада началась всесторонняя проверка, которая продолжалась 23 дня. На разбор итогов инспекции прилетел новый заместитель Министра обороны — начальник Тыла Вооруженных Сил генерал-полковник С. К. Куркоткин, недавно назначенный вместо скоропостижно скончавшегося генерала армии С. С. Маряхина. Оценка тыла флота была положительной, хотя недостатков выявлено много, о чем был составлен объемный акт инспекции. А в сентябре группа инспекторов, возглавляемая адмиралом Н. И. Шибаевым, почти месяц проверяла состояние судоремонта на флоте и составила в целом благожелательный акт.

Закончилась моя трехлетняя служба в тылу флота, во время которой удалось более глубоко познать все стороны многогранной деятельности по тыловому обеспечению, самокритично отнестись к своей работе. Многие мероприятия повторялись из года в год, поэтому остановлюсь только на памятных и значительных событиях.

В мае-июне 1973 года состоялись два крупных учения: «Запад-73» под руководством Министра обороны и «Крым-73» под руководством ГК ВМФ. Мой доклад генералу армии С. К. Куркоткину был одобрен.

Во время моего доклада Главкому решения по тыловому обеспечению кораблей в Средиземном море его больше всего

интересовало, как будут доставляться туда оружие и боеприпасы. Я доложил, что частично эту проблему в связи с отсутствием на флоте специальных судов можно решить с помощью использования транспортов типа «Бежица» Одесского морского пароходства. В настоящее время для загрузки оружием подготовлены пять транспортов с оборудованием, хранящимся на складах пароходства, было проведено два учения. Сейчас в ходе учения мы призвали транспорт «Иван Вислобоков», загрузили его зенитными ракетами, торпедами, дымовыми шашками, артиллерийскими снарядами, глубинными бомбами и провели учение по их передаче на корабли в море с помощью кранового оборудования транспорта. Но пока не можем получить разрешения провести такое учение в Средиземном море. Главком внес поправки в схему загрузки и разрешил поход транспорта в Средиземное море, где с него было передано несколько зенитных ракет на надводные корабли и торпеды на подводные лодки. Решение по заблаговременной доставке горюче-смазочных материалов, воды и продовольствия не вызвало возражений.

В октябре 1973 года во время очередной арабо-израильской войны вступил в действие план усиления боевой службы в Средиземном море. Потребовались дополнительные меры по тыловому обеспечению. Особенно резко возрос расход топлива. Своих танкеров не хватало, и пришлось срочно арендовать два гражданских танкера. 22 декабря в Главном штабе ВМФ под руководством ГК ВМФ было проведено совещание по опыту этой войны и действиям 5-й эскадры. На совещании я выступил по вопросам тылового обеспечения.

Во время отдыха в Гурзуфском санатории познакомились и затем подружились с главным хирургом госпиталя им. Бурденко полковником медицинской службы Михаилом Владимировичем Шеляховским и его женой Евгенией Васильевной. Перед отъездом из санатория он осмотрел меня и жену, нашел некоторые отклонения в щитовидной железе и порекомендовал приехать в госпиталь на обследование и лечение.

В феврале 1974 года с разрешения командующего флотом вместе с женой приехали в госпиталь, где после обследования нам обоим М. В. Шеляховский оперировал щитовидки. Наше пребывание в госпитале затянулось, и мы покинули его только 7 апреля.

Во время нашего пребывания в госпитале в марте вступил в командование флотом вице-адмирал Н. И. Ховрин, сменивший адмирала В. С. Сысоева, назначенного начальником Военно-морской академии. С возвращением в Севастополь я доложил новому командующему флотом о вступлении в командование

тылом флота. После короткой беседы он отпустил меня, сказав, что в ближайшее время заслушает меня о состоянии и делах тыла флота более детально.

Началась круговерть, как и раньше, связанная с подготовкой и проведением Первомайских праздников, Дня Победы, 30-летия освобождения Крыма и Севастополя, Дней города и флота, а вслед за ними и Дня ВМФ. Летом пришлось часто сопровождать командующего флотом в его ознакомительных поездках по гарнизонам и пунктам базирования сил флота, побывали в Измаиле, Одессе, Очакове, Николаеве, Феодосии и Керчи.

1975 год начался с поездки 4 января в Ленинград на пятидневные сборы под руководством генерала армии С. К. Куркоткина и трехдневные сборы под руководством начальника тыла ВМФ, которым был назначен вице-адмирал Л. В. Мизин. Плановая инспекция Тыла Вооруженных Сил должна была проводиться в мае, но ее перенесли на конец января, и одной из задач была проверка тылового обеспечения кораблей 5-й эскадры. Началась ускоренная подготовка к приезду инспекции, и для похода в Средиземное море подготовили танкер «Ельня».

Инспекция прибыла 29 января в двух вагонах в составе 70 человек, которых мы разместили в гостинице СО МИС флота, а генерал-лейтенанта М. И. Пономарева с генерал-майором медицинской службы В. И. Агафоновым в домике на ул. Суворова, 8. После представления командующему флотом инспекция в полном составе заслушала мой доклад о состоянии тыла и тылового обеспечения флота. А 31 января генерал Пономарев с группой инспекторов в количестве 10 человек в моем сопровождении на танкере «Ельня» вышли в Средиземное море.

На переходе морем генерал ознакомился с танкером, выступил перед экипажем, капитан танкера К. И. Панов толково доложил об истории танкера и его возможностях. Средиземное море встретило нас штормовой погодой, и нам не удалось побывать на кораблях эскадры. Только в заливе Салум на танкер прибыли заместитель командира эскадры капитан 1 ранга Ушаков и начальник политотдела капитан 1 ранга Дубягин, которые подробно доложили о составе и действиях эскадры, о тыловом обеспечении кораблей, ответили на все вопросы.

Генерал был восхищен эрудицией Павла Романовича Дубягина, который доходчиво и толково рассказал о быте, нуждах моряков и трудностях несения боевой службы, о политико-моральном состоянии личного состава кораблей. Генерал поблагодарил А. П. Ушакова и П. Р. Дубягина, а они подарили инспекторам сувениры — майки с изображением Нептуна.

В Александрии инспекция проверила пункт материально-технического снабжения, побывала на всех судах (ПМ-138, ПКЗ-52, МБ-160, СС-26, ВТР-48, ПСКЛ-16) и ремонтирующихся подводных лодках, побеседовала с их экипажами. По возвращении в Севастополь генерал М. И. Пономарев после доклада командующему флотом о своих впечатлениях, о походе, который, по его словам, прошел безупречно, по телефону доложил генералу армии С. К. Куркоткину об успешном походе в Средиземное море и положительной деятельности тыла флота.

Три дня генерал М. И. Пономарев читал объемный акт инспекции (более 1.000 страниц), подготовленный группой разбора, готовил письменные короткие доклады начальнику Тыла Вооруженных Сил и Главкому ВМФ о проверке и выводах инспекции.

На расширенном заседании Военного совета флота 20 февраля генерал М. И. Пономарев доложил об итогах инспекторской проверки тыла флота, отметив, что тыловое обеспечение на флоте организовано бесперебойно и надежно, что не выявлено никаких незаконных действий должностных лиц, серьезных утрат и хищений, хотя и есть много недостатков, которые, впрочем, легко устранимы. Перед отъездом генерал-лейтенант М. И. Пономарев провел совещание с руководящим составом тыла флота, поблагодарив за помощь в работе инспекции, хорошие условия, созданные для работы, и пожелал успехов и быстрейшего устранения выявленных недостатков.

В апреле под руководством ГК ВМФ состоялось большое учение «Океан-75» с участием Северного и Тихоокеанского флотов, на котором я был назначен посредником в тылу Северного флота, где пробыл три недели. Прилетев из Североморска в Москву, с разрешения командующего флотом 24 апреля я лег на обследование после прошлогодней операции в госпиталь им. Бурденко, где в то время лежала моя жена, с которой мы вместе возвратились в Севастополь 10 мая.

В том же году в состав вспомогательного флота с Балтики прибыл комфортабельный теплоход «Надежда Крупская», который был переименован в посыльное судно «Кубань» и предназначался для доставки сменных экипажей с подводных лодок, несущих боевую службу в Средиземном море. Потом теплоход был переоборудован под госпитальное судно, и оно стало регулярно выходить в Средиземное море для оказания квалифицированной медицинской помощи больным с кораблей 5-й эскадры.

Со 2 по 6 июня летал в Новосибирск на сборы руководящего состава тыловых структур и органов под руководством начальника Тыла Вооруженных Сил, которые прошли интересно и

поучительно.

С 8 по 22 декабря инспекция Министерства обороны проверяла на флоте организацию контроля и исполнительности. Серьезных замечаний по тылу флота не было.

С 11 января 1976 года был на сборах в Ленинграде и в Москве, а с 19 января по 12 февраля лежал в госпитале им. Бурденко. Во время моего отсутствия штаб, политотдел, отделы общевойскового снабжения и управления вспомогательного флота переселились в переоборудованное здание бывшей гостиницы СО МИС.

14 марта произошел разрыв отношений Египта с СССР, и нам было приказано в месячный срок вывести из Александрии все суда, ремонтирующиеся подводные лодки и складские запасы, а также ликвидировать пункт снабжения в Мерса-Матрухе. Эта задача была возложена на командира бригады вспомогательных судов капитана 1 ранга Н. Б. Мясоедова, который ее выполнил успешно и в срок.

С 11 по 14 июня под руководством начальника Тыла Вооруженных Сил прошло большое учение с участием тылов Одесского военного округа и Черноморского флота, а также командно-штабные учения под руководством ГК ВМФ, во время которых мне несколько раз пришлось докладывать свои решения по тыловому обеспечению.

18 августа с командующим флотом адмиралом Н. И. Ховриным летал в Донузлав, где заканчивалось формирование Донузлавской ВМБ, в которой был создан отдел тыла со складами.

По выслуге лет был уволен начальник штаба тыла флота, и вместо него был назначен капитан 1 ранга Н. А. Ермаков с должности начальника штаба Потийской ВМБ, которая расформировывалась. Смена произошла 1 сентября.

С 22 сентября по 13 октября боеготовность сил флота проверяла Главная инспекция Министерства обороны под руководством Маршала Советского Союза К. С. Москаленко.

На разборе, длившемся три часа в Доме офицеров флота, маршал К. С. Москаленко отметил много недостатков, но в конце доклада оценил боеготовность флота положительно, высоко оценил деятельность командующего и члена Военного совета флота, а В. А. Самойлова, меня, В. Н. Паникоровского назвал «грамотными и подготовленными руководителями», о тыле флота в докладе было сказано, что он «способен ко всем видам тылового обеспечения во всех районах».

После инспекции мне был предоставлен отпуск, и я с женой улетел в военный санаторий в Ессентуки, где подлечились

минеральными водами. Там мы встретили адмирала В. С. Сысоева и его жену, несколько дней провели вместе в прогулках, беседах и в чаепитии по вечерам.

29 октября мне позвонил А. Ф. Морозов и сообщил, что ему и К. К. Безпальчеву присвоено звание контр-адмирал, а Ю. Свиридову — генерал-майор. Такого приятного «звездопада» за всю историю тыла флота никогда не было. П. Н. Медведев, В. А. Самойлов и В. Н. Паникаровский стали вице-адмиралами, а Б. Е. Ямковому присвоено звание полного адмирала. В тот же день я пошел на почту и послал им всем поздравительные телеграммы.

29 ноября на собрании партийного актива тыла флота после моего доклада с большой речью выступил командующий флотом адмирал Н. И. Ховрин с одобрением деятельности тыла флота, отметив и недостатки в работе вооруженческих отделов, от которых, по его словам, зависит боеготовность кораблей флота. А на другой день я выступил на флотской профсоюзной конференции с докладом о состоянии профсоюзных организаций тыла флота и мерах по повышению их деловитости и активности.

В середине декабря вместе с начальником штаба тыла побывали на сборах руководящего состава Тыла Вооруженных Сил, который был посвящен транспортным проблемам. С интересными и полезными докладами выступили представители всех министерств, владеющих транспортными средствами, об их готовности к перевозкам в интересах Вооруженных Сил в военное время. На подведении итогов за минувший год генерал армии С. К. Куркоткин несколько раз положительно отозвался о деятельности тыла нашего флота с упоминанием моей фамилии.

В истекшем году в тылу были и различные неприятные случаи, свидетельствующие об упущениях в деятельности руководящего состава тыла флота. Так, в день начала нового учебного года в Севастопольской бухте ГКС-11 протаранил баржу с нефтью, которую буксировал заводской буксир СР3-13. Через пробоину в бухту вытекло около 20 тонн нефти, образовавшей обширное пятно. Принятыми мерами оно было ликвидировано. А 3 декабря состоялось запланированное ранее заседание Военного совета флота с моим докладом об усилении мер по предотвращению загрязнения моря.

В наступившем 1977 году, как и в предыдущем, в январе было много разного рода заседаний, совещаний, собраний, сборов, поездок по объектам тыла. С группой тыловых специалистов летал в Николаев, где на заводе имени 61 коммунара строился большой корабль комплексного снабжения «Березина» с высокой по тому времени автоматизацией и механизацией погрузочно-разгрузочных работ.

29 января с оперативной группой тыла флота на флотском самолете вылетел в Тбилиси, где на полигоне Караязы Закавказского военного округа начальник Тыла Вооруженных Сил проводил крупномасштабное учение, посвященное задачам тыла в условиях после нанесения ядерных ударов. Генерал армии С. К. Куркоткин дважды заслушал нашу группу по оценке обстановки и решениям по вводным и на разборе 3 февраля похвалил нашу оперативную группу и поставил в пример графическое оформление наших решений на картах.

Перед отлетом из Севастополя командующий флотом поручил разобраться с жалобой на флот сухумского руководства о том, что якобы наша радиолокационная станция, расположенная на оконечности мыса Пицунда, облучает жителей городка. Из ЦК КПСС, куда была послана эта жалоба, пришло указание разобраться и доложить. Мне выдали данные по секторам облучения, сделанные квалифицированными специалистами, с которыми я был принят вторым секретарем ЦК Компартии Грузии Г. В. Колбиным, который был в курсе этого конфликта. Когда мы встретились, оказалось, что мы с ним были знакомы. Когда я прилетал в Свердловск на совещание по комплексу «Вьюга» на машиностроительный завод имени М. И. Калинина, на котором размещалось ОКБ Л. В. Люльева, мы и познакомились. В ту пору Г. В. Колбин был секретарем парткома завода.

Он рассмотрел наши схемы и расчеты по работе РЛС и заявил, что конфликт можно считать исчерпанным и что он даст указание руководству Сухуми отозвать их жалобу. Я попросил Г. В. Колбина подписать ответ в секретариат ЦК КПСС, что он и сделал.

Я по телефону доложил командующему флотом о КШУ и разрешении конфликта с РЛС на мысе Пицунда. Он высказал удовлетворение и объявил, чтобы 5 февраля я был готов с ним лететь в Ленинград для участия в двухдневной конференции под руководством ГК ВМФ, посвященной проблемам тылового обеспечения в первых операциях с применением оружия массового поражения, и что на конференции запланирован и мой доклад.

Прилетел в Севастополь 3 февраля, в моем распоряжении были только одни сутки для подготовки выступления, которое получило одобрение ГК ВМФ.

Отпросившись у командующего флотом, я не стал участвовать в торжествах, посвященных 150-летию Военно-морской академии и намеченных на 9 февраля, и улетел в Севастополь. В этой поездке простудился и вернулся домой с высокой температурой.

Меня встретила заплаканная жена — у нее обнаружили опухоль с подозрением на недоброкачественность. Когда я беседовал с нашими врачами, они настаивали на ее отправке в госпиталь им. Бурденко. Я договорился с начальником госпиталя и заказал билеты на поезд, но получил приказание 16 февраля быть в Москве вместе с начальником оперативного управления контр-адмиралом К. И. Жилиным для доклада Главкому предложений флота о совершенствовании тылового обеспечения кораблей в Средиземном море как в мирное время, так и при осложнении обстановки. Такие расчеты и схемы были давно нами отработаны, но сроки докладов несколько раз переносились. Этому вызову я даже обрадовался, когда получил разрешение командующего флотом забрать с собой жену на флотском самолете АН-24, который доставил нас в Москву вечером 15 февраля. На аэродром в Астафьево за нами прислали две машины. На одной контр-адмирал К. И. Жилин с картами и документами поехал в Главный штаб ВМФ, и я попросил его доложить адмиралу флота Н. Д. Сергееву о моих проблемах, что он и сделал. А я поехал устраивать жену в госпиталь, где ее определили в женское отделение.

Перед совещанием меня вызвал Н. Д. Сергеев, спросил о самочувствии жены и как ее приняли, а я доложил, что после совещания намерен лечь на очередное обследование.

Совещание началось в 11 часов с участием всех заместителей Главкома ВМФ. Адмирал Флота Советского Союза С. Г. Горшков, войдя в комнату для совещаний, поздоровался со всеми его участниками, посмотрел развешенные нами карты, схемы и таблицы расчетов, предоставил слово мне. Я начал доклад с того, что в основу всех наших расчетов и предложений мы положили директиву ГК ВМФ об оптимальном составе 5-й эскадры, и перечислил, сколько и каких кораблей и подводных лодок должно быть в ней. Тут Главком меня остановил, потребовал эту директиву за своей подписью и тут же ее «забраковал» и стал исправлять данные по количественному составу 5-й эскадры в сторону увеличения. После этого я доложил, что наши расчеты требуют доработки, с чем Главком согласился, но совещание не закрыл, а начал меня «пытать» о насущных проблемах тылового обеспечения, требующих разрешения в настоящее время. Я сумел собраться с мыслями и доложил об этих проблемах:

1. Со снабжением горюче-смазочными материалами, водой и продовольствием в мирное время силами имеющихся на флоте судов проблема решается. Однако в угрожаемый период потребуется увеличить их число (перечислил поименно эти суда), а также привлекать танкера и транспорты Черноморского

морского пароходства (назвал их).

2. Труднее решается проблема с подачей боеприпасов и оружия из-за отсутствия судов специальной постройки для этих целей. Эту задачу можно решить арендой или закупкой гражданских транспортов типа «Бежица», использование которых было освоено на учениях. Для мирного времени достаточно иметь один такой транспорт, а в угрожаемый период — не менее трех. Тут ГК ВМФ остановил меня и поручил Главному штабу изучить этот вопрос вместе с заместителями ГК ВМФ и доложить.

3. Необходимо иметь группировку вспомогательных судов, специально предназначенных для обеспечения кораблей в Средиземном море. Фактически создана на флоте нештатная бригада морских судов обеспечения, но мы не нашли поддержки в деле превращения ее в штатную. Тут Главком сказал, что этот вопрос ему известен, его надо решить положительно. Я взглянул на адмирала Л. В. Мизина — он показал мне большой палец в знак одобрения, так как его доклады по этому вопросу не находили положительного решения.

4. В связи с потерей пунктов базирования и снабжения в Египте требуется искать возможность создания в сирийском порту Тартус пункта материально-технического обеспечения с постоянным базированием в нем плавмастерской, морского буксира, спасательного буксира и плавучего склада.

На этом совещание закончилось. Главком приказал окончательно отработать и согласовать все вопросы по упорядочению системы тылового обеспечения кораблей 5-й эскадры в различных условиях обстановки и, обращаясь ко мне, назначил срок повторного доклада — 3 марта. Тут неожиданно для меня Н. Д. Сергеев доложил Главкому о моих бедах, что мне надо пройти обследование в госпитале, и он сказал: «Раз надо, то ложись». Я был обрадован такому решению и с волнением поблагодарил адмирала флота Н. Д. Сергеева за внимание, сочувствие и помощь. Позвонил командующему флотом и доложил об итогах совещания и разрешении о моей госпитализации, как я рассчитывал, на 2–3 недели. Он не возражал.

В тот же день я лег в госпиталь. Жена обрадовалась моему появлению. Мы снова оказались вместе в госпитале, полагая, что это нам поможет в преодолении недугов. Мое обследование шло в темпе, и я уже стал готовиться к выписке, как 9 марта мне был нанесен коварный удар сообщением, что обнаруженные полипы начали перерождаться и требуется немедленная операция по их удалению. Это подтвердил консилиум врачей на другой день. Такое решение было для меня хуже, чем гром при ясном небе.

Позвонил командующему флотом и доложил о своем бедственном положении. Он тоже был озабочен сообщением об оперативном вмешательстве, высказал сочувствие и надежду, что я не паду духом и выдержу. Меня перевели в хирургическое отделение, где начали готовить к операции, которую предложил сделать главный хирург М. В. Шеляховский. И я согласился, так как верил в его способности. Так начался самый трудный период в моей жизни, выведший меня из строя на длительное время.

Операция прошла 16 марта, длилась три часа и закончилась успешно. Но после нее я отходил тяжело и долго. Пять суток меня продержали в палате интенсивной терапии. Каждый день с многочисленными процедурами в лежачем положении казался вечностью. Только на пятые сутки мне помогли занять положение сидя на койке и пытались поставить на ноги, впервые дали бульон, отменив ненавистную капельницу.

Наконец-то 21 марта меня перевели в палату со всеми удобствами. Неожиданно позвонил адмирал Н. И. Ховрин и поздравил с успешной операцией и пожелал быстрейшего выздоровления. После него позвонил начальник медицинской службы флота генерал-майор медслужбы А. Е. Пестов и доложил, что командующий флотом каждый день требовал доклада о моем состоянии. Такое заботливое отношение к моему здоровью поднимало настроение и помогало набираться сил. В тот же день в палате появился вице-адмирал П. Н. Медведев, прилетевший на какое-то совещание. Он рассказал об обстановке на флоте и в тылу, поделился и своим горем — тяжело болела жена.

Мой «урезанный» желудок начал набирать силу, но моей радости пришел конец, когда через два дня он перестал работать и его начали промывать, а эта процедура оказалась мучительной. Возобновили питание через капельницу. И только через шесть суток благодаря принятым М. В. Шеляховским энергичным мерам, вплоть до облучения, внутренние органы начали нормально функционировать. Целыми днями у моей постели находилась жена Антонина Николаевна. Она ухаживала за мной, помогая мне преодолеть тягостное состояние.

В один из апрельских дней меня навестили сразу три севастопольских адмирала: В. А. Самойлов, И. Ф. Аликов и К. К. Безпальчев, прилетевшие на партийно-хозяйственный актив и рассказавшие о событиях на флоте.

Только через 21 день после лежания в постели внимательный и заботливый лечащий врач капитан медслужбы В. Пашкевич разрешил мне выйти на прогулку в сопровождении жены и подышать свежим воздухом. Я сделал несколько шагов, ноги не слушались, я быстро устал и вернулся в палату. С этого дня я

начал ежедневно совершать прогулки, увеличивая их по времени и расстоянию. Врачи составили для меня разнообразное меню. Кормили часто и понемногу. Почти ежедневно навещал меня главный терапевт флота полковник медслужбы В. И. Рокин, находившийся на курсах усовершенствования врачей. Навестили меня и главный хирург ВМФ генерал-майор медслужбы М. В. Портной, и главный хирург ВС генерал-лейтенант медицинской службы К. М. Лисицын.

9 апреля ко мне приехал адмирал Н. И. Ховрин. Тепло поздоровался, внимательно оглядел мой неказистый внешний вид (я потерял 10 кг веса) и сказал, чтобы я поправлялся основательно, не спешил и слушался врачей. А перед уходом сказал, что обо мне был у него разговор с Главкомом, который приказал никаких представлений о моем перемещении и увольнении не делать, а мне продолжать службу. Я поблагодарил за внимание и заботу и сказал, что моя дальнейшая служба будет зависеть от моего выздоровления.

Николай Иванович спросил о состоянии Антонины и попросил передать ей привет и пожелание полного выздоровления. В тот же день меня навестил вице-адмирал В. Х. Саакян и рассказал о своей службе в Главном штабе ВМФ на должности начальника оперативного управления.

В палату рядом с моей поселили адмирала В. Ф. Трибуца и моего товарища контр-адмирала Л. М. Кузнецова. Они каждый день приходили ко мне звонить по телефону и смотреть телевизионные передачи, а я по многу часов лежал в постели под капельницами. Их разговоры помогали мне коротать время.

15 апреля наш ангел-хранитель М. В. Шеляховский оперировал Антонину, которая два дня находилась в реанимационной палате, а когда ее оттуда перевели, я стал ее ежедневно навещать, приносить фрукты. А через 10 дней ей разрешили прогулки, и теперь уже я сопровождал ее.

К сожалению, мое выздоровление шло очень медленно, несколько раз поднималась температура, и меня укладывали в постель. Каждые приемные дни меня навещали московские друзья, еженедельно приезжали адмиралы Б. Е. Ямковой и В. Г. Новиков с женами. Часто звонили из Севастополя мои заместители К. К. Безпальчев, А. Ф. Морозов, Н. А. Ермаков и С. П. Осадчий, которые информировали меня о событиях на флоте и в тылу, советовались со мной по служебным делам.

Переговорил с командующим флотом и доложил, что дело идет к концу нашего пребывания в госпитале и что нам после выписки предложили лечение в Солнечногорском санатории ВМФ. Он ответил одобрительно и сказал, что я могу рассчитывать

на его помощь.

Меня выписали из санатория 16 мая и направили на 10 суток долечиваться в филиале военного госпиталя имени Мандрыки, расположенном недалеко от Болшева в живописном лесном массиве. 27 мая на машине, присланной адмиралом Л. В. Мизиным, я заехал в госпиталь им. Бурденко, получил путевки, забрал жену, и мы уехали в Солнечногорск, где о нашем приезде было известно заранее. Быстро оформили и разместили в двухкомнатном люксе на втором этаже главного спального корпуса. На другой день, проснувшись, поздравил Антонину с днем рождения.

Всю дорогу до Солнечногорска и всю первую неделю шли непрерывные дожди и было прохладно. Из процедур я выбрал только массаж и бассейн. Питание было диетическое, готовили вкусно, и у меня развился аппетит. 2 июня утром, когда я плавал в бассейне, позвонил адмирал Н. И. Ховрин и переговорил с Антониной, поинтересовавшись, как нам отдыхается. Наконец, 7 июня впервые появилось солнце, потеплело, и мы начали совершать прогулки по территории санатория и его окрестностям. Побывали с экскурсией в поселке и на курсах «Выстрел», где был образцовый порядок. Приезжал к нам М. В. Шеляховский, осмотрел нас и посоветовал через месяц приехать в госпиталь на контрольное обследование.

Только 20 июня мы уехали из Москвы симферопольским поездом, на машине добрались до дома после четырехмесячного отсутствия.

Доложил командующему флотом о возвращении, он приказал уйти в очередной отпуск. Надо было куда-то уехать, но произошла задержка с назначенным М. В. Шеляховским курсом амбулаторного лечения в 110-й флотской поликлинике.

27 июля мы на 10 дней уехали в наш санаторий в Ялте. Мне стало известно, что 31 июля в Симферополь приезжают Шеляховские для отдыха в Гурзуфском военном санатории. Я на служебной машине встретил их на вокзале и через Ай-Петри привез в наш санаторий, где Антонина приготовила обед. Наш санаторий им очень понравился. Михаил Владимирович нас осмотрел, посмотрел анализы и остался доволен. Мы отвезли их в Гурзуф, где начальник санатория полковник медслужбы С. К. Чудаков уже был обеспокоен исчезновением Шеляховских.

Мы постарались разнообразить пребывание наших друзей в Крыму. Свозили их на Ай-Петри, где переночевали в чайном домике и полюбовались местными пейзажами, а когда закончилось их пребывание в Гурзуфе, привезли их в Севастополь, разместили на даче в Омеге и показали им

достопримечательности города.

11 августа, после шестимесячного вынужденного перерыва по болезни, я вышел на службу и включился в водоворот событий, требующих напряжения всех физических и моральных сил. Все время моего отсутствия обязанности начальника тыла исполнял мой энергичный и деятельный заместитель контр-адмирал К. К. Безпальчев. Уверенно врос в обязанности начальника штаба тыла капитан 1 ранга Н. А. Ермаков. Всегда был на высоте начальник политотдела контр-адмирал А. Ф. Морозов. Им я выразил слова благодарности и признательности.

По приказанию командующего флотом я встречал и сопровождал с 7 по 11 сентября группу слушателей иностранного факультета Академии Генерального штаба в количестве 96 человек. Им были показаны корабли флота, проведен выход в море с выполнением боевых упражнений с использованием оружия и высадкой морского десанта с десантных кораблей.

15 сентября с контр-адмиралом И. Ф. Аликовым летали в Киев на собрание партийного актива республики, посвященное рекордному урожаю (было собрано 1 миллиард 110 миллионов пудов зерна).

Но, увы, мне снова не повезло со здоровьем. С 21 сентября по 7 октября я с воспалением легких лежал в нашем госпитале, когда большая группа офицеров во главе с новым начальником ГШ ВМФ прилетела для проверки и подведения итогов деятельности флота за прошедший год. Я успел поприсутствовать на разборе этой проверки 10 октября. Работа тыловых органов флота была признана положительной.

Удалось побывать на многих объектах тыла в Севастополе, провожать суда, выходящие на боевую службу.

Особенно запомнилась встреча спасательного судна СС-26, которое под командованием капитана 3 ранга Юрганова провело на боевой службе 409 дней и получило отличную оценку от командования 5-й эскадры. Я обошел все помещения судна и убедился в их образцовом состоянии. На опросе личного состава не было высказано ни одной жалобы, настрой у моряков был бодрым. Я доложил командующему флотом о моих впечатлениях от встречи и о состоянии СС-26. Он приказал подготовить приказ о поощрении экипажа, что и было сделано.

Мой день рождения 3 декабря был омрачен тревожным сообщением: на танкере «Борис Чиликин», который накануне ушел на боевую службу, в центральной части Черного моря вышел из строя главный двигатель, танкер потерял ход. Принятыми мерами удалось его с помощью буксиров возвратить в базу, устранить повреждения, произошедшие не по вине личного

состава. 6 декабря танкер вновь двинулся на боевую службу, которая прошла без поломок.

17 декабря, возглавляя группу хозяйственников флота в количестве 16 человек, вылетел в Москву для участия во Всеармейском совещании по быту, которое состоялось в ЦДСА 19–20 декабря. Совещание открыл Министр обороны Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, которого я увидел впервые. В президиуме были все Главкомы, кроме ГК ВМФ, находящегося с визитом на Кубе, командующие и члены Военного совета округов и флотов, кроме адмирала Н. И. Ховрина и ЧВС вице-адмирала П. Н. Медведева, которые были на Пленуме ЦК КПУ, начальники тылов видов Вооруженных Сил. Зал ЦДСА, вмещающий 1.000 человек, был заполнен полностью.

После короткой вступительной речи Министра обороны, подтвердившего важность совещания, которое должно послужить коренному улучшению быта личного состава Вооруженных Сил как основы поддержания их в высокой боеготовности, с докладами выступили генералы армии С. К. Куркоткин и А. А. Епишев, отметив в лучшую сторону и Черноморский флот. Во второй половине дня и первой половине второго дня работали секции. Я был включен в секцию вещевого снабжения, на которой выступил по насущным вопросам обеспечения флота вещевым имуществом.

В залах ЦДСА были выставлены образцы оборудования тыловых объектов, в том числе и действующие. В их числе были и 8 наших макетов, получившие высокую оценку. Совещание закончилось большой речью Министра обороны, которая всем участникам понравилась как по содержанию, так и по манере изложения выводов и постановке задач по коренному изменению к лучшему отношения всех органов Вооруженных Сил к быту личного состава.

После завершения совещания я доложил командующему флотом о его проведении и получил разрешение на контрольное обследование в госпитале.

Я возвратился из Москвы 30 декабря, и новый, 1978 год мы впервые встретили лишь вдвоем из-за плохого самочувствия жены. А начался год с неприятности.

3 января в газете «Красная звезда» появилась статья нештатного корреспондента Е. Коровина под заголовком «В корне улучшить» с серьезной критикой Севастопольского отдела военной торговли. Эта статья вызвала резкую реакцию ГК ВМФ и начальника политуправления ВМФ, потребовавших расследовать работу управления военной торговли, обсудить на Военном совете, устранить вскрытые газетой нарушения и доложить.

Целый месяц длилось расследование. Было принято решение ВС флота об увольнении начальника военной торговли флота полковника В. П. Бичаева и о перемещении управления военной торговли из Симферополя в Севастополь. Об этом решении адмирал Н. И. Ховрин и вице-адмирал П. Н. Медведев доложили Главкому и адмиралу В. М. Гришанову, а мы с начальником политотдела А. Ф. Морозовым послали ответ в редакцию газеты. Мне и начальнику политотдела было указано на недостаточный контроль за деятельностью военной торговли флота. В результате принятых мер и кадровой перестановки обстановка в военной торговле стала более стабильной, что отметили последующие проверки.

В феврале было много мероприятий, связанных с подготовкой и проведением празднования 60-летия СА и ВМФ. Состоялось собрание партийно-хозяйственного актива флота с моим докладом, флотская комсомольская конференция. Начальник отдела туризма Министерства обороны генерал-майор А. П. Гащук вместе с заместителем начальника Тыла Вооруженных Сил генерал-лейтенантом Н. С. Рожковым прилетали для вручения нашей турбазе диплома 1-й степени и денежных премий работникам турбазы и отдела туризма флота, активным и деятельным начальником которого был капитан 2 ранга Головня.

Но главной заботой тыла была подготовка ТАКР «Киев» к постановке в док, для чего нужно было его полностью разгрузить, на что ушло четверо суток работы без перерыва. А после его выхода из дока 1 марта так же спешно проходила его загрузка.

Началась усиленная подготовка к крупному оперативно-стратегическому учению «Союз-78» под руководством Главнокомандующего Вооруженными Силами стран Варшавского Договора Маршала Советского Союза В. Г. Куликова с участием оперативных групп вооруженных сил Болгарии и Румынии, Одесского военного округа и Черноморского флота, с их размещением в румынском курортном городке Мангалия.

Командующий флотом утвердил состав оперативной группы в количестве 50 человек, которые 12 марта на штабном корабле «Ангара» вышли из Севастополя и пришли в румынский порт Констанца на другой день. Далее оперативная группа на автобусах была доставлена в Мангалию и разместилась в комфортабельном отеле «Амфитеатр» с видом на море.

Весь день 14 марта ушел на отработку взаимодействия, которое было без проблем достигнуто с руководством тылов Болгарской армии и Одесского военного округа, а румынская сторона отказалась подписать такой план, заявив, что флот Румынии будет действовать самостоятельно и только в своих

территориальных водах. В течение пяти дней (15–19 марта) шли непрерывные доклады по различным вводным, решение которых готовилось в вечернее и ночное время, а докладывалось днем. Мой доклад прошел благополучно, и в приказе по итогам учения мне была объявлена благодарность. На разборе 21 марта маршал В. Г. Куликов похвалил наш флот, а адмирала Н. И. Ховрина назвал «опытным и решительным командующим».

В тот же день мы намеревались выйти из Констанцы, но румынская сторона решила устроить прием в честь нашей делегации, который прошел хорошо. Потребовался ответный прием на «Ангаре», который прошел еще лучше.

Пока мы обменивались приемами, погода резко испортилась, пошел дождь со снегом, начался шторм, который к утру еще более усилился, и выход «Ангары» не состоялся. Командующий флотом, забрав 20 человек, принял решение на автобусах доехать до аэродрома ПВО в Болграде (Молдавия), расположенного в 300 километрах от Констанцы. Затем на флотском самолете АН-24, переправленном туда, мы за три часа долетели до Качи, откуда на машинах добрались до Севастополя. «Ангара» возвратилась с остальным составом оперативной группы лишь через двое суток. Через несколько дней командующий флотом сделал подробный разбор нашего участия в КШУ «Союз-78» на сборе руководящего состава флота.

17 апреля я встретил на аэродроме генерала армии С. К. Куркоткина, прилетевшего с начальниками подчиненных управлений для проверки готовности санаториев Министерства обороны в Крыму к летнему сезону, и уговорил его посетить санаторий флота в Ялте. Он остался доволен его содержанием, чистотой и порядком.

В апреле начали подготовку к проверке флота инспекцией Тыла Вооруженных Сил, которая по плану должна была приехать и работать в мае. Еще в начале апреля командующий флотом подписал телеграмму о приведении в порядок в объединениях и соединениях флота корабельного и войскового хозяйства, столовых и продпищеблоков, бытовых условий в кубриках кораблей и в береговых казармах. Зная, что особенно тщательно будет проверяться Феодосийский гарнизон, я позвонил заместителю начальника НИЦ-31 капитану 1 ранга В. В. Потапову, порекомендовал, на что надо обратить особое внимание. На одном из заседаний Военного совета флота в апреле я подчеркнул, что инспекция будет проверять не только тыл, но и все соединения флота.

4 мая инспекция в количестве 70 человек, возглавляемая первым заместителем начальника Тыла Вооруженных Сил

генерал-полковником П. И. Сысоевым, прилетела на аэродром Гвардейское. Встречать ее пришлось мне, так как в это время комфлотом, ЧВС и первый заместитель комфлота были в отъезде.

Инспекция разделилась на две группы: одна часть на автобусах отправилась в Феодосию, а большая часть поехала в Севастополь. Генерал П. И. Сысоев никогда не был в Крыму и в поездках просил рассказывать о его историческом прошлом и достопримечательностях.

В Севастополе генерал-полковника П. И. Сысоева с генерал-лейтенантом медслужбы Могильным разместили в домике на ул. Суворова, 8, а остальных инспекторов — в гостинице СО МИС тыла флота. После обеда был заслушан мой доклад, вопросы задавал только генерал-полковник. К вечеру из Симферополя возвратился после пленума Крымского обкома КПУ командующий флотом и встретился с генералом Сысоевым, который представил план проверки и ревизии хозяйственной деятельности. Он высказал намерение назавтра убыть в Феодосию, и командующий предложил вертолет. Потом он позвонил генералу армии С. К. Куркоткину и доложил о начале работы инспекции.

По прилете в Феодосию был заслушан капитан 1 ранга В. В. Потапов, оставшийся за начальника НИЦ-31, находящегося в отпуске. После чего поместили нас в уютном домике Феодосийского военного санатория. После обеда мы побывали на кораблях бригады ОВРа и в бригаде подводных лодок, в их казармах, в госпитале, где было вскрыто много недостатков. Мне стало ясно, что никакой подготовки к инспекции предпринято не было.

Вечером я доложил об этом командующему флотом. Он возмутился и дал еще одну грозную телеграмму по флоту.

Вечером я собрал феодосийских начальников и от имени командующего приказал в течение суток устранить большинство недостатков, а через день попросил генерала послать своих инспекторов вместе с офицерами служб тыла проверить, как устраняются недостатки там, где побывал генерал. И они доложили, что действительно многие недостатки устранили.

6 мая мы объездили все склады в Феодосии, где основным недостатком было почти полное отсутствие механизации погрузочно-разгрузочных работ. 7 мая был выходной день, и мы на торпедолове вышли на рыбалку и прошли вдоль побережья до Кара-Дага. 8 мая мы выехали в Керчь, а накануне я позвонил хорошо знакомому первому секретарю горкома партии Сергею Чистову, который встретил нас при въезде в город и увлек генерала показом достопримечательностей. Так что у того осталось мало времени для проверки тыловых объектов. А 9 Мая

П. И. Сысоев попросил придумать, как нам его провести, чтобы не мешать городским властям и гарнизону в проведении праздничных торжеств. Он принял мое предложение побывать на Азовском море, на рыболовецком сейнере выйти на рыбалку. День был теплый и солнечный, рыбалка была удачной, и нас рыбаки накормили до отвала прекрасной осетровой ухой.

10 мая мы выехали в Севастополь, доставив огромное удовольствие Петру Ивановичу, так как он впервые увидел прелести Южного берега Крыма. Приехав в Севастополь, генерал у командующего флотом доложил о своих впечатлениях от пребывания в Феодосии и Керчи, о выявленных недостатках на тыловых объектах, большинство из которых было устранено в ходе проверки благодаря энергичным мерам, предпринятым начальником тыла флота. Зашел разговор о возможном приезде генерала армии С. К. Куркоткина и о том, что ему показать. Я предложил провести учение по заправке топливом, водой и передаче других грузов одновременно трем кораблям с танкера «Борис Чиликин», посетить СВВМИУ и полк морской пехоты.

После этого генерал Сысоев позвонил С. К. Куркоткину и благожелательно доложил о ходе проверки, а адмирал Н. И. Ховрин пригласил его побывать на флоте, сообщив предварительную программу. Генерал армии согласился и сказал, что прилетит 17 мая на двое суток. Это не изменило плана генерала Сысоева посетить Измаил, Одессу, Очаков и Донузлав.

Несмотря на неблагоприятную и штормовую погоду, на танкере «Золотой Рог» мы вышли вечером 10 мая из Севастополя, полностью выполнили программу похода и поздно вечером 14 мая возвратились в Севастополь. Узнав, что на 15 мая намечена тренировка по передаче грузов трем кораблям с танкера, генерал Сысоев решил быть на этой тренировке, чтобы убедиться в готовности к показу.

Тренировочным учением руководил командир 30-й дивизии противолодочных кораблей с ПКР «Москва», и оно прошло успешно. Генерал Сысоев был поражен четкими действиями кораблей и танкера, о чем с восхищением поделился с командующим флотом после тренировки.

16 мая я побывал на всех объектах показа и подсказал, что надо поправить. Стало известно, что на следующий день прилетает ГК ВМФ по пути в Йемен, будет ночевать в Омеге.

Генерала армии С. К. Куркоткина, прилетевшего с начальниками подчиненных центральных управлений и начальником Тыла ВМФ, встретили все члены Военного совета во главе с адмиралом Н. И. Ховриным на аэродроме Бельбек. На вертолете перелетели на ПКР «Москва», который вместе с двумя

БПК и танкером стоял на внешнем рейде. После церемониальной встречи крейсер снялся с якоря и пошел к танкеру «Борис Чиликин», который уже был на ходу, шел со скоростью 10 узлов.

Генерал армии внимательно наблюдал за подходом кораблей к танкеру, передачей шлангов и наведением канатных дорог, действия экипажей были четкими и сноровистыми. В течение часа проходила передача грузов, эвакуация макета раненого с крейсера на танкер. Потом генерал армии попросил принести ему графин с водой, передаваемой с танкера, снял пробу и сказал, что вода хорошая и даже вкусная.

Когда учение закончилось, генерал армии согласился на обед, но не в салоне, а в офицерской кают-компании и высоко оценил вкусовые качества блюд. После прихода на катере на Минную стенку он побывал на подводной лодке и малом ракетном корабле и высказал удовлетворение их содержанием. Генерала армии мы разместили на большой даче в Омеге, ГК ВМФ пригласил его на ужин на малую дачу.

На другой день генерал армии побывал в СВВМИУ, полку морской пехоты, в дельфинарии и остался доволен увиденным. Потом генерал Сысоев доложил ему свои выводы и заключения, которые были утверждены.

После обеда генерал армии улетел в Москву, поручил генерал-полковнику провести разбор результатов проверки и ревизии, который состоялся на расширенном заседании Военного совета флота 24 мая.

Накануне разбора, после ознакомления с докладом, у меня состоялся откровенный и доверительный разговор с Петром Ивановичем о различиях в отношении к тылам в армии и на флоте. С тыла флота больше спрашивают за снабжение оружием, техническими средствами и за судоремонт, чем за бытовые условия. Я попросил генерала учесть это на разборе, и он внес изменения в доклад, изложив причину, почему на флоте больше внимания уделяют, как он выразился, «железу, а не быту». В докладе на Военном совете генерал-полковник П. И. Сысоев положительно оценил деятельность тыла флота и его руководства. В лучшую сторону были отмечены медицинская, топливная и продовольственная службы, а среди отстающих — вещевая и ветеринарная службы.

Мы с теплотой и сердечностью проводили генерал-полковника П. И. Сысоева и инспекцию в целом. У меня сложились доверительные и дружеские отношения с Петром Ивановичем, которые сохранились и в последующие годы. Потом от жены, находящейся в госпитале им. Бурденко, узнал, что Петр Иванович, прилетев в Москву, поехал не домой, а вместе с женой

заехал в госпиталь им. Бурденко, посетил Антонину, вручил ей букет крымских роз и рассказал обо мне, что для нее было неожиданно, и она даже растерялась.

Потом генерал Сысоев был у ГК ВМФ и похвально отозвался о деятельности тыла под моим руководством.

Через несколько дней у меня состоялся разговор с командующим флотом о моей службе, я заявил, что мне пора ее кончать прежде всего по состоянию здоровья, да и по возрасту, на что он сказал: «Подожди, не торопись, дай встать на крепкие ноги Ермакову». И я продолжал служить в прежнем ритме, поддержал кандидатуру Н. А. Ермакова к назначению вместо меня. Ведь я тоже стал начальником тыла с должности начальника штаба тыла. 31 октября Н. А. Ермакову было присвоено звание контр-адмирал, и его шансы занять кресло начальника тыла возросли.

После отпуска, закончившегося 26 июня, я на две недели уезжал в Москву на очередное обследование и лечение, которые прошли успешно.

18 ноября весь воскресный день руководил обезвреживанием и уничтожением немецкой авиабомбы весом около тонны, обнаруженной жителем города при постройке гаража недалеко от железнодорожного вокзала в начале улицы Котовского. Бдительные ответственные лица сделали об этом доклады вплоть до Министра обороны. Это и послужило поводом для назначения меня ответственным за ее обезвреживание и уничтожение.

Саперы инженерного батальона с риском для жизни извлекли с помощью крана эту бомбу, осторожно загрузили на грузовую машину с песком, увезли на взрывное поле, где уничтожили. Об этом было доложено по цепочке до Министра обороны, который приказал отличившихся саперов представить к правительственным наградам, что и было сделано.

В конце ноября подписал и утвердил у командующего флотом план боевой подготовки тыла флота на 1979 учебный год, а также утвердил планы всех отделов и служб тыла флота.

Приближался мой юбилейный день рождения. Командующий флотом порекомендовал мне отметить его в субботу, 2 декабря, и я согласился. В назначенное время в Омеге собралось 50 человек. Присутствовали все члены Военного совета, командиры соединений флота, начальники управлений, отделов и служб флота и тыла, первый секретарь горкома партии Б. В. Черничкин и председатель горисполкома И. И. Кириченко. Торжество открыл командующий флотом адмирал Н. И. Ховрин проникновенной и теплой речью. Был зачитан приказ ГК ВМФ о награждении меня именным кортиком и поздравительный приказ командующего флотом. Выступили с поздравлениями почти все участники

застолья. Волнуясь, я выступил с ответной речью, поблагодарив всех за совместную службу и поддержку. Обстановка была дружеской и непринужденной. Но я почувствовал усталость и облегченно вздохнул, когда это длительное чествование закончилось.

Новый, 1979 год встретили в Омеге. 6 января вместе с начальником штаба выехал поездом в Минск на сбор руководящего состава Тыла Вооруженных Сил под руководством генерала армии С. К. Куркоткина. Сбор проходил в учебном центре Белорусского военного округа, расположенном в Колодище, в 25 километрах от Минска.

С Н. А. Ермаковым мы договорились, что на игре и при подведении итогов за прошедший год будет выступать он, о чем я попросил начальника Тыла ВМФ адмирала Л. В. Мизина. Во время сборов удалось съездить в Хатынь, прикоснуться к трагедии деревни, полностью уничтоженной со всеми жителями фашистскими извергами.

Мы возвратились из Минска 14 января, и в этот же день начальник отдела кадров капитан 1 ранга Н. Ф. Баранов сообщил, что вместо меня приказом Министра обороны назначен контр-адмирал Н. А. Ермаков, а я выведен в резерв ГК ВМФ.

17 января возвратился из отпуска командующий флотом, и я получил его разрешение на передачу дел по должности и на отъезд 21 января в Москву для прохождения ВВК в Главном военном госпитале имени Бурденко, где меня основательно обследовали и подлечили. В свидетельстве о болезни, которое мне вручили после заседания ВВК, записано, что я представлен к увольнению в отставку по болезни, полученной при несении военной службы.

Возвратился я в Севастополь 17 марта, доложил командующему флотом, который предоставил мне очередной отпуск. Несколько дней с женой мы были в санатории «Ялта», но из-за очень плохой погоды улетели в Таллин, где хорошо отдохнули у друзей, и возвратились в Севастополь 25 апреля.

18 мая мне прислали приглашение на собрание партийного актива флота, намеченное на понедельник, 21 мая. Меня известили, что после актива состоятся проводы меня с военно-морской службы. Меня избрали в президиум. С докладом о состоянии и мерах по улучшению идеологической и политико-воспитательной работы выступил член Военного совета вице-адмирал П. Н. Медведев.

В докладе резкой критике подверглось руководство тыла флота, где в этом году погибло 11 военнослужащих и была ослаблена профилактическая работа. Я чувствовал себя неудобно,

слушая, как несколько раз упоминался тыл флота с худшей стороны, чего раньше никогда не было. Меня также удивило, что никто из руководства тыла флота на собрании не выступил.

Когда собрание закончилось, командующий флотом объявил, чтобы все оставались в зале, и началась официальная процедура моих проводов.

Командующий флотом зачитал приказ Министра обороны о моем увольнении в отставку по статье 60 пункту Б (по болезни) с правом ношения военной формы одежды. И произнес большую речь о моей, по его словам, примерной и безупречной службе, подчеркнув, что за время пятилетней совместной службы с ним не было в тылу флота ни одного провала и что у него ко мне не было ни одной претензии. Что я на всех учениях, в том числе проводимых под руководством Министра обороны, Главнокомандующего ВМФ, Главкома Объединенных Вооруженных Сил стран Варшавского Договора, заместителя Министра обороны — начальника Тыла Вооруженных Сил получал только высокие оценки. Потом начальник отдела кадров флота зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1979 года о награждении меня орденом Красной Звезды за успехи в боевой и политической подготовке, освоении сложной боевой техники и поддержании высокой боеготовности. Под аплодисменты зала орден, медаль «Ветеран Вооруженных Сил» и благодарственную грамоту Министра обороны мне вручил командующий флотом. Петом с похвальными речами выступили вице-адмиралы П. Н. Медведев, В. Н. Виргинский, контр-адмиралы Н. А. Ермаков, П. Р. Дубягин, Н. Б. Мясоедов, С. Г. Алексеев, капитаны 1 ранга В.А. Корнейчук и Ф.И. Кантур, адмирал С. Е. Чурсин.

В своем выступлении я поблагодарил за высокую оценку моей деятельности на посту заместителя командующего флотом по тылу — начальника тыла флота, которую я расцениваю как признание заслуг большого коллектива тыла флота, который своим самоотверженным трудом обеспечил нашему флоту успешное решение всех поставленных задач. И я горжусь тем, что в общих усилиях борьбы за высокую боеготовность сил флота есть частица моего труда. В своей работе я всегда ощущал помощь и поддержку командующего флотом, всех членов Военного совета, штаба и политуправления флота, командиров соединений, начальников управлений, отделов и служб. Далее я сказал, что и в отставке буду жить интересами флота, радоваться его успехам и переживать отдельные неудачи, которые случаются, — жизнь есть жизнь…

В заключение я пожелал всему личному составу флота новых

успехов в повышении мощи и боеготовности родного Краснознаменного Черноморского флота. Моя речь неоднократно сопровождалась дружными аплодисментами.

Итак, день 21 мая остался памятным днем прощания с действительной службой в Военно-Морском Флоте, которому отдано 40 лет жизни, из них 20 лет — службе на КЧФ. Переход на пенсионную жизнь является поворотным и неизбежным событием.

На другой день состоялись проводы в штабе тыла, где собрался весь его руководящий состав. Было много выступлений, добрых слов о совместной службе. Я поблагодарил своих заместителей контр-адмиралов Н. А. Ермакова, А. Ф. Морозова, К. К. Безпальчева, полковника С. П. Осадчего и всех присутствующих за совместную работу с пожеланием успехов в службе и жизни.

Так началась моя жизнь в отставке, в которой я не потерялся и нашел себя в общественной и ветеранской деятельности. В этом мне помогает своей поддержкой, теплотой, заботой и вниманием жена Татьяна Ивановна.

Иллюстрации

Миша Бочкарев — ученик 7-го класса (1934 г.).

Ивушка на берегу реки Киря, недалеко от родного дома.

С матерью Прасковьей Ивановной и двоюродным братом Иваном Мечтановым (1930 г.).

С друзьями после окончания семилетки (1934 г.).

С одноклассниками после окончания средней школы (1937 г.).

С друзьями-студентами Госуниверситета (1938 г.).

Лейтенанты М. Бочкарев и Г. Лапшин после выпуска из Каспийского ВВМУ в октябре 1941 г.

Курсант 2-го курса ВВМУ им. Фрунзе (1940 г.).

Капитан 1 ранга К. Сухиашвили — командир 75-й морской стрелковой бригады (1941 г.).

Товарищ по КВВМУ Леонид Вихман, окончивший войну командиром 7-й партизанской бригады в Крыму (1945 г.).

У памятника морякам 75 МСБ, погибшим под г. Холм Новгородской обл.

Старший лейтенант А. Раков — помощник командира катера МО-111 (1943 г.).

Старшина 1 статьи Понамарев — командир отделения рулевых на катере МО (1943 г.).

Матрос Павленко, единственный из экипажа МО-123, оставшийся в живых после гибели катера 21 июля 1943 г.

Экипаж катера МО-123, погибшего в бою 21 июля 1943 г.

Начальник штаба Северного флота вице-адмирал В. Платонов (1944 г.).

Командир катера МО-434 старший лейтенант В. Кондрашов (1944 г.).

Старшина 1 статьи Ю. Нуждин — командир отделения радистов на катере МО (1943 г.).

Бывший комендор-наводчик 45-мм орудия катера МО-111 матрос Д. Чугунов (1973 г.).

Капитан-лейтенант И. Юхов — штурман 2 ГПКДМО (1944 г.).

Командир катера МО-124 лейтенант А. Рощин (1943 г.).

Командир 2 ГПКДМО — Герой Советского Союза гвардии капитан 3 ранга С. Зюзин (1944 г.).

Старший лейтенант В. Пинчук — связист 2 ГПКДМО (1944 г.).

Командир отряда катеров МО (1944 г.).

Старший лейтенант — артиллерист 2 ГПКДМО (1943 г.).

С женой Антониной в Сестрорецком доме отдыха (1946 г.).

Пассажирский лайнер «Кооперация», который в 1942–1945 гг. был плавбазой «Ветер», где базировался 2 ГПКДМО.

Начальник УБП штаба СФ капитан 1 ранга Ю. Юлинец (1954 г.).

На мостике плавбазы «Тулома» с ее командиром капитаном 2 ранга В. Похмельновым (1948 г.).

С другом капитаном 1 ранга Н. Поповым (1957 г.).

Коллектив представителей 10-го Главного управления Генерального штаба в Варшаве (1958 г.).

С польскими морскими офицерами в Гдыне (1958 г.).

Возложение венков к памятнику советским воинам, погибшим при освобождении Варшавы (1958 г.).

Офицеры штаба и политотдела 108-й БКОВРа.

Командир 141-й БКОВРа и ОИ (1961 г.).

С женой Антониной во время отпуска в Ялте.

На ходовом мостике СКР «Горностай» во время штурманского

похода вдоль Кавказского побережья (1961 г.).

Контр-адмирал Г. Громов.

В должности начальника штаба тыла ЧФ (1970 г.).

Вручение вымпела «За мужество и воинскую доблесть» полку морской пехоты ЧФ (1972 г.).

С Главкомом ВМФ на противолодочном полигоне (1974 г.).

Герой Советского Союза адмирал флота Владимир Афанасьевич Касатонов.

Адмирал Серафим Евгеньевич Чурсин.

Адмирал Виктор Сергеевич Сысоев.

Адмирал Николай Иванович Ховрин.

Выступление в качестве доверенного лица на выборах в ВС

СССР.

С капитаном танкера «Ельня» К. Пановым перед выходом в Средиземное море (1975 г.).

С заместителем начальника Тыла ВС генерал-лейтенантом М. Пономаревым на мостике танкера «Ельня» во время похода в Средиземное море (1975 г.).

С начальником Тыла ВС генералом армии С. Куркоткиным в СВВМИУ (1978 г.).

С заместителем начальника Тыла ВС генерал-лейтенантом Рожковым и начальником отдела туризма генерал-майором Титовым, приехавшими вручать диплом 1-й степени турбазе флота (1975 г.).

Встреча с ангольской военной делегацией в Омеге (1976 г.).

Вручение погон и кортиков выпускникам ЧВВМУ им. П.С. Нахимова (1976 г.).

Заправка трех кораблей от танкера «Борис Чиликин» (1978 г.).

На праздничной трибуне. Май 1975 г.

С первым заместителем начальника Тыла ВС генерал-полковником П. Сысоевым в Ялте (1978 г.).

С заместителем начальника Тыла ВС генерал-полковником П. Сысоевым на причале возле танкера «Золотой Рог» (1978 г.).

На Сапун-горе.

На корабле комплексного снабжения «Березина» (1977 г.).

Встреча в Севастополе (1980 г.).

Начальник противолодочного полигона контр-адмирал С. Н. Котов, начальник штаба 31 НИЦ контр-адмирал В. Крылов, начальник 31 НИЦ вице-адмирал М. Тольский. 1977 г.

С будущим контр-адмиралом К. Безпальчевым на причале Севастопольского морского вокзала. 1977 г.

На противолодочном полигоне с контр-адмиралом С. Н. Котовым, капитаном 1 ранга Ю. Рябининым. 1968 г.

С Л. Янгишиным, В. Сысоевым на катере «Альбатрос». Июль 1973 г.

С генералом армии Куркоткиным в санатории «Ялта». 1978 г.

На Всеармейском совещании по быту с начальниками тылов контр-адмиралами П. Белоусом (БФ), М. Косяченко (ТОФ), начальником штаба тыла ТОФа В. Петровым. 1978 г.

С генерал-лейтенантами: начальником Центрального вещевого управления Петровым и начальником Центрального управления военных сообщений Клеминым. 1977 г.

С первым заместителем начальника Тыла ВС генерал-полковником П. Сысоевым. 1978 г.

На трибуне во время вручения ордена Красной Звезды Черноморскому ВВМУ им. П. С. Нахимова. Май 1975 г.

Посвящение в гвардейцы молодых матросов (1984 г.).

Делегация КЧФ в День празднования юбилея освобождения Керчи.

В госпитале им. Н. Н. Бурденко с московскими друзьями (1974 г.).

На рыбалке в Ялте.

С главным хирургом госпиталя им. Бурденко генерал-майором медслужбы В. Шеляховским и его женой в Ялте (1977 г.).

С женой Антониной и ее подругой в Солнечногорском санатории ВМФ (1977 г.).

С сестрой Анастасией и ее дочерью у их дома (1978 г.).

В родной деревне, у памятника сельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны (1978 г.).

На открытии памятника академику А. Н. Крылову в деревне Висяги (Крылово), где он родился.

Выступление в клубе юных моряков в г. Чебоксары.

С председателем райисполкома Н.В. Лоскутовым во время отпуска на родине.